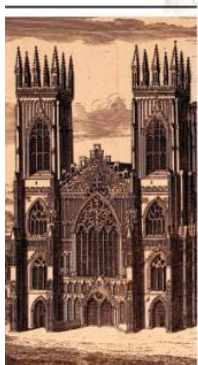

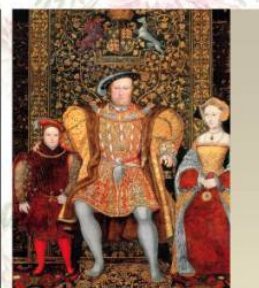
ЭЛИСОН УЭЙР

ВЕЛИКИЕ
ЖЕНЩИНЫ
В ИСТОРИИ

КОРОЛЕВА ВО ВЛАСТИ ПРИЗРАКОВ

РОМАН О ДЖЕЙН СЕЙМУР

Яркий и прочувствованный
образ Джейн Сеймур.

Kirkus Reviews

Женские тайны (Азбука-Аттикус)

Элисон Уэйр

**Джейн Сеймур. Королева
во власти призраков**

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэйр Э.

Джейн Сеймур. Королева во власти призраков / Э. Уэйр —
«Азбука-Аттикус», 2018 — (Женские тайны (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-17508-2

Элисон Уэйр, историк и автор бестселлеров «Екатерина Арагонская. Истинная королева» и «Анна Болейн. Страсть короля», создает очень подробный и убедительный портрет Джейн Сеймур, третьей королевы Генриха VIII. Джейн, в детстве мечтавшая стать монахиней, оказывается при дворе Генриха VIII сначала в качестве фрейлины у Екатерины Арагонской, а потом у Анны Болейн. Стремясь завоевать любовь короля и заслужить благосклонность своей семьи, Джейн втягивается в опасную политическую игру, но быстро понимает, что придворные интриги могут не только высоко вознести, но и уничтожить. Всего лишь через одиннадцать дней после казни Анны Болейн Джейн выходит замуж за короля. Сможет она дать Генриху VIII долгожданного сына или ее ждет судьба двух предыдущих королев? «Джейн Сеймур. Королева во власти призраков» – это третий роман принадлежащей перу Элисон Уэйр драматической серии, каждая книга которой посвящена одной из жен короля Генриха VIII. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17508-2

© Уэйр Э., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Часть первая. Некая юная леди	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	29
Часть вторая. Арена гордыни и зависти	41
Глава 5	41
Глава 6	57
Глава 7	68
Глава 8	76
Глава 9	79
Глава 10	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Элисон Уэйр Джейн Сеймур. Королева во власти призраков

Alison Weir

Jane Seymour. The Haunted Queen

© 2018 Alison Weir

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эту книгу я посвящаю трем своим прекрасным редакторам – Мэри Эванс, Сюзанне Портер и Флоре Рис

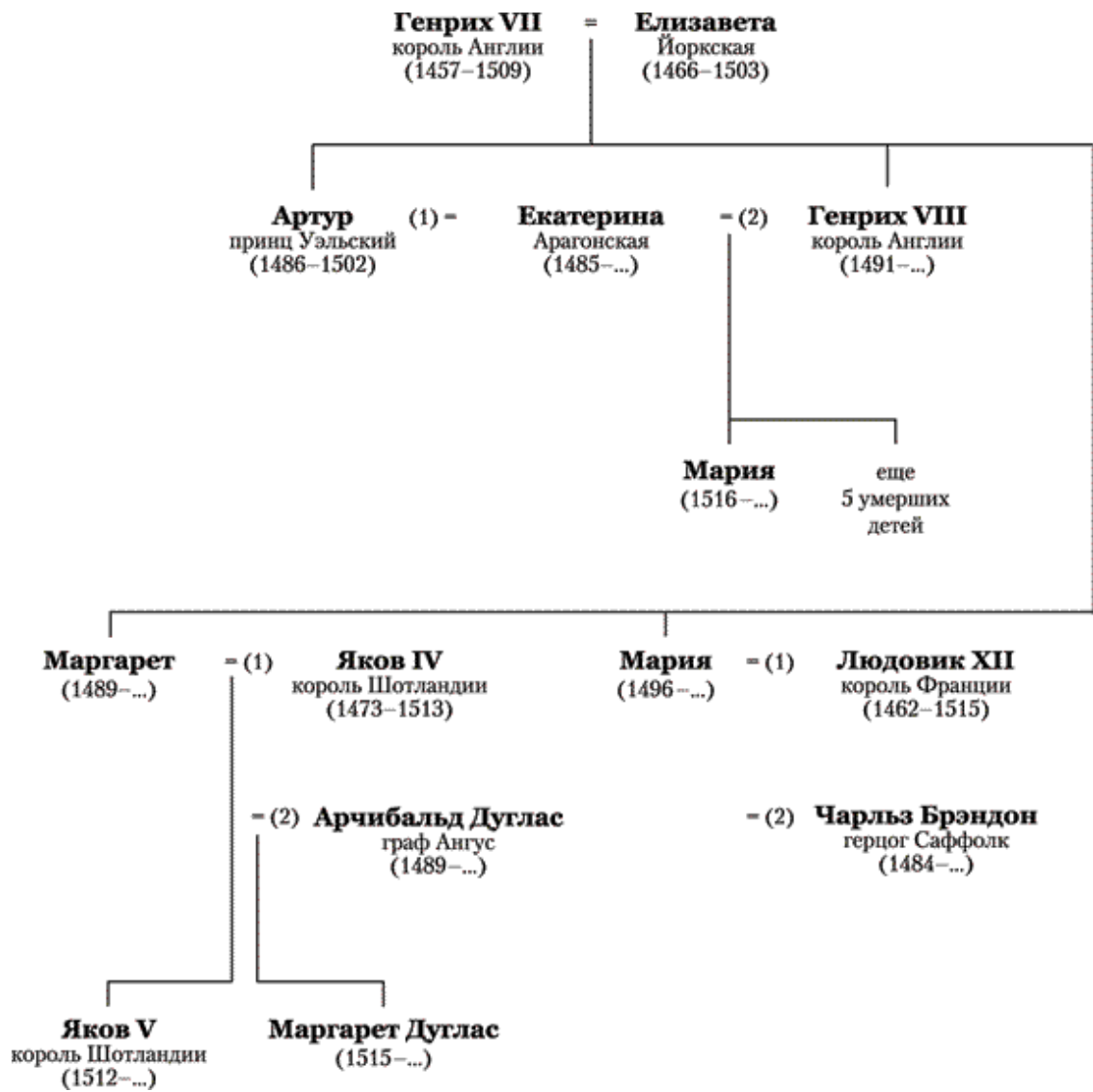
Это очень кроткая дама, насколько мне известно, и добродетелью не уступает любой другой королеве в Христианском мире. Уверяю Вас, милорд, король вознесся из ада на небеса благодаря ее мягкости в сравнении с той проклятой, которая принесла ему столько несчастий. Когда будете снова писать его милости, скажите, что Вы радуетесь его союзу с такой милой женщиной.

Письмо сэра Джона Расселла лорду Лайлу, 1536 год

Что дарят королевские венцы и яркие скипетры?

Предвестники они трагедии и смерти...

Из поэмы автора

Королевский дом Тюдоров. 1518 г.

Семья Сеймур

Часть первая. Некая юная леди

Глава 1

1518 год

– За здоровье молодой! – Сэр Джон Сеймур с улыбкой поднял кубок, и вся компания подхватила тост.

Джейн отхлебнула немного вина, наблюдая за своей новой невесткой, а та вся зарделась. Эдвард был без ума от юной жены. Еще бы, семнадцатилетняя Кэтрин – девушка очень милостивая и всего на год моложе жениха. Джейн не переставала удивляться, как же эта красотка преуспела в искусстве кокетства и с какой теплотой во взглядах смотрели на нее мужчины. Даже сэр Джон, казалось, находился под властью ее чар. Отец Кэтрин, сэр Уильям Филлол, насытившись, откинулся в кресле. Этот союз явно был ему по вкусу, а как иначе, ведь Эдвард, наследник своего отца, имел блестящие перспективы и все шансы преуспеть. Десятилетняя Джейн и та уже понимала: амбициозному молодому человеку женитьба на родовитой сонаследнице богатого землевладельца сулила большие преимущества.

Сэр Уильям похвалялся тем, что Филлолы могут проследить свою родословную до соратников Вильгельма Завоевателя.

– Как и мы, Сеймуры! – надменно заявил отец, не сомневавшийся в своем высоком положении в мире.

Что ни говори, а это был во всех отношениях достойный и выгодный брак, и он стоил того, чтобы устроить шикарное угощение. Длинные столы в Широком зале Вулфхолла были уставлены изысканными яствами, приготовленными под бдительным оком самой леди Сеймур. Пиршество украшали разнообразные блюда из мяса и дичи, но главным блюдом был великолепный запеченный павлин, заново одетый в свое роскошное оперение. Сэр Джон привез лучшее вино из Бордо, а гости облачились в новые пышные наряды, предназначенные специально для свадьбы.

Обычно сэр Уильям жил в Вудлендсе, рядом с Уимборном, меньше чем в пятидесяти милях от Вулфхолла, но для свадьбы он открыл Филлолс-Холл, и все семейство Джейн: мать, отец и семеро детей – приехали в Эссекс на свадьбу. Отцу очень понравилась новая невестка, он даже настоял, чтобы сэр Уильям и леди Дороти сопровождали Кэтрин, когда Эдвард повез ее обратно в Вулфхолл для продолжения торжеств. Из-за этого мать начала в спешке готовиться к приему гостей, и все сошлось на том, что она справилась прекрасно.

Сгустились сумерки, на каминной полке и подоконниках зажгли свечи; их мерцающие огоньки отражались в ромбовидных стеклах, заполнявших оконные проемы в каменных стенах. Пока Джейн смотрела на Кэтрин и Эдварда, которые разговаривали друг с другом и украдкой целовались, ей вдруг пришло в голову, что пройдет немногим больше восемнадцати месяцев, и она сама достигнет брачного возраста. К счастью, у отца пока не было на ее счет каких-то определенных планов.

Потому что девочка выходить замуж не желала. Ей хотелось стать монахиней. Все дразнили ее этим, не принимая такое странное намерение всерьез. Ну и пусть. Скоро они узнают, что она так же упорна в достижении жизненных целей, как и ее брат Эдвард. Джейн не могла представить, что ее сердечный, веселый нравом отец или обожаемая мать станут возражать. Им было известно о сие дочери, в котором она, надев монашеский плат, преклоняла колени перед Богородицей.

Эта сцена приснилась ей год назад, после того как родители отвезли их всех в усыпальницу Святого Мелора в приорате Эймсбери. Джейн ошеломило величие церкви с возносящимся ввысь восьмигранным шпилем, и она истово молилась у алтаря невинно убиенного мальчика-принца, встав на колени рядом со своими братьями и сестрами и сложив руки, как ее учили с детства.

С тех пор девочка прочно связывала свое будущее с этими двенадцатью акрами святой земли. Она представляла, как проводит свою жизнь в трудах и молитвах: поет в хоре на службах вместе с сестрами, собирает яблоки в саду или ловит рыбу в прудах, посвященных Господу. В следующем году она будет достаточно взрослой, чтобы вступить послушницей в монастырь Эймсбери.

А пока ей было приятно находиться в кругу семьи, она смеялась застольным шуткам, наслаждалась расставленной перед ней обильной едой и обменивалась шутливыми ударами с братом Томасом, который был моложе ее меньше чем на год и, сидя за столом, бросал засахаренные сливы в новобрачных. Мать нахмурилась.

– Кэтрин, простите моего младшего сына, – сказала она. – Он никогда не знает, где нужно остановиться. Том, немедленно прекрати!

– Малыш заразился общим духом веселья, – снисходительно заметил сэр Уильям, а его жена фыркнула.

– От него не знаешь чего ждать, – без улыбки произнес Эдвард.

Джейн слышала вздох матери. Эдвард никогда не уделял времени младшему брату, всегда относился к нему как к досадной помехе. А тот искусно доводил старшего до белого каления, решительно вознамерившись не допускать, чтобы Эдвард затмил его. Борьба была неравной: Эдвард – наследник, а Томас на восемь лет моложе. Ясно, кто из них всегда будет первым откусывать от яблока. Когда Джейн было шесть лет, Эдварда отправили пажом в свиту сестры короля, принцессы Марии, вышедшей замуж за Людовика. В следующем году Эдвард посещал университеты в Оксфорде и Кембридже, потом оказался при дворе и оказался полезным королю Генриху и его главному министру кардиналу Уолси, который, по мнению многих, являлся истинным правителем страны.

В Широком зале было жарко. Лето было в разгаре, но, несмотря на это, мать настояла, чтобы в камине зажгли огонь, вдруг кому-нибудь станет холодно. Джейн сняла с головы венки (цветы подвяли) и пригладила распущенные длинные волосы цвета соломы, которые волнами мягкого шелка струились по плечам. Эдвард, Томас, Энтони и малышка Элизабет были темно-волосыми, унаследовали отцовскую масть, а Джейн, Гарри и Марджери взяли свою от матери.

На мгновение Джейн стало жаль своих прекрасных локонов, которые обрежут, когда она станет монахиней, ведь волосы были ее единственной претензией на красоту. Скулы у нее слишком закругленные, нос великоват, подбородок чересчур острый, ротик маленький, кожа очень белая. Поглядев на своих братьев и младшую сестру Марджери, девушка осознала, без зависти или злобы, что все они гораздо привлекательнее и веселее – в них больше жизни.

Вынашивая детей, мать Джейн исполняла свой долг супруги так же безупречно, как и все прочие домашние обязанности. Прежде чем на свет появилась Джейн, леди Сеймур родила пятерых сыновей, хотя старший, Джон, которого Джейн едва помнила, умер в одиннадцать лет, а другой Джон тоже ушел из жизни совсем юным. Гарри и Энтони были слеплены из одного теста: Гарри отличался беспечностью и не имел видов на славное будущее за пределами Вулфхолла, а Энтони имел склонности к учебе; вскоре он вслед за Эдвардом отправится в университет: поговаривали, что его ждет церковная карьера. Джейн это воодушевляло. Раз ее родители искали сокровища на Небесах, отдавая сына Господу, насколько больше заслуг они накопят, если посвятят Ему же и свою дочь.

Шестилетней Марджери позволили присутствовать на пиру, а крошка Элизабет, которую принесла няня, чтобы гости повосторгались малышкой, теперь уже сладко спала наверху в комнате, называемой детской.

Это был весьма населенный и счастливый дом. Джейн обвела взглядом просторную комнату, полную веселых и довольных родственников, и ее охватило чувство благополучия и радостного спокойствия. Что бы ни принесло ей будущее, она гордилась тем, что принадлежала к семье Сеймур из Вулфхолла.

Когда Джейн была маленькой, то думала, что в Вулфхолле должны водиться волки. Девочка в трепете выглядывала из-за углов, открывала двери кладовых и шкафов, опасаясь, не выскочит ли оттуда серый разбойник. По ночам она нередко лежала без сна и размышляла, что станет делать, если когда-нибудь столкнется со страшным зверем. Но однажды, услышав крики Джейн, после того как Томас выскочил из кладовой с воплем: «Я – волк!» – отец, дав сынку затрепину, утешил дочь, сказав, что название Вулфхолл не имеет ничего общего с этими животными.

– Раньше это место называлось Ульф-Холл, по имени главы шотландского клана, который построил здесь дом много столетий назад, – объяснил отец, посадив Джейн к себе на колени. – С годами название немного изменилось. Тебе лучше, милая? – Он поцеловал ее и отпустил играть, вполне успокоенную.

Джейн знала, что Вулфхолл несколько раз за прошедшие годы перестраивали. Теперешнему зданию было лет триста, у него имелись два внутренних двора: Малый, где находились домашние службы, и Большой, где жила семья. Низ стен был сложен из старого, осыпающегося камня, и на этом мощном основании покоился верхний этаж из крепких брусьев, между которыми виднелась белая штукатурка. С крыльца можно было попасть в просторный Главный зал. В дальнем его конце находилась дверь в Широкий зал размером поменьше. Семья предпочитала проводить время там: его было легче отапливать. В солнечные дни оконные стекла в Широком зале и часовне искрились тысячью огоньков, живые цвета витражей с гербовыми щитами переливались, как драгоценные камни. В одном из углов Большого двора стояла высокая башня, оставшаяся от старого дома.

Сэр Джон был богат, владел обширными землями в Уилтшире, что позволило ему пристроить к дому модную длинную галерею, где члены семьи могли прогуливаться в дождливые дни. Их портреты, нарисованные странствующими художниками, которые заглядывали в поместье в поисках работы, смотрели вниз с побеленных известью стен. Среди картин имелось созданное по вымышленным хозяевами описаниям изображение нормандского рыцаря Уильяма де Сент-Мура, заложившего основы благосостояния Сеймуров.

«О нет! – подумала Джейн. – Сейчас отец начнет надоедать всем рассказами об истории семейства».

– Он прибыл с Вильгельмом Завоевателем во время нормандского нашествия тысяча шестьдесят шестого года, – хвастался сэр Джон. – С тех самых пор Сеймуры верно служат короне. Мы были фермерами и землевладельцами; занимали посты на государственной службе и исполняли свой долг с честью. Некоторые заседали в парламенте как представители графства. – Хозяин заново наполнил свой кубок, увлекаясь темой; дети слышали все это уже много раз. – Я был возведен в рыцари восемнадцати лет от роду, после того как участвовал в сражении с корнишскими бунтарями бок о бок с отцом. Как вам известно, я был назначен Рыцарем Тела короля Генриха во время коронации.

– Трудно поверить, что тому минуло уж десять лет, – кивнул сэр Уильям. – Все эти разговоры о победе над Францией обратились в ничто.

Отец сражался за короля во Французской кампании и, вероятно, преувеличивал свои подвиги, как не раз с любовной улыбкой говорила у него за спиной мать.

– Да, было время, – сказал сэр Джон, явно намереваясь произвести на гостей еще большее впечатление семейными достижениями. – Видите, что там на стене? – Он указал на отделанный серебром охотничий рог из слоновой кости, укрепленный железными скобами над очагом. – Я имел честь носить его как наследственный смотритель леса Савернейк. Взгляните на эти деревья за окном. – Он сделал жест в сторону густых зарослей на вершине пологого холма. – Этот древний лес тянется на запад до самого Мальборо и Бедвин-Магны, нашего ближайшего прихода.

Джейн предвкушала, что сейчас отец начнет превозносить свои способности в качестве управляющего, которые он проявил, когда дни сражений для него миновали, и распространяться о дипломатических миссиях за границей, с успехом исполненных им для короля Генриха. Не случайно он стал шерифом Уилтшира, Дорсета и Сомерсета; не зря занимал должность мирового судьи в Уилтшире.

Но нет.

– Теперь я доволен тем, что веду сельскую жизнь, – сказал сэр Джон. – Не нужно страшиться перемен. У меня тысяча двести семьдесят акров земли только здесь, в Вулфхолле, и я всю ее превратил в овечьи пастбища.

Сэр Уильям приподнял кустистые брови:

– И у вас не было проблем? Некоторые из моих знакомых джентльменов, кто отдал земли под пастбища, встретили жестокое сопротивление. Даже сэр Томас Мор, с которым я беседовал при дворе, сказал, что скоро овцы съедят людей. И это верно. Потому что, выращивая овец ради самой лучшей, самой дорогой шерсти и множа свои богатства, вы, благородные джентльмены, и даже служители Господа не оставляете места под пашни. Из-за этого многие бедняки остались без работы.

– Некоторые из моих арендаторов ворчали, – признался отец, – но я заверил их, что никто не будет нуждаться, и нашел им другую работу, чтобы они не впали в нужду. Таким образом – говорю это с гордостью – я сохранил их любовь.

Джейн, хоть и была мала, из общения с жившими в их владениях людьми знала, что к отцу относятся хорошо; по словам Эдварда, о его успехах в управлении хозяйством говорили даже при дворе.

Наступал вечер, на землю опускалась душистая ночь позднего лета. Мужчины начинали шуметь, опорожняя все новые кубки, и мать отправила младших детей спать. Кэтрин зевала, и сэр Уильям спросил, не пора ли ей на покой. Эдвард немедленно вскочил с места, чтобы составить ей компанию.

Джейн тоже встала и попросила позволения уйти. В соседнем зале было также жарко, поэтому она вышла на улицу подышать свежим воздухом и испытала облегчение.

Больше всего в Вулфхолле девочка любила три сада, которые окружали здание. Джейн неспешно вошла в сад Старой миледи, который находился прямо перед домом и именовался в честь ее бабушки, урожденной Элизабет Даррелл, умершей вскоре после рождения внучки.

Джейн имела страсть к выращиванию растений, и созданный ею сад сейчас по сезону был расцвечен розами, левкоями и анютиными глазками, имелись тут и красивые кусты, подстриженные в форме шахматных фигур. С восточной стороны был расположен сад Молодой миледи, где всегда хозяйничала мать. Грядки с целебными травами, которые она засадила после свадьбы, не пустовали и сейчас; собранные с них семена, цветки, листья и корневища использовали как приправы на кухне, из них готовили лечебные отвары и мази, их добавляли как отдушку к тростнику, устилавшему полы в доме.

Сев на скамейку и наслаждаясь вечерней прохладой, Джейн подумала о том, как ей повезло: такой прекрасной матери нет больше ни у кого на свете. Леди Сеймур была душой всего дома. Несмотря на мужской авторитет сэра Джона, жизнь Вулфхолла вращалась вокруг

нее. Почти каждое утро Джейн и Марджери на кухне или в винокурне получали от матери наставления, как управлять большим хозяйством.

– Это пойдет вам на пользу и подготовит к тому моменту, когда Господу будет угодно послать вам мужей, – говорила дочерям леди Сеймур. Видя, что Джейн открывает рот и собирается возражать, она добавляла, подмигивая: – Монахиням тоже нужно уметь вести хозяйство!

Хлопотливо перемещаясь по дому, мать следила, чтобы вовремя перевернули мясо на вертелах и дали хорошо подняться хлебу перед выпечкой. Несмотря на благородное происхождение, а среди ее предков имелись короли, мать не гнушалась вникать в такие дела и даже выполняла их сама. Она очень серьезно относилась к своим обязанностям хозяйки рыцарского дома. А какой стол держала леди Сеймур! Об этом ходили легенды. Репутация ее была безупречной. Горе постигало любую кухарку или девчонку с кухни – или дочь, если уж на то пошло, – усердие которой в работе не оправдывало ожиданий хозяйки Вулфхолла.

Нельзя сказать, что слуги не любили или боялись ее. Она была женщина гуманная и добрая, но требовала послушания и уважения к себе. Ей редко приходилось повышать на кого-нибудь голос или прибегать к телесным наказаниям, столь часто используемым другими людьми, облеченными властью. Даже взбалмошный Томас выполнял ее требования беспрекословно.

Дети обожали мать, слуги благословляли благочестивую и щедрую госпожу. Очень немногие покидали службу у леди Сеймур по собственной воле.

Мать неизменно стремилась внушать всем, кто был под ее началом, добродетели целомудрия, честности, смирения и покорности. Дочерей она растила преданными и послушными родителями, а когда придет время, то и мужьям, приучала их вести себя достойно, как подобает христианкам благородного происхождения. Но прежде всего она учила своих детей любить Господа, уважать тех, кто лучше их, почитать короля и папу римского.

Часто, стоя у большого, дочиستا выскребенного кухонного стола, перегоняя духи или лечебные настойки в винокурне, мать предавалась воспоминаниям о прошлом, поскольку верила, что ее дети впишут свои страницы в семейную историю. Все они наизусть выучили, что она родилась в семье Уэнтворт в Саффолке и ее предками были король Эдуард III, представители могущественного дома Невилл и сэр Генри Горячая Шпора Перси, герой стародавней битвы при Шрусбери. В молодости она слыла красавицей. Даже сейчас, в сорок один год, леди Сеймур отличалась округлыми, как у куропатки, формами, имела чистое румяное лицо и густые светлые волосы.

– В семнадцать лет, – любила она повторять Джейн и Марджери, – я была девушкой в свите герцогини Норфолк в Йоркшире. В Майские дни в замке шерифа Хаттона устроили живые картины, и молодого поэта мастера Скелтона в знак признания его таланта наградили гирляндой из шелка, золота и жемчуга. Он посвятил мне стихотворение. – Взгляд леди Сеймур становился отстраненным, словно перед ее глазами представляли те давно минувшие дни, и она вновь ощущала себя юной девушкой, только вступающей в жизнь. – Оно было надписано: «Госпоже Марджери Уэнтворт». Он называл меня нежной примулой.

Джейн считала, что такое сравнение уместно и сейчас. В семейных бумагах до сих пор хранилась копия этого стихотворения, переписанная чьим-то острым почерком. Несколько раз при случае ее доставали и показывали.

Ловкими пальцами лепя розы из теста, мать любила вспоминать период ухаживаний:

– Через два года после того, как мастер Скелтон написал то стихотворение, я познакомилась с вашим отцом. Его только что произвели в рыцари, и он попросил моей руки. О, он был прекрасен и обожал меня! Я просто потеряла голову! Его считали одним из новых людей при дворе, к которым благоволил старый король; они проложили себе путь преданностью, трудом и усердием, а не получили место благодаря родовитому происхождению. Ваш дед Уэнтворт раз-

глядел в нем эти качества и верно рассудил, что он будет для меня хорошим мужем. Вашему отцу этот союз, конечно, давал большие преимущества, к тому же он продолжал семейные традиции: ваши предки Сеймуры, заключая выгодные браки, расширяли земельные владения, прирастали богатством и упрочивали положение в обществе. Но наш брак был самым удачным. И то, что он оказался счастливым, – величайшее благословение. – Тут у матери на щеках появлялись ямочки, и она слегка краснела, несмотря на то что была уже немолода. Родители Джейн жили в любви, это видели все, но, наблюдая за другими супружескими парами, девочка пришла к заключению, что не в каждой из них царили мир и согласие. Казалось, брак – это такая же азартная игра, как те, в которые ее домашние играли зимними вечерами.

Наутро после свадебного пира почти все долго спали, многие боролись с головной болью. Джейн встала с постели, которую делила с Марджери, надеясь улучшить момент и помолиться в одиночестве, пока не появится мать с просьбой помочь на кухне.

Часовня находилась за Широким залом. Под окном с вырезанной из камня ажурной решеткой и витражом со сценой Благовещения стояли алтарь, украшенный вышитой шелковой напестольной пеленой; инкрустированное драгоценными камнями распятие и старинная, весьма почитаемая статуя Мадонны с Младенцем. Лицо Марии казалось Джейн самым прекрасным из всего, что она видела в жизни, – такое спокойное, серьезное и возвышенное; ей самой нужно всегда стараться подражать Святой Матери.

Воздух благоухал ароматом цветов, которыми леди Сеймур украсила часовню в честь новобрачных. Преклонив колени на скамеечке перед алтарем, молился отец Джеймс, семейный священник, который учил Джейн и ее братьев с раннего детства. Она прекрасно помнила роговую книгу¹, которая тогда висела у нее на шее, и упорное заучивание букв, цифр и катехизиса. Когда она капризничала и отказывалась заниматься, то слышала увещания в том духе, что ей очень повезло иметь прозорливых родителей, которые полагали необходимым и полезным для маленьких девочек изучение букв. Сама Джейн гораздо больше любила вышивание: этому искусству ее обучала мать. Расшитые собственными руками шапочки и лифы, которые она дарила друзьям, становились предметом их гордости. Алтарное покрывало тоже было украшено ею, и она верила, что ее способностям в качестве вышивальщицы найдется достойное применение в Эймсбери. В глубине души Джейн не сомневалась, что ее будущее решено.

Отец Джеймс осенил себя крестным знамением, поднялся и, приветствуя девушку, протянул вперед руки:

– Джейн, дочь моя!

Он был хороший человек, немногочисленная паства очень его любила, а Джейн считала другом, которому можно доверять.

– Отец, – сказала она, – я пришла помолиться, но, раз уж застала вас здесь, буду просить о помощи.

– Садитесь, дитя мое, – сказал отец Джеймс, указывая на обитое кожей кресло сэра Джона. – Чем я могу вам помочь?

Мать находилась в Широким зале – присматривала за тем, как слуги наводят там порядок после пира, возвращая все вещи на свои места.

– Могу я поговорить с вами? – спросила Джейн.

¹ *Роговая книга* (англ. horn book) – первое учебное пособие для детей в Англии начиная с середины XVI в.; лист бумаги или пергамента с алфавитом, римскими цифрами и трипостасной формулой «Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь», помещенный на дощечку из камня, дерева или рога и накрытый сверху прозрачными роговыми пластинами или слюдой. Иногда конструкция была снабжена ручкой и подвешивалась ребенку на пояс или на шею, как в данном случае. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Что случилось? – отозвалась леди Марджери, хмуро поглядывая на одну из горничных. – Нелл, пожалуйста, протри этот стол хорошенько!

– Давайте уйдем куда-нибудь, где мы будем одни. Прошу вас, мама.

– Хорошо. – Леди Сеймур знаком подозвала управляющего. – Проследите, чтобы здесь был порядок, – распорядилась она и отвела дочь в кабинет – маленькую комнату, отданную в ее полное распоряжение. Тут хранились все документы и бумаги, отсюда хозяйка дома руководила своим «королевством».

– Ну, – сказала она, садясь за стол. – Что тебя беспокоит, Джейн?

Та заняла место на табурете, который стоял здесь специально для тех, кто хотел потихоньку перекинуться словом с госпожой.

– Мама, я не шучу. Я хочу быть монахиней в Эймсбери.

Леди Сеймур посмотрела на нее долгим взглядом:

– Знаю. Но, Джейн, тебе нет еще одиннадцати лет, и такие решения не принимаются наобум. Когда станешь старше, какой-нибудь молодой человек может попросить твоей руки, и тогда все мысли о монашестве мигом вылетят у тебя из головы. Я знаю, сама не раз видела, как это происходит, – мгновение, а потом уж поздно. Одна девушка, моя кузина, влюбилась в молодого человека, когда тот приехал вместе с ее родными посмотреть, как она принимает монашеский обет. Он был помолвлен с ее сестрой, она увидела его после церемонии и пришла в полное смятение. Для нее это стало крахом. Я бы не хотела, чтобы такое приключилось с тобой.

Джейн почувствовала, что от досады у нее на глаза наворачиваются слезы.

– Но я знаю, что у меня есть призвание. Я только что говорила с отцом Джеймсом, и он не пытался меня разубеждать. Он благословил меня на разговор с вами. Мама, вы знаете, как я хочу стать монахиней и мирно жить в этом прекрасном монастыре. У меня нет желания выходить замуж.

– Дорогое дитя, может случиться, что в монастыре ты не встретишь мира, а внутренний покой достается очень дорогой ценой. Это тяжелая жизнь, а не бегство от трудностей. Ты должна это понимать.

– Почему все так хотят сделать для меня этот шаг трудным? – вздохнула Джейн.

Мать улыбнулась:

– Если у тебя действительно есть призвание, Господь подождет. Но тебе надо еще очень многое осознать до принятия окончательного решения, хотя бы оценить то, что ты собираешься бросить. Дитя, не смотри на меня так. Я прошу лишь о том, чтобы ты оставалась в миру и узнала о нем больше, прежде чем его покинешь. Если твои намерения не изменятся, когда тебе исполнится восемнадцать, тогда я поговорю с твоим отцом.

– Восемнадцать? – эхом отозвалась Джейн. – До этого еще восемь лет.

– Джейн, послушай, – мягко сказала мать, – многое в тебе изменится за эти годы. В восемнадцать ты будешь другим человеком, гораздо более зрелым. Имей терпение, не торопись. Хорошего стоит дожидаться.

– Но...

– Пока это мое последнее слово. И не бегай к отцу. Мы с ним одного мнения на этот счет.

Глава 2

1526 год

Джейн не утратила убежденности в своем призвании. После восемнадцатого дня рождения дочери, видя ее твердую решимость, родители наконец дали ей благословение. Произошел обмен письмами с Флоранс Боннёв, приорессой Эймсбери, и та разрешила сэру Джону привезти дочь в монастырь.

Когда семья собралась на Большом дворе, чтобы попрощаться с ней, девушка испытала трепет сомнения. Разумеется, она понимала: надеть монашеский плат – значит покинуть семью и отречься от мира; Джейн много раз спрашивала себя, способна ли принести такую жертву, и ощущала уверенность – да, способна, если Бог попросит ее об этом. Но сейчас, когда вокруг тесным кругом столпились родные, а мать и сестры плакали, не скрывая слез, Джейн обнаружила, что колеблется.

«Они нуждаются в тебе», – шептал в голове предательский голосок. Эдвард и Кэтрин явно несчастны вместе, хотя постичь отчего, было нелегко. Что между ними пошло не так? В первые месяцы после свадьбы они выглядели радостными и довольными. Кэтрин была такая хорошенькая со своими кудряшками медового цвета и ямочками на щеках, однако улыбка на лице молодой супруги появлялась все реже, по мере того как Эдвард терял интерес к ней. Теперь Кэтрин улыбалась только их маленькому сынишке. Джон – точная копия деда, в честь которого его называли, – родился через год после свадьбы. Теперь ему было семь, столько же, сколько и самой юной из его тетушек, Дороти, о которой сэр Джон всегда говорил, что ее следовало назвать Маленьким Сюрпризом, потому как леди Сеймур полагала, что прибавления в семействе закончились на Элизабет.

Мать особенно нуждалась в старшей дочери. По мере того как Джейн выросла, леди Сеймур начинала возлагать на нее все больше своих обязанностей, что было для нее нехарактерно, а в последнее время она вообще стала сама на себя не похожа. Ее что-то сильно тревожило. Даже отец, казалось, беспокоился за нее. Джейн опасалась, не скрывает ли мать от родных какую-нибудь тяжелую болезнь. Но когда заседала на родительницу с расспросами, та неизменно отвечала, что чувствует себя превосходно.

Кэтрин плакала, обхватив руками извивавшегося в ее объятиях Джона. Бедняжка стала очень легка на слезу. Отец положил руку ей на плечо, стараясь утешить. Трогательно было видеть, как нежно он привязан к невестке.

Джейн обняла Эдварда, зная, что за суровой маской на его лице прячется печаль: брат был расстроен отъездом сестры. Томас наклонился поцеловать ее и выглядел при этом подавленным. Гарри усиленно моргал глазами, чтобы не расплакаться, и тепло обнял Джейн, а Энтони благословил. Как же она будет скучать по ним! С трудом ей удалось оторваться от сестер, а потом мать крепко прижала ее к груди.

– Господь да пребудет с тобой, мое дорогое дитя, – сквозь слезы проговорила она. – Я приеду навестить тебя очень скоро.

Приоресса оказалась женщиной видной, с широкой костью. Она величественно и спокойно восседала в монастырской приемной, из белоснежного вимпла выглядывали румяные щеки. Настоятельница сделала разумное предложение: пусть Джейн поживет в общине несколько недель, чтобы проверить, верно ли она распознала свое призвание.

– Мы не будем обсуждать твое приданое, пока ты не решишь остаться с нами, но взнос на твое содержание мы примем с радостью, поскольку члены нашего ордена дают обет бедности.

Стоило посмотреть на кабинет, в котором сидела приоресса, – турецкий ковер, резная дубовая мебель, серебряная посуда, – и можно было усомниться в справедливости последнего утверждения, но сэр Джон быстро протянул настоятельнице увесистый кошель. Потом он пожал руку Джейн, благословил ее и ушел.

Под строгим руководством приорессы юная послушница очень скоро поняла, какой свободой наслаждалась в Вулфхолле и как снисходительны к детям были ее родители. Приехав в обитель из шумного дома, где кипела жизнь, Джейн находила монастырскую тишину почти невыносимой. Пища готовилась скудная и простая, она не шла ни в какое сравнение с тем изобилием, которое царило на столе у ее матери; тюфяк в келье был тонкий и комковатый, а черное облачение из грубой шерсти, которое ей выдали, неприятно натирало кожу. Однако Джейн была готова к этим испытаниям и знала: не стоит ожидать мирского комфорта в религиозной жизни. Она понимала, что придется вставать по ночам, чтобы присутствовать на службах, хотя не представляла, насколько изматывающим для нее будет постоянное прерывание сна. От нее потребуют целомудрия – к этому Джейн была готова, – но она не осознавала, что никогда больше ей не будет позволено прикоснуться к другому человеку, разве что в случае крайней необходимости. Она готовилась испытать себя в умерщвлении плоти, но не думала, что дрожать от холода придется почти постоянно, за исключением одного часа в день, который монахиням позволялось проводить в единственной обогреваемой комнате, где имелся очаг.

Юная послушница крепилась. Под чудесное пение хора сестер дух ее воспарял к небесам. Часами она молилась в церкви, обращаясь к Господу и стремясь обрести внутренний покой, который позволит ей услышать Его голос. Девушка благоговейно поклонялась статуям святых и пришла к убеждению, что, как и Мария в домашней часовне, они были ее друзьями. Она постепенно привязывалась к другим послушницам, с которыми знакомилась ближе в моменты дневного отдыха, и радовалась, когда они хвалили ее вышивки.

Однако, когда испытательный срок в Эймсбери подошел к концу, Джейн отправилась домой. Надежды на обретение мира и покоя оказались иллюзорными. Казалось, мирские желания никогда не отпустят ее и ей придется бороться с ними вечно. Она чувствовала, что на это у нее не хватит жизненных сил.

Но было и еще кое-что – одна тревожившая ее мысль. Если монахини давали обет бедности, почему тогда приоресса Флоранс носила облачение из дорогого шелка и ей подавали любую еду на выбор в уютном приемном зале? Почему-то ей позволено иметь карманную собачку – отвратительную, злобно тывкающую бестию, которая обнажала зубы и рычала, стоило кому-нибудь приблизиться к ней, и только хозяйка могла брать ее на колени и нежно поглаживать.

– Я не знаю, есть ли у меня призвание, – призналась Джейн в последнее утро, но на самом деле ей хотелось сказать, что Эймсбери оказался совсем не таким, каким она его себе воображала.

– Монастырская жизнь накладывает обязательства, – сказала приоресса. – Я готова принять в обитель монахиню, которая точно знает, что таково ее призвание, но ты сомневаешься. Поезжай домой и подумай еще раз, благословляю тебя.

И Джейн отправилась домой в легком смятении чувств. Чем дальше она ехала, а до Вулфхолла было шестнадцать миль, тем больше убеждалась, что жизнь в Эймсбери не для нее. Конечно, там было кое-что, по чему она будет скучать, но многое с радостью оставит позади навсегда.

Родные страшно обрадовались встрече.

– Нам тебя очень не хватало! – воскликнул Гарри, тепло обнимая Джейн. – Вулфхолл стал совсем не тот.

– Ты не создана для монашеской жизни, – улыбнулся Энтони.

Мать покачала головой и заключила дочь в объятия.

Джейн поцеловала ее, скрывая раздражение:

– Я не знаю. Может статься, в будущем я поступлю в какой-нибудь другой монастырь. А про Эймсбери много чего расскажу вам. Вероятно, это не лучшее место для проверки своего призвания. Но мне все равно хочется стать монахиней.

Как же ей хотелось доказать им всем, что они ошибаются на ее счет.

Глава 3

1527 год

Завернувшись в подбитую мехом накидку, Джейн следила, как ее ястреб бросился на обреченную куропатку. У них наберется хороший мешок пернатой дичи для материнского пирога. Приятно было отправиться на охоту в веселой компании взрослых братьев и пятнадцатилетней Марджери. Джейн нравилось наблюдать, как ее птица взлетала в лазурное небо, а потом камнем падала вниз. Какой восторг – свободно скакать на лошади, дыша вольным воздухом! Приятного возбуждения добавляло и предвкушение знатной добычи.

Энтони поехал подобрать убитую птицу, а Эдвард галопом поскакал к ним вниз с холма. Теперь он был сэр Эдвард, в рыцари его произвел герцог Саффолк, под чьим началом старший брат Джейн четыре года прослужил во Франции. У родителей он появлялся нечасто, и это был один из тех редких случаев. Большую часть времени Эдвард проводил при дворе или на севере. Два последних года он в основном находился в замке шерифа Хаттона в Йоркшире в качестве главного конюшего при дворе незаконнорожденного сына короля Генриха герцога Ричмонда, мальчика восьми лет; столько же исполнилось сыну Эдварда Джону. Это была желанная должность, дарованная самим королем.

– Браво! – крикнул Эдвард. – Но нам пора домой.

– Давай поохотимся еще полчаса, – предложил Томас.

Братья и теперь ни в чем не могли согласиться друг с другом.

– Мать будет ждать нас, – не терпящим возражений тоном отрезал старший.

Молодые люди натянули поводья, Томас хмурился.

– Поехали, Марджери! – крикнула Джейн.

И они помчались по просторам Уилтшира к Вулфхоллу.

Вдали показался дом; они перешли на рысь, и Джейн поскакала вперед, чтобы поравняться с Эдвардом.

– Я должна поговорить с тобой, – сказала она. – Сегодня утром Кэтрин опять была в слезах. Я не могла добиться от нее никаких объяснений. Эдвард, что с ней происходит?

Брат поджал губы:

– Тебя это не касается.

Вдруг рядом с ними оказался Томас:

– Это из-за Джоан Бейкер. Не пытайся изображать невинность, брат. И я могу держать пари: она не первая.

Эдвард вспыхнул. Джейн не сразу сообразила, о чем говорит Томас. Джоан Бейкер была прачкой в Вулфхолле, жизнерадостная девушка со светлыми косами и пышной грудью. Если мать услышит об этом – сразу отправит ее собирать вещи, в этом можно не сомневаться.

– Я был бы благодарен вам, если бы вы не совались в чужие дела, – прошипел Эдвард.

Томас усмехнулся.

– Но знаешь ли, Эдвард, это становится нашим делом, когда нам приходится утешать твою супругу, – ровным голосом произнесла Джейн. – Все мы уже давно замечаем, что она несчастлива и при этом совсем недавно встала с родильного ложа. В такой момент о ней нужно особенно нежно заботиться. Прощу тебя, прояви к ней немного внимания.

– Ради Бога, Джейн, ты слишком много на себя берешь! – прорычал Эдвард. – Что ты знаешь об отношениях между мужем и женой или о том, что – в нашем случае редко – происходит между ними? Ты собираешься в монастырь.

– Я знаю одно: мне очень грустно так часто видеть ее плачущей, – не отступалась Джейн. – А что касается моего намерения стать монахиней... – Она позволила себе недомолвку.

Ей было девятнадцать, и, хотя религиозная жизнь по-прежнему сохраняла для нее привлекательность, мать оказалась права: ее дочь изменилась и теперь не была так уверена в своем призвании, как в прошлом году.

Они продолжили путь в ледяном молчании. Джейн не переставала думать о бедняжке Кэтрин, надеясь, что Эдвард, когда немного поостынет, сделает что-нибудь, чтобы ободрить свою жену. И может быть, кто-нибудь – не она сама, но, к примеру, мать – напомним Кэтрин: мужчина должен быть счастлив в супружеской постели и в ее власти доставить ему радость. Джейн подозревала, что причина их проблем кроется в этом.

Дома она повесила накидку, сменила кожаные сапоги на мягкие туфли и пошла в спальню, чтобы взять там корзинку с рукоделием. Эдвард протопал вверх по лестнице впереди нее, и когда Джейн вышла из своей комнаты, то услышала его громкий сердитый голос, отрывочные возгласы Кэтрин и плач малыша Нэда, их второго ребенка.

Все знали, что их брак уже давно идет к краху. Долгая жизнь порознь не спасала его, и когда Эдвард изредка заглядывал домой, то вел себя беспокойно и проявлял все признаки того, что ему не терпится поскорее уехать. Вся семья старалась поддержать Кэтрин, особенно отец, он был для нее настоящей опорой, но они ничего не могли поделать ни с равнодушием Эдварда, ни с подавленным состоянием его жены. Отец не стеснялся напоминать Эдварду, в чем состоит долг мужа, и приказывал ему заботиться о жене, но это не шло на пользу, только портило отношения между отцом и сыном.

В последнее время Кэтрин все больше грустила и томила, удовольствие ей доставляла только забота о детях. Мать думала, что она опять на сносях, однако Джейн подозревала, что Кэтрин узнала о Джоан Бейкер и других девицах, с которыми делил постель Эдвард.

В ту ночь, лежа на кровати под пологом и слушая ровное дыхание Марджери, Джейн вспоминала проведенное в Эймсбери время и размышляла, не оправдает ли ее надежд другой известный в Уилтшире монастырь – аббатство Лакок. Однако правда состояла в том, что теперь она уже не была уверена, подходит ли ей вообще религиозная жизнь, и подозревала, что эти сомнения никогда не развеются.

– Если ты не можешь решиться... – начала мать и оставила фразу не завершенной. – Я всегда говорила: как только появится привлекательный молодой человек, ты сразу поймешь, чего хочешь в жизни.

Но в том-то и состояла проблема. Никакой молодой человек не появлялся. И причиной этого была не скудость приданого; отец мог позволить себе щедрость. Джейн опасалась, что никто не просит ее руки, потому что она такая невзрачная. Даже предварительных разговоров с намеками на возможность сватовства не было. И неудавшаяся монахиня начала готовиться к тому, что останется старой девой, проведет всю жизнь как преданная дочь в родительском доме, заботясь о стареющих отце и матери. Большую часть времени такая перспектива ее не сильно расстраивала, она любила их обоих и была привязана к Вулфхоллу. Джейн казалось, что браки случаются только между другими людьми и к тому же не всегда складываются удачно. Посмотреть хотя бы на Эдварда с Кэтрин. Но иногда девушка страшилась будущего без детей и любви, той особенной любви, которая возникает между мужчиной и женщиной. И то и другое мать всегда называла величайшим Божьим благословением.

Вдруг Джейн поняла, что плачет. Стараясь заглушить всхлипы, она уткнулась носом в подушку. Но Марджери все равно проснулась.

– Что случилось? – пробормотала она.

Джейн шмыгнула носом:

– Скажи мне честно, я некрасивая?

Марджери протянула ладонь и погладила сестру по руке:

– Конечно нет, дорогая Джейн. Я считаю, ты очень милая. И такая светлая.

– То есть слишком бледная.

– Некоторые девушки могли бы позавидовать тебе. У тебя цвет лица совсем-совсем алебастровый и глаза голубые. Ты похожа на святую. – Марджери старалась, как могла.

– Тогда почему ни один мужчина не ухаживает за мной?

– Мы живем здесь слишком уединенно и тихо, – вздохнула сестра. – Редко кого-то видим. А когда нас куда-нибудь приглашают, все люди там взрослые и скучные. Говорят только о земле и налогах, да еще о том, как они ненавидят кардинала Уолси.

Джейн села на постели и уставилась на затухающие в жаровне угли:

– Думаешь, отец не слишком старается найти нам мужей?

– С чего бы он стал заниматься этим, – фыркнула Марджери, – если ты годами убеждала его, что хочешь уйти в монастырь.

Джейн была вынуждена признать замечание сестры справедливым.

– Но ты-то этого не делала, а он ничего не предпринял.

– Может быть, ему нравится, что мы живем дома. А я вообще не тороплюсь. Не хочу оказаться в положении бедняжки Кэтрин: выйти замуж за такого, как Эдвард, который демонстрирует полное равнодушие к ней. Но тебе, Джейн, надо сказать отцу о своем желании вступить в брак. Тогда он, наверное, что-нибудь сделает. А теперь давай спать.

Джейн успокоилась. Марджери права. Нужно поговорить с отцом завтра же утром.

Однако, когда это утро настало, она снова впала в нерешительность.

В мае сэр Уильям привез из Вудлендса леди Филлол посмотреть на их нового внука. На крыльце гостей приветствовали сэр Джон, леди Сеймур, Эдвард, Кэтрин и остальные члены семьи, включая стайку детей. Спеленутого младенца с гордым видом принес на инспекцию с верхнего этажа отец. После рождения второго сына Эдвард получил отпуск со службы у герцога Ричмонда и прискакал на юг из Йоркшира, чтобы провести какое-то время с женой и детьми. Джейн было ясно, что ему не терпится вернуться.

В Широком зале подали вино и засахаренные фрукты. Лучи вечернего солнца лились в окна. Семьи обменивались новостями. Джейн с беспокойством отмечала, что Кэтрин почти ничего не говорит, а сэр Уильям озабоченно поглядывает на дочь.

– Ты как-то осунулась, Кэт, – сказал он. – У тебя что-то болит?

Лицо Эдварда застыло. Кэтрин робко улыбнулась:

– Ничего, сэр. Я здорова, благодарю вас.

– У нее сейчас трудное время, – вступила в разговор леди Сеймур.

– Это верно, – шепнул Джейн Энтони, – но не в том смысле, какой имеет в виду мать. – Вслух он сказал: – У меня есть хорошие новости. Мне предложили должность секретаря у моего дядюшки, сэра Эдварда Даррелла в Литлкот-Хаусе. Я приступаю к работе в сентябре.

Отвлеченные этим известием, сэр Уильям и леди Филлол поздравили Энтони, и разговор принял менее опасный оборот. Кэтрин попыталась поучаствовать в разговоре, а Эдвард перестал сердито сверкать глазами.

Мать приготовила очередной пир: в комнату внесли обильное угощение. Джейн смутилась, увидев, что Джоан Бейкер вызвали из прачечной помогать прислуживать за столом.

– Мать наверняка не знает, что происходит между прачкой и Эдвардом, – шепнула она Томасу, который занял место рядом с сестрой на скамье.

– Молю Бога, чтобы он не оскрамился! – усмехнулся Томас.

Ничто не доставляло Томасу большего удовольствия, чем вид старшего брата в стесненных обстоятельствах.

Джейн задержала дыхание, когда Джоан наклонилась над столом и поставила перед матерью и Эдвардом блюдо с дичью. Лицо девушки оставалось безучастным, но, отстраняясь, она мимоходом коснулась грудью щеки Эдварда, с едва заметной фамильярностью сказала:

– Простите, сэр, – и ушла.

Эдвард с трудом сдерживал гнев, а Томас с трудом подавлял смех. Сэр Уильям громко нахваливал мясо, но леди Филлол хмурилась.

Джейн сидела, почти не дыша, и лелеяла надежду, что больше никакие происшествия не омрачат застолья, устроенного по такому радостному поводу. Она пыталась придумать, чем бы поднять настроение гостям. Мать так старалась устроить им радушный прием. Но когда со стола убрали остатки трапезы, сняли скатерть и принесли последний кувшин с приправленным пряностями вином, Кэтрин вдруг разрыдалась.

– Что это значит? – пробасил сэр Уильям.

Мать бросилась утешать несчастную. Все столпились вокруг, умоляя ее сказать, что случилось. Эдвард похлопал Кэтрин по руке и попытался изобразить заботливость, но взгляд у него был холодный и недобрый. Отец выглядел смущенным. То, что невестка несчастна,ставляло его сына в плохом свете.

– Пойдемте, Кэт, поговорим наедине, – обратилась к дочери леди Филлол, прошла в часовню и затворила за ними дверь.

– Она немного не в себе после родов? – спросил сэр Уильям.

– Я и сам так думаю, – ответил Эдвард.

– Лжец, – пробормотал Томас. – Он прекрасно знает, что ее мучает.

– В последнее время Кэтрин выглядела немного рассеянной, – сказала мать, качая головой. – Мы, как могли, старались подбодрить ее.

– Не сомневаюсь в этом, миледи, – заверил ее сэр Уильям. – Могу поспорить, это просто какие-то женские фантазии; к тому же она только недавно родила. Ну, я откланиваюсь. Жена все мне расскажет, когда придет, я уверен. Желаю всем вам спокойной ночи.

Когда он ушел, остальные немного посидели за столом, прислушиваясь к приглушенному звуку женских голосов за закрытой дверью.

– Идите спать, – сказал Гарри, всегда готовый прийти на помощь. – Я подожду здесь и прослежу, чтобы все было в порядке.

– Я останусь с вами, – предложила Джейн, испытывая облегчение оттого, что Гарри с ними. Он часто отлучался из дому в Тонтон, где служил управляющим замка епископа Винчестерского, и пробыл на этом посту уже несколько лет. – Мама, у вас утомленный вид. Вам нужно отдохнуть.

– Но мне нужно удостовериться, что с Кэтрин все хорошо, – запротестовала леди Сеймур.

– Здесь останусь я, – заявил отец не допускающим возражений голосом, который заставлял умолкать многих спорщиков в суде. – Всем спать!

Когда они собрались к завтраку на следующее утро, атмосфера была напряженная. Мать утром встала первой, проверила, достаточно ли приготовлено хлеба, мяса и эля. Эдвард спустился вниз с Джейн и Марджери. Он подготовил все необходимое к выезду на ястребиную охоту, которую планировалось устроить в честь свойственников, но выглядел так, будто не спал всю ночь.

– Доброе утро, – произнес он.

Филлолы едва удостоили его взглядами, из чего Джейн заключила, что Кэтрин рассказала матери о Джоан Бейкер.

– Кэтрин осталась в постели, – объяснил Эдвард. – У нее разболелась голова. Но она просила меня не лишать вас удовольствия поохотиться. Мы отправляемся после завтрака. К этому моменту лошади будут оседланы.

– Весьма сожалею, что не смогу присоединиться к вам, – сказал отец. – У меня есть неотложные дела по имению, и я буду в разъездах весь день. Уверяю вас, в такой погожий

день я предпочел бы поехать с вами на охоту. – Он поклонился гостям и скрылся в крошечной комнатке, которая служила ему кабинетом.

О вчерашней маленькой драме не было сказано ни слова. Джейн надеялась, что никаких последствий не будет.

Хозяйка собиралась устроить обильное угощение для всех на свежем воздухе. Когда Джейн появилась на Малом дворе, куда привели лошадей, то увидела большую повозку, нагруженную корзинами, табуретами и скатанным в рулон ковром. Вокруг, приплясывая от восторга, толпились дети.

– Лиззи! Джон! Дороти! – крикнула им мать. – Залезайте в носилки. Вы поедете со мной.

Предполагалось, что дети проведут утро, резвясь на поляне в лесу, под надзором леди Сеймур, в то время как она сама будет готовить трапезу.

Джейн, одетая в предназначенное для верховой езды платье цвета буйволиной кожи, взобралась на лошадь, одернула юбку, поправила на голове шапочку с пером и надела длинные перчатки. Вытянув вперед руку, она ждала, чтобы отцовский сокольничий посадил на нее речета и зацепил за путы. Потом Джейн вместе с Марджери поскакала рысцой вслед за братьями и Филлолами; они выехали через главные ворота и направились по тропе, которая шла вдоль сада.

Достигнув широкой дороги, все отпустили поводья и позволили скакунам нестись галопом. Как приятно было ощущать бодрящий воздух и наслаждаться лихой скачкой по лесу! Пусть охота сегодня будет удачной. Небесам известно, им всем нужно отвлечься от царившего в доме напряжения, замаскированного тонкой вуалью вежливости.

Они сидели на ковре посреди леса и поглощали угощения, которые мать разложила на длинной белой скатерти. Леди Филлол выглядела какой-то притихшей. Сэр Уильям старался быть милым и обходительным, но от Джейн не укрылось, что он не разговаривает с Эдвардом, который намеренно сел как можно дальше от тестя и тещи. Хорошо еще, что их было одиннадцать человек и все громко разговаривали, исподволь желая создать иллюзию полной гармонии.

Леди Филлол как-то нехотя возилась с едой. Это Джейн тоже заметила и отнесла на счет ее беспокойства за дочь. Через некоторое время хмурая дама поставила тарелку и сказала:

– Простите меня, леди Сеймур, но мне что-то нехорошо. Я, пожалуй, вернусь домой и прилягу. – Она поднялась на ноги.

– Надеюсь, это не из-за еды? – встревоженно спросила мать.

– Нет-нет. У меня просто немного кружится голова.

– Я поеду с вами, – напросился ее супруг. – Прошу нас извинить.

Наблюдая за тем, как Филлолы идут к деревьям, где были привязаны их лошади, Джейн испытывала облегчение. Сэр Уильям держался молодцом, а вот его жена вызывала беспокойство: с ней явно что-то было неладно. Джейн повернулась к Томасу и тихо проговорила:

– Думаю, Кэтрин рассказала ей о Джоан Бейкер. – Ее голос заглушал смех детей.

– Несомненно, – ответил брат, уклоняясь от удара деревянным мечом, который пытался нанести ему Джон. – Эй, ты, любезный! Поосторожней с оружием!

Мальчик, хохоча, отскочил.

– Скорей бы они уехали, – сказала Джейн.

– Эдвард тоже будет этому рад, – усмехнулся Томас.

Они вернулись в Вулфхолл к четырем часам и обнаружили носилки сэра Уильяма и леди Филлол стоящими на Большом дворе, их багаж – на крыльце, а самого рыцаря и его даму – ожидающими возвращения хозяев в Широком зале.

Мать остановилась в изумлении:

– Почему вы так быстро уезжаете?

– Леди Сеймур, – мрачно отозвался сэр Уильям, – сегодня я стал здесь свидетелем такого, чего не рассчитывал увидеть за всю свою жизнь.

– О Господи, что же это?! – вскрикнула мать.

– Ради собственной чести, мадам, я не могу, мне совестно говорить об этом. Я гость в этом доме, и вы были более чем гостеприимны. Было бы весьма неуместным упоминать о таких ужасных вещах в присутствии столь благородной леди. Но мы больше не можем оставаться под этой крышей ни мгновения.

– Боже мой, сэр! – вскипел Томас. – Вы заходите слишком далеко.

– Тише, Томас. Но Кэтрин, она так расстроится, если вы уедете. – Мать в отчаянии протянула вперед руку, будто хотела тем остановить отъезд Филлолов. – Вы не можете покинуть дочь, когда она больна.

– У меня нет дочери! – рявкнул сэр Уильям.

– Думаю, вам следует объясниться, сэр, – грозно проговорил Эдвард и положил ладонь на рукоять меча.

Джейн больше не могла сдерживаться.

– Сэр Уильям, прошу вас. Если здесь, в нашем доме, произошло что-то плохое, с вашей стороны нехорошо утаить от нас, что именно случилось.

Филлол злобно взглянул на нее:

– Госпожа Джейн, вам лучше спросить об этом Кэтрин. Пойдемте, моя дорогая, мы уезжаем.

Эдвард заслонил собой дверь. Лицо его было мрачно.

– Значит, она рассказала вам о моем бесчестье.

– Мне не о чем с вами говорить, – буркнул его тесть. – Позвольте нам пройти.

– Кэтрин не сделала ничего дурного! Почему вы заявили, что у вас нет дочери?

– Спросите ее! – Сэр Уильям протолкнулся мимо Эдварда и потащил супругу к ожидавшим их носилкам.

– Пусть едут, – сказал Энтони. – Когда они успокоятся, то начнут рассуждать более здраво. Что бы там ни было, они, вероятно, преувеличили размер несчастья. – Он повернулся к старшему брату.

– Это не ваше дело! – бросил Эдвард. – Я должен поговорить со своей женой. – И он кинулся вверх по лестнице.

Мать плакала. Джейн и Марджери поспешили утешить ее, а Томас быстро отправил детей в сад.

– О чем он говорил? – без конца спрашивала леди Сеймур. – Подождем, когда ваш отец вернется домой. Пусть услышит об этом.

Эдвард спустился вниз, качая головой:

– Она ничего не говорит. Только плачет. Я оставил ее с горничной.

Часом позже явился сэр Джон. Увидев все семейство собравшимся в Широком зале и заметив заплаканное лицо супруги, он пожелал узнать, где лорд и леди Филлол и что случилось. Томас быстро все ему объяснил. Эдвард молчал. Мать беспрестанно повторяла: «Почему? Почему?»

Отец тяжело опустился в стоявшее перед очагом кресло с высокой спинкой. Он выглядел усталым, да и как еще можно выглядеть, когда возвращаешься домой после целого дня разъездов по своим владениям и споров с управляющими и арендаторами.

– Кэтрин объяснила, за что родители так разозлились на нее? – спросил сэр Джон.

– Она ничего не говорит. Слишком расстроена, – сквозь зубы процедил Эдвард.

– Я поговорю с ней, – сказал отец. – Она в постели?

- Нет, когда я оставил ее, она сидела за столом в нашей комнате.
- Сэр Джон встал:
- Я поднимусь к ней.

Что бы ни сказал отец Кэтрин, содержание их беседы по большей части осталось известным только ему. Джейн думала, что он постарался заглазить прегрешения Эдварда. Тем не менее мать попыталась вызнать правду. Когда сэр Джон присоединился к ней и старшим детям в Широким зале, а младшие были отправлены ужинать, она спросила:

- Но почему сэр Уильям сказал, что у него больше нет дочери?

Отец прочистил горло:

- Понятия не имею.
- И Кэтрин не знает?
- Кажется, она в таком же недоумении, как и все мы.

Мать резко повернулась к Эдварду:

- А что ты на все это скажешь?

Эдвард вспыхнул:

– Матушка, я не всегда был хорошим мужем. Может быть, из этого сэр Уильям заключил, что Кэтрин дала мне повод уклониться от верного супружеского пути.

Лицо матери побагровело.

– И ты уклонялся? Помоги мне Бог. Если бы ты не был взрослым мужчиной, я бы задала тебе трепку! Бедная девочка.

У Эдварда хватило приличия повесить голову. Джейн, увидев глумливую усмешку на губах Томаса, сердито глянула на младшего братца.

– Ну так что же, супруг мой, вы не хотите отчитать своего сына? – обратилась леди Сеймур к сэру Джону.

– Не думаю, что я должен объяснять Эдварду, какому стыду и бесчестью подверг он свою жену и всю семью. Пусть живет один. Это достаточное наказание, – сказал отец и сердито поджал губы.

Башню Вулфхолла использовали редко, да и то в основном как хранилище. Это была реликвия прежних времен, через нее можно было перейти из одного крыла дома в другое. Однако дети любили играть в верхних покоях, прятались среди поломанной мебели и прочих ненужных вещей, покрытых пылью десятилетий, если не столетий.

На следующий день после отъезда Филлолов Джон куда-то пропал. Ребенок был живой, розовощекий и отличался тягой к приключениям. Все домашние были уверены, что он где-то спрятался. Отец Джеймс в нетерпении дожидался ученика, чтобы начать утренний урок. Но мальчик не был усидчивым. Кэтрин, Джейн и Марджери разошлись по дому, окликая сорванца по имени.

- Он наверняка в башне, – сказала мать.

– Крикните ему, что он будет наказан, если не явится сейчас же, – проворчал отец, усмехаясь при этом.

Сэр Джон обожал внука и восхищался его проделками.

Джейн проверила закуток под винтовой лестницей внизу башни, потом подобрала юбки и начала подниматься по ступеням, продолжая звать Джона. Правда, она знала, что постреленок не откликнется на зов. Девушка заглянула в комнату на втором этаже. Там стояли кровать, заваленная старыми тюфяками, и несколько древних сундуков. Под кроватью никого не оказалось, но внутри сундуков, вероятно, хватит места для маленького юркого мальчишки. Джейн открыла первый. Внутри обнаружилось несколько побитых молю мховых накидок,

джеркин² и потертое бархатное платье с высокой талией и широким воротником, расшитым почерневшей от старости серебряной нитью. Но не Джон. В другом лежали старинные документы и свитки с записями обо всех делах поместья, в третьем – ломаные игрушки и домашние вещи, а в четвертом – снова одежда. У стены стоял старинный портрет – незнакомая женщина в высоком, как колокольня, головном уборе, какие носили лет семьдесят назад. Краска на полотне потрескалась и местами осыпалась. Джейн потянула картину на себя: вдруг за ней спрятался шалунишка Джон? Но нет, его там не оказалось. Зато в щели за отвалившейся от стены деревянной панелью лежал носовой платок. Джейн подняла его. Весь в желтых пятнах, на ткани вышиты литера «К» и затейливый узор из узлов. Сразу ясно, чей он. Платок принадлежал Кэтрин.

На кровати лежала гора одеял и подголовников, накрытая старым, потертым покрывалом. Джейн отогнула его край, ожидая увидеть Джона, свернувшегося калачиком среди тряпья. А потом сняла всю эту кучу с кровати, чтобы удостовериться, что мальчика там нет, и заметила на матрасе пятна, похожие на те, что были на платке. Джейн с отвращением отбросила платок в сторону, догадавшись о происхождении следов. Может быть, Кэтрин тоже совершала измены? Она определенно была здесь, но не с Эдвардом. Джейн начала перебирать в голове возможные варианты.

И тут услышала шум над головой. Джон! Бросившись наверх, чтобы поймать сорванца, она решила про себя пока ничего никому не говорить.

«Не злословьте», – учило Писание. А мудрая мать любила повторять: «Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь».

Сэр Джон находился в Солсбери на заседании суда, и в доме с трудом установился мир, но через два дня относительного покоя Кэтрин получила письмо, доставленное слугой ее отца. Джейн, только недавно проснувшаяся, узнала ливрею. Она стояла на крыльце дома рядом с Кэтрин и ждала, пока та взломает печать и развернет бумагу. Прочтя послание, Кэтрин ахнула и с плачем повалилась на колени.

– Что случилось? – спросила Джейн, опускаясь рядом и обнимая невестку.

У них за спинами послышались шаги.

Кэтрин в ответ только беззвучно шевелила губами. Появился Эдвард, а за ним – мать, Марджери и дети.

– Дайте мне бумагу! – потребовал муж, забирая у жены письмо. Пробегая его глазами, Эдвард мрачнел. – Клянусь, он за это ответит!

– Что там? – спросила Джейн.

– Скажи нам! – крикнула мать.

– Он пишет, что изменил завещание и по разным причинам и соображениям распорядился, чтобы ни Кэтрин, ни ее отпрыски, ни я сам ни при каких условиях не получили ни пяди из его владений. Все, что он оставляет ей, – это сорок фунтов в год, если она согласится вести праведную жизнь в какой-нибудь монашеской обители. – Кэтрин разразилась слезами, Эдвард отшатнулся от нее. – Это возмутительно! Я заставляю его отменить это завещание! Никто не лишит меня того, что принадлежит мне по праву.

– Но Кэтрин сонаследница сэра Уильяма! – воскликнула шокированная мать. – Все должно быть поделено между ней и ее сестрой. А когда родился Джон, сэр Уильям назвал его одним из исполнителей своего завещания вместе с Кэтрин. Эдвард, кажется, я понимаю, почему из числа наследников исключили тебя, но отчего та же участь коснулась твоей жены и сыновей? Джон вправе наследовать вслед за матерью ее долю! Кэтрин, почему отец так обошелся с тобой? Моя дорогая девочка, отчего все это? Ты должна рассказать нам.

² Джеркин – приталенная мужская кожаная куртка.

Джейн тут же вспомнила пятна на матрасе и платок, брошенный за стенную панель.

– Кэтрин?! – рявкнул Эдвард, сверкая на нее свирепым взглядом, но она была совершенно ошеломлена и не могла отвечать. – Я все равно узнаю, обещаю вам! – крикнул взбешенный супруг с искаженным от ярости лицом и ушел прочь, громко топая сапогами.

Остальные свидетели сцены начали утешать его жену. Мать опустила на колени и заключила невестку в объятия.

Слава Богу, что Томас находился в отъезде по делам поместья, а то все могло обернуться еще хуже. Джейн встала и пошла вслед за Эдвардом. Он сидел в столовой за столом и смотрел в окно, его трясло от злости. Джейн села напротив брата.

– Она предала меня, я уверен, – прорычал Эдвард, – и это наверняка случилось здесь, в этом доме, в тот день, когда ее родители уехали. Они что-то видели. Это не мог быть один из братьев, они все охотились вместе с нами. О Господи, если я узнаю, что она спала с кем-нибудь из слуг, то сам отвезу мерзавку в монастырь и избавлюсь от нее!

Джейн боролась с собой. Сказать ли Эдварду о сделанном ею открытии? Платок и пятна на матрасе не были окончательным подтверждением неверности Кэтрин. Стоит ли без достаточных оснований рисковать будущим Джона и малыша Нэда? У Джейн на глаза навернулись слезы.

– Эдвард, а что будет с двумя невинными детьми? Потеря матери станет для них страшным испытанием, им придется расти с убеждением, что она распутница. Поговори с ней по-хорошему. Пусть скажет правду, и потом подумай о своих сыновьях.

Эдвард повернулся к сестре, его голубые глаза сверкали.

– Я думаю! Меня беспокоит их моральное благополучие. Если Кэтрин изменила мне, она недостойная мать. А в таком случае, мои ли это дети? – Он был вне себя от гнева.

Джейн переборола желание напомнить брату, что не в его положении учить других морали.

– Если, Эдвард. Если! Поговори с ней. – Она поднялась. – Ты только что стал мировым судьей, так что тебе, как никому другому, должно быть известно: по закону подозреваемый считается невиновным, пока его вину не докажут. Поговори с ней – ради детей, ради матери.

– Хорошо, – пробурчал Эдвард, и Джейн вслед за ним вышла из столовой.

Они застали Кэтрин плачущей в зале, мать утешала ее, дети робко выглядывали из-за двери. Джейн прогнала их.

– Пойдем, – сказал Эдвард, – я хочу поговорить с тобой. – И он повел расстроенную жену вверх по лестнице в их комнату.

Примерно через час Эдвард вышел. Он передал Джейн и матери, что Кэтрин, пролив немало слез, заверила его: мужа она не предавала и отец их сыновей – он.

– Однако она противится тому, чтобы я оспаривал завещание, – продолжил Эдвард, – поэтому я ей не верю. Думаю, мне стоит поехать в Вудленд и потребовать от сэра Уильяма объяснений, пусть расскажет, что произошло в тот день.

– Разумно ли это? – засомневалась Джейн.

– Это единственное, что я могу сделать, – упирался Эдвард.

Раздался стук в дверь, и вошел слуга.

– Сэр, миледи, прибыл посланец от кардинала Уолси и спрашивает сэра Эдварда.

Все поспешили в Главный зал. Там стоял мужчина в кардинальской ливрее. Он поклонился и протянул Эдварду письмо:

– Сэр, его высокопреосвященство требует, чтобы вы немедленно прибыли в Хэмптон-Корт и сопровождали его во время посольства во Францию.

Это был приказ, но Джейн видела, что он пришелся весьма кстати. Эдвард был готов выполнить любое поручение, которое привело бы его к продвижению по службе; они с отцом оба знали, что многие люди поднялись высоко, работая на Уолси, и от него перешли к королю.

– Я благодарю его высокопреосвященство, – сказал Эдвард. – Если вы соблаговолите дать мне час, я соберу свой дорожный сундук и поеду вместе с вами. И еще мне нужно написать письмо милорду Рочестеру.

– Его уже проинформировали, сэр.

– Очень хорошо, – обрадовался Эдвард. – Миледи моя мать позаботится о том, чтобы вы хорошо подкрепились.

Леди Сеймур уже распорядилась, чтобы слуга принес гонцу побольше еды и бутыль эля. Джейн побежала наверх, вслед за Эдвардом.

– Как ты поступишь с Кэтрин? – спросила она.

– Пусть это дело подождет моего возвращения, – ответил он.

– Но тебя, вероятно, не будет много недель...

– Слава Богу! Скорей бы уехать. Мне нужно время все обдумать и принять решение. А теперь, Джейн, если ты не возражаешь, мне нужно собираться.

Она оставила его, чувствуя внутри странное беспокойство, имевшее мало отношения к разладу между Эдвардом и Кэтрин. Нет, это было какое-то неожиданное возбуждение от радостной вести, что Эдварда вызывают в Хэмптон-Корт, смешанное с разочарованием. Она-то остается дома. Джейн вдруг осознала: мир наконец поманил ее и ей без оглядки на прошлое хочется испытать все то хорошее, что он предлагает.

Однако и тяга уйти в монастырь, погрузиться в тихое соблюдение религиозных обрядов не оставляла ее. Джейн разрывалась на части.

С этой нерешительностью пора было покончить. Если бы только она могла получить ответ на свои молитвы.

Джейн проскользнула в пустую часовню и опустилась на колени, сосредоточив взгляд на прекрасном лице Мадонны. Можно ведь жить в миру и при этом оставаться благочестивой и набожной. Она знала много таких женщин. К примеру, королева – о ее добродетели ходили легенды, – и мать тоже. Они обе испытали радости супружества и материнства и при этом не лишились спасительного утешения веры. Нет никаких сомнений в том, что она, Джейн, навсегда останется преданной Господу, но были и другие способы служить Ему, уход в монастырь – не единственный. Необязательно целиком посвящать себя религиозной жизни.

Джейн поняла, что решение принято, и прошептала:

– Благодарю. Спасибо, что указала мне путь.

Кэтрин не пришла протянуть супругу прощальный кубок и пожелать счастливой дороги к подставке для посадки на лошадей. Эту обязанность пришлось исполнить матери.

– Храни вас Господь, сын мой, – сказала она, внимательно вглядываясь в Эдварда. – Пишите нам.

– Напишу, – обещал он и уехал вместе с гонцом кардинала, а родные махали ему вслед.

Жалея, что не отправилась вместе с Эдвардом в Суррей, Джейн вернулась в дом и постучала в дверь Кэтрин. Не получив ответа, она откинула задвижку и вошла. Невестка, сидя на стуле, качала в колыбели Нэда и глядела в окно. Щеки ее были влажными.

– Ты не доверишься мне? – спросила Джейн, присаживаясь рядом. – Я никогда не разглашу того, что ты скажешь мне по секрету.

– Я не хочу говорить об этом, – ответила Кэтрин. – Прошу, оставь меня в покое.

– Ты не можешь вечно сидеть здесь и грустить, – возразила Джейн. – Подумай о детях, если до других тебе дела нет. Умой лицо и спускайся вниз. Там есть чем заняться.

– Я спущусь немного позже, – пообещала Кэтрин.

Когда она наконец появилась на кухне, где при участии матери, Джейн и Элизабет готовился ужин, то выглядела бледной и говорила мало. В течение нескольких следующих дней она бродила по дому, как бесплотный дух, призрак себя прежней, или жадно обнимала детей, игнорируя попытки Джона вырваться. Даже шутки Гарри, которыми он сыпал из лучших побуждений, не ободряли ее.

– Так продолжаться не может, – сказала мать однажды вечером, после того как Кэтрин рано ушла спать.

– Вы пытались поговорить с ней? – спросила Джейн.

– Конечно пыталась. Она не откроет сердца ни мне, ни кому бы то ни было другому. Ты ведь тоже пробовал, да, Энтони?

– Она сказала, что это меня не касается, – ответил тот.

– Я тоже пытался, – вступил в разговор Гарри. – И получил краткую отповедь.

– Знаете, пожалуй, я сама поеду в Вудлендс и повидаюсь с леди Филлол, – сказала мать. – Мы должны выяснить, в чем причина всего этого.

– Но дотуда пятьдесят миль! – напомнил ей Гарри. – И они нам до сих пор ничего не объяснили.

– Она может вообще не принять вас, – встревожилась Джейн.

– Стоит попытаться, – со вздохом ответила мать. – Мы не можем жить так и дальше.

– Да, мы не можем, – эхом подхватила слова матери Марджери. – Это всех делает несчастными.

– Я отправлюсь в Вудлендс завтра, – решила леди Сеймур.

– Тогда я буду сопровождать вас, – вызвался Гарри.

Глава 4

1527 год

Мать едва успела приступить к сборам в поездку, как прибыл гонец из Вудлендса. Сэр Уильям скончался.

– Он умер от апоплексического удара, – сообщил им вестник, и Кэтрин разразилась слезами.

Все начертили знак креста у себя перед грудью. Джейн подумала, не стала ли злость причиной смерти сэра Уильяма. Что за ужасное время настало! Беда за бедой. Джейн захотелось – и она сама не могла в это поверить – оказаться где-нибудь подальше от Вулфхолла, хотя бы ненадолго.

– Мы поедem на похороны и выкажем уважение к покойному, – объявила мать.

Щеки гонца вспыхнули.

– Прошу прощения, миледи, но моя госпожа была бы рада, если бы вы все остались дома.

– Что ж! – выпалила мать. – Я всего лишь пыталась соблюсти приличия, и, полагаю, в сложившихся обстоятельствах это был жест великодушия. Но когда мне бросают в лицо такое... Это оскорбление.

Лицо посланца покраснело еще сильнее.

– Мои извинения, миледи. Я всего лишь повторяю то, что мне было велено передать.

– Это я понимаю, – ответила мать. – Можете идти.

Дети переглянулись. Никогда еще не случалось, чтобы леди Сеймур отпускала визитера, не накормив. Такова была мера ее гнева, а гневалась она крайне редко.

Томас вернулся домой, вскоре вслед за ним появился глава семьи, уставший после недели, проведенной за вынесением приговоров убийцам и ворам. Сэра Джона, казалось, больше поразили слова матери о том, что сэр Уильям изменил завещание, чем известие о его кончине.

– Эдвард намерен оспаривать это, – сказала леди Сеймур, когда они сидели после ужина в общей комнате. Кэтрин уже давно извинилась и ушла к себе. Печальная маленькая фигурка в траурном одеянии.

– Он не должен так поступать! Будет скандал, – ответил отец. – Мне надо обдумать свое отношение к этому вопросу.

Мать со стуком опустила на стол кубок:

– И вы будете спокойно наблюдать, как вашего сына лишают части наследства его жены? Вам следует задуматься о судьбе двух бедных ягнят, которые спят наверху. Почему эти невинные души лишают того, что им положено по праву рождения?

Отец с пристыженным видом положил ладонь на руку жены:

– Полагаю, это дело ему не выиграть.

– Но ведь нет никаких доказательств или признания недостойного поведения, – заметил Энтони. – Что, если сэр Уильям неправильно разобрался в ситуации? Из-за этого ни в чем не повинные дети должны страдать?

Джейн прикусила язык. Станет ли то, что она обнаружила в башне, серьезным доказательством? Следует ли ей рассказать обо всем? И что случится, если она это сделает? Вероятно, лучше промолчать. И снова ей захотелось оказаться где-нибудь подальше от всех этих неприятностей.

– Муж мой, – сказала хозяйка дома, – почему бы вам не съездить в Вудлендс и не расспросить настойчиво леди Филлол о том, что случилось в тот день?

– Сомневаюсь, что она это сделает, и мне бы не хотелось вторгаться непрошеным гостем в дом скорбящей вдовы. Думаю, лучше всего мне поговорить с Кэтрин. А пока давайте переключимся на более приятные темы.

– Отец, я была бы очень вам обязана, если бы вы оказали мне помощь, – быстро проговорила Джейн, улучив удобный момент. – Я решила – если это можно организовать, – что хотела бы поехать ко двору и служить королеве или принцессе Марии.

Отец явно испытал облегчение, и все заговорили разом.

– Ты, маленькая мышка? – засмеялся Томас.

– О мое дорогое дитя! – Это была мать. – Какой сюрприз для меня!

– Я буду скучать по вам! – воскликнула Марджери.

– Двор – место, где царят завистники, – заметил Энтони. – Ты будешь овечкой среди волков.

– Не могу понять, почему тебе хочется покинуть Вулфхолл, – удивился Гарри.

– А я могу, – буркнул Томас.

– Это не оттого, что я хочу покинуть вас всех, – заверила родных Джейн, понимая, что это не совсем правдиво. – Но я позавидовала Эдварду, когда он отправился на службу к кардиналу, и мне стало ясно, что я сама тоже хотела бы поехать ко двору, если это возможно. Королева – об этом часто говорили отец и Эдвард – благосклонная к слугам и добродетельная госпожа, а принцесса известна своей образованностью и красотой. Если есть при них место, пусть даже самое незначительное, я с радостью заняла бы его.

Отец задумчиво слушал дочь:

– Значит, ты больше не хочешь стать монахиней, правильно я понял?

– Правильно, отец. Думаю, уже год, как я это осознала. А теперь уверена точно.

– Хм. – Сэр Джон огладил бороду. – За места при дворах королевских особ идет состязание. Получить там должность не так-то просто. Нужно иметь знакомства, и эти люди наверняка захотят получить компенсацию за свои услуги.

Джейн вздохнула. Значит ли это, что дорога ко двору для нее закрыта?

– Дочь моя, ну не надо так унывать, – улыбнулся отец. – Это можно как-нибудь устроить. Юные леди, которые служат королеве, имеют прекрасные шансы найти себе достойных мужей, а тебе как раз пора вступать в брак. Я давно хотел организовать твоё замужество, но ты стремилась к религиозной жизни. Не стоит и говорить, как мы рады, что ты пришла к такому решению, а, Марджери?

– Я молилась о том, чтобы ты когда-нибудь вышла замуж и завела свою семью, – кивнула мать.

Отец немного подумал:

– Кажется, я знаю человека, который нам поможет. Когда я был при дворе, то подружился с одним нашим отдаленным кузеном, сэром Фрэнсисом Брайаном. Возможно, ты слышала о нем от меня. Он вице-камергер королевы и, наверное, обладает определенным влиянием. Предоставь это дело мне, Джейн. Я напишу ему.

Девушка вновь ощутила знакомое возбуждение: такое же чувство она испытала, когда гонец привез Эдварду вызов к кардиналу. «И все-таки, – напомнила она себе, – дело еще не решилось, надо держать в узде свои надежды. Но, Господи, прошу тебя, пусть сэр Брайан ответит „да“!»

Отец имел беседу с Кэтрин, но, по его словам, невестка уклонилась от серьезного объяснения. Неделя шла за неделей. Эдвард был в отъезде. Джейн надеялась и молилась, чтобы сэр Фрэнсис Брайан ответил на письмо отца. И все это время в Вулфхолле почти не упоминали о том непонятном деле, которое темным облаком нависло над домом.

Джейн удивлялась, почему Кэтрин никому не рассказывает, что случилось, отчего ее родители так внезапно уехали. Если, как она заверила Эдварда, речь не шла об измене и дети – его, почему она скрытничает? Или тут вообще не о чем говорить? В таком случае злость и обида на несправедливость, скорее всего, заставили бы ее искать способ оправдаться, а она уклонялась от объяснений, робела и сторонилась всех и вся, упорно отказываясь заводить речь об этой истории. Она как будто стала чужой в доме.

А потом в жарком августе, раньше, чем ожидалось, из Франции вернулся Эдвард. Любовного воссоединения с семьей не последовало. На лице у него было написано: случилось страшное. Увидев это, мать отослала детей в Старую комнату, где они обычно слушали уроки и играли.

У Джейн мелькнула мысль, не прогневал ли Эдвард кардинала, но потом увидела, как брат отшатнулся от вышедшей приветствовать его жены и бросил на нее такой взгляд, будто она была куском грязи, который нужно поскорее с себя счистить. Когда же Эдвард не опустился на колени перед отцом, чтобы получить благословение, а вместо этого пронзил его таким же полным ненависти и презрения взглядом, Джейн испугалась. Что происходит?

– Сэр, я хотел бы поговорить с вами наедине, – стальным голосом произнес Эдвард.

– Разумеется, – кивнул сэр Джон. – Пойдемте в мой кабинет.

Кэтрин была похожа на пойманного в ловушку зверька: вся сжалась и испуганно таращилась на обоих мужчин. Джейн поймала взгляд матери, но она тоже была совершенно сбита с толку. Джейн виновато подумала о том, что видела в башне. Может, все-таки нужно было рассказать?

Отец и Эдвард провели в кабинете всего несколько минут, после чего младший из Сеймуров вылетел наружу, хлопнув дверью, и зашагал к остальным. Он указал пальцем на Кэтрин.

– Прочь из этого дома! – приказал он. – Я ни мгновения больше не потерплю твоего присутствия под этой крышей. Иди и собери свои вещи.

Лицо Кэтрин побелело от страха. Громко всхлипнув, она повалилась на колени:

– Эдвард, умоляю тебя! Пожалуйста, не прогоняй меня. Что станет с детьми?

– А что с ними станет? Тебе следовало подумать об этом, когда ты вступила на путь злодеяний.

– Эдвард, о чем ты?! – закричала мать.

Он повернул к ней перекошенное мукой лицо, рыдания Кэтрин стали громче.

– О Боже, мама, я не знаю, как сказать вам. Это самое тяжелое из всего, что мне пришлось говорить в жизни.

Джейн охватил приступ дрожи. Она не хотела этого слышать. Рядом с ней заливалась слезами Марджери.

– Ты должен мне сказать! – потребовала мать властным голосом, который заставлял утихнуть любого расшумевшегося ребенка или возражающего слугу.

Кэтрин тихонько всхлипывала. Глаза ее превратились в темные омуты ужаса.

Эдвард зажмурился, словно от боли:

– Отец был ее любовником все эти девять лет, почти с того момента, как мы поженились. – Он с трудом проговорил эти слова, голос его звучал сдавленно. – Мальчики, скорее всего, его дети.

У Джейн возникло ощущение, будто ее ударили. Мать, бедняжка, опустилась на скамью, а старшие дочери бросились обнимать ее.

– Нет, – упавшим голосом проговорила леди Сеймур, которую мгновенно покинула властность. – Нет, нет, нет, не Кэтрин, жена его родного сына. Я уже давно догадывалась. Помогите мне Бог, я знала, что у него есть другая женщина, но такого не могла себе даже представить. О Благая Дева, помогите нам! – Она разразилась бурными рыданиями.

Даже Томас смаргивал с глаз слезы.

Джейн была не в силах поверить в такое. Только не отец, их любимый отец, который был защитой и опорой для всего семейства – каменной стеной. Но и камни иногда оказываются слепленными из глины. Как он мог совершить поступок столь низкий и гнусный? И продолжал беспутство целых девять лет? Ведь если Джон – его сын, значит греховная связь началась в тот год, когда Эдвард и Кэтрин поженились.

Она отчаянно пыталась припомнить какие-нибудь намеки на то, что происходило у них под самым носом, и, разумеется, подумав хорошенько, обнаружила кое-какие признаки, сами по себе невинные, но теперь они обрели новый смысл. Конечно, это имело отношение к внезапному отъезду Филлолов в тот злосчастный день. Вероятно, они увидели нечто такое, что возбудило у них подозрения. Или Кэтрин во всем призналась родителям? О Господи, наверное, там, в башне, развлекались они с отцом, и не единожды, судя по тем пятнам! От стыда у Джейн заалели щеки. Она не могла представить себе своего родителя участником такой непристойной сцены. Это было отвратительно.

Однако объясняло его неизменную расположенность к Кэтрин, его злобу на Эдварда и то, что он остался дожидаться окончания разговора невестки с матерью в тот вечер. Наверное, отец тревожился, не выдаст ли любовница их тайну. А когда сам пошел говорить с ней, то, скорее всего, предостерегал от ненужных откровений и убеждал, что лучше обо всем этом молчать. Какая мерзость!

А мать... Она знала, что отец изменяет ей. И при этом сохраняла бодрость духа и вела себя так, будто все хорошо, продолжая, по своему обыкновению, ставить интересы других выше собственных? Такая показная стойкость унижительна, она просто шокировала. Но разумеется, в глубине души Джейн и сама понимала: в доме что-то неладно. Однако, оправдывая себя неопытностью, предоставила матери одной страдать от жизненных перемен.

– Теперь вы понимаете, почему она должна покинуть дом, – сказал Эдвард.

В ответ на это Кэтрин бросилась к нему и обхватила руками его колени.

– Умоляю тебя, не прогоняй меня! – крикнула она. – Прошу! Прошу! Я не могу оставить детей! Эдвард, молю тебя!

Он высвободился из ее объятий, причем не слишком мягко.

– Делай, что я велю, – прошипел он. – Встань. И уходи.

Мир, казалось, переворачивался вверх дном. Джейн не могла вынести мысли о встрече с отцом, когда он покажется из своего кабинета, где трусливо прятался. И что бы ни натворила Кэтрин, Джейн не могла не чувствовать жалости к несчастной женщине.

– Я отвезу тебя к приорессе Флоранс в Эймсбери, – сказала она. – Гарри, ты проводишь нас?

– Непременно, – согласился он.

– Марджери, позаботься о матери, – распорядилась Джейн. – Я постараюсь вернуться как можно скорее. Кэтрин, прошу тебя, встань. Нужно собрать твои вещи.

Томас и Гарри подняли несчастную на ноги.

– Я должна увидеть мальчиков! – закричала она, вырываясь из их рук. – Я не могу оставить своего малыша! Мне нужно видеть его! – У нее началась истерика.

– Нет! – отрезал Эдвард. – Пусть кто-нибудь соберет ее вещи.

– Я сделаю это. – Мать направилась к лестнице; вид у нее был убитый, она как будто разом постарела.

Джейн не удержалась и заплакала. Она легко могла представить, какая это боль и мука – быть разлученной с ребенком и что ощутят Джон и Нэд, когда поймут, что их мама больше не вернется. И это будет только начало.

Тут мать споткнулась о нижнюю ступеньку лестницы и упала.

– К чему все это?... – сквозь слезы проговорила она. – Я не могу... Все это так ужасно.

Джейн и Марджери поспешили помочь ей.

Гарри отпустил Кэтрин и сжал руку Джейн.

– Я сам отвезу ее в Эймсбери, – сказал он. – А ты оставайся с матерью.

Джейн вытерла глаза, ужасаясь тому, что видит мать в таком состоянии.

– Наверное, так будет лучше, – согласилась она. – Я напишу записку приорессе.

– Пожалуйста, позволь мне увидеться с детьми! – молила Кэтрин, глаза у нее были совершенно дикие.

Она пыталась оттолкнуть Эдварда, но тот держал ее крепко, игнорируя крики. Джейн взяла перо и бумагу, но рука у нее так дрожала, что ей удалось вывести всего несколько неровных строк.

– Я сообщила приорессе Флоранс лишь о том, что ты была неверной женой, – сказала она Кэтрин. – Ни к чему раскрывать всю правду и покрывать позором семью.

– Это мудро, – хриплым голосом заметил Энтони. – Нам всем нужно продолжать в том же духе. Дела и так идут хуже некуда, не стоит усугублять проблему. Представьте, как скажется на нас этот скандал, если вскроется, что тут творилось.

– Ты имеешь в виду, что внутри семьи мы должны вести себя так, будто ничего не случилось? – спросила мать, нетвердо вставая на ноги. – И ты полагаешь, я на это способна?

Бледное красивое лицо Энтони зарделось.

– Мама, я всего лишь пытаюсь оградить вас от дальнейших неприятностей. Если мы не станем разглашать эту тайну, вы сможете без стыда смотреть в глаза друзьям и знакомым. И сказать по правде, что еще вам остается? Мы все обязаны сохранять преданность отцу и слушаться его. Если вы его бросите, общество вас осудит как предавшую мужа жену.

– Обсудим это позже, – сказала леди Сеймур.

Тяжело ступая, она поднялась по лестнице, и все сели ждать ее. Тишину прерывали только всхлипы Кэтрин. Наконец мать спустилась, неся суму, набитую одеждой. Позади нее шел слуга, тащивший обитый кожей сундук. По решительному виду леди Сеймур Джейн поняла, что та почти оправилась и вернулась к прежнему самообладанию; она изо всех сил старалась быть сильной.

– Кэтрин, вот твои вещи, – холодно проговорила мать. – Гарри, ты не мог бы распорядиться, чтобы подали носилки и лошадей?

– Они уже ждут, – сказал Томас. – Я приказал.

– Ты должна ехать, – сказала леди Сеймур, поворачиваясь к плачущей невестке. – Такова воля Эдварда, и я не стану ему перечить. Надеюсь, Кэтрин, ты осознаешь чудовищность того, что совершила, и сожалеешь об этом. Из милости я помолюсь за тебя.

– Прошу вас! – взмолилась Кэтрин, зубы у нее стучали. – Прошу, позвольте мне увидеть детей!

– Уведи ее! – приказал Эдвард и, так как Гарри колебался, сам потащил жену к дверям. Она начала кричать в голос, но он дал ей пощечину. – Тихо! Что подумают слуги?

Гарри крепко обхватил Кэтрин за плечи и быстро вывел за дверь. Джейн последовала за ними и стояла рядом, пока брат сажал невестку в носилки. Заглянув внутрь, она увидела, что Кэтрин смотрит на нее полубезумным взглядом.

– Послушай, – начала Джейн, – если ты будешь хранить семейную тайну и никогда не назовешь отца своим любовником, я постараюсь сделать так, чтобы ты виделась с детьми. В противном случае я стану считать тебя самым неблагодарным созданием из всех когда-либо живших на свете и ничего больше для тебя не сделаю. Понимаешь?

Гарри смотрел на сестру с новым уважением. Кэтрин сжала ее руку:

– Обещаю, я никогда не заикнусь о нем! Даю слово, клянусь! Я сделаю все, если ты приедешь ко мне детей или позволишь мне навещать их.

– Я постараюсь, – пообещала Джейн. – Господь с тобой!

Она стояла на Большом дворе и смотрела, как носилки увозят прочь Кэтрин. Ее крики затихли в отдалении. Потом Джейн пошла искать Эдварда.

Все так и сидели в Главном зале, пытаясь свыкнуться со страшной правдой, которая им открылась.

– Она уехала, – сообщила Джейн. – Эдвард, тебе следует знать, что ценой за ее молчание могут быть встречи с детьми.

Эдвард понуро сидел на скамье, его гнев прошел.

– Я не хочу, чтобы они с ней виделись. Пользы от этого не будет.

– Зато она скорее проявит благоразумие! Кроме того, я пообещала: если она будет молчать про отца, то я постараюсь помочь ей встретиться с детьми.

– Ты не имела права! – крикнул Эдвард.

– Джейн говорит разумные вещи! – вмешалась мать. – Ты хочешь, чтобы о нашем позоре трубил весь свет? Слухи распространяются быстро, сам знаешь. Монахини любят посплетничать. Дня не пройдет, как новость разлетится по всей стране. Подумай обо мне и об этих бедных детях. Они будут скучать по матери. Мальчики без нее и дня не прожили.

– Я подумаю, – буркнул Эдвард.

– Тогда думай быстро, – сказала леди Сеймур.

– Я только одного не могу понять, – подал голос Энтони, – как ты узнал, что отец и Кэтрин любовники.

Джейн увидела, как мать поморщилась.

Эдвард замялся:

– В это трудно поверить, но, когда я был во Франции, меня без конца терзали сомнения по поводу Кэтрин. Мне нужно было знать, изменяет ли она мне и мои ли дети. В такое время лучше находиться дома. Мне не давало покоя то, что я никак не мог разрешить сомнения, пока не вернусь в Вулфхолл. Я даже спать перестал из-за этого. – Он помолчал. – В свите кардинала был один джентльмен. Когда мы находились в Амбуазе, я услышал его рассказ о некоем ученом человеке, который живет в городе и считается большим знатоком магии.

– Колдун! – воскликнул Энтони.

Эдвард сердито глянул на него:

– Радуйся, мальчик, что ты не оказался в моем положении. Ты ничего не смыслишь в том, о чем говоришь. – Он повернулся к остальным. – Про этого человека рассказывали, что у него бывают видения и он способен предсказывать будущее. Я подумал, вдруг он мне поможет. Пришел в его дом на узенькой улочке неподалеку от того места, где жил художник Леонардо. Сперва он сказал, что вызывать видения запрещено, и если он это сделает, то рискует быть обвиненным в колдовстве или ереси. Я поклялся, что никому ничего не скажу. Предложил деньги. Короче, упрашивал его, как мог, потому что отчаянно хотел узнать правду.

– Но откуда тебе известно, что он не шарлатан и не мошенник? – спросил Гарри.

– Люди при дворе говорили о нем с уважением, как об ученом муже, человеке неподкупной честности. О его занятиях магией упоминал только тот джентльмен из свиты кардинала, но он заверил меня, что в этом отношении мне беспокоиться не о чем, как и во всех прочих. Итак, я с радостью заплатил ему за помощь, причем немало.

– Не могу поверить, – покачала головой мать, – что мой сын занимался такими сомнительными делами. Отец Джеймс пришел бы в ужас.

– Я вижу, вы не одобряете моего поступка и сомневаюсь, что вы мне поверите. – Эдвард встал. – Нет смысла рассказывать вам, что произошло. Пойду на конюшню.

– Подождите! – воскликнула Джейн. – Мы тебя выслушаем. Я уверена, ты действовал из лучших побуждений. Все согласны со мной? – Она быстро окинула взглядом родных.

– Я выслушаю тебя, – сказала мать, – хотя шокирующих новостей уже хватило для одного дня.

Эдвард сел на место:

– Матушка, никто не говорил, что этот человек занимается дурными делами; скорее о нем отзывались как о муже трезвомыслящем и искреннем. Он понял, что меня тревожит, и проявил сочувствие. Сказал, что использует магическую перспективу и попытается узнать, что происходит у меня дома. Потом отвел в маленькую комнату, завешенную черной материей, и предложил сесть вместе с ним за стол. На нем стояли две серебристые свечи и плошка, наполненная водой, с каким-то кристаллом. Он попросил воду открыть нам правду о моей жене, потом достал из кармана пять лунных камней и опустил их в плошку.

Мать перекрестилась, но сохранила спокойствие.

– Сначала ничего не происходило, – продолжил рассказ Эдвард, – но затем, к моему изумлению, на воде начали появляться образы. Там была женщина в зеленом платье, какое часто носит Кэтрин, но... Скажу только, что с ней был мужчина и они находились в позе, которая говорила о близости, мало приличествующей чести обоих. Видение длилось всего несколько мгновений, но я узнал его. Это был отец.

– Откуда такая уверенность? – скептически спросил Томас.

– Я не сомневался. Но даже если я ошибся или тот человек использовал какие-то хитрости, все равно правда открылась, и отцу пришлось это признать. Им обоим пришлось.

– Значит, ты поспешил домой из-за того, что увидел, – подвел итог Томас. – А какотреагировал на это кардинал?

– Я не открыл ему правды. Сказал, что моя жена после смерти отца помутилась рассудком и я очень беспокоюсь за нее. Кардинал проявил понимание и благословил на отъезд. Не думаю, что он затаил на меня обиду.

Эдвард уткнулся лицом в ладони. Некоторое время все молчали.

– И что ты теперь будешь делать? – робко спросила Джейн.

– Если Кэтрин примет обет, ты легко добьешься аннулирования брака и сможешь жениться снова, – сказал Энтони.

– Думаешь, мне этого захочется? – с горечью спросил Эдвард.

– Не торопись, пусть пройдет время, – сказала мать. – Нам всем нужно время, чтобы пережить случившееся. – Она снова заплакала. – Ваш отец стал чужим для меня. Я не знаю, как жить дальше. И что теперь будет с детьми?

– Я долго думал об этом, – вздохнул Эдвард. – Я люблю их обоих. Может быть, они и мои сыновья, но даже если отцовские, в них течет та же кровь. По закону муж считается отцом всех детей своей жены, так что нет смысла объявлять их бастардами. И я не сделаю ничего, что принесет им вред.

Джейн заметила, что при этих словах Эдварда мать испытала облегчение, как и она сама.

– Хорошо, что ты не лишаешь их своей отцовской любви, – сказала леди Сеймур. – Дети нуждаются в ней, особенно Джон. И ведь они ни в чем не виноваты.

– Я не перестану любить их, хотя они напоминают мне об их матери и ее злодеяниях, – ответил Эдвард. – Но я намерен оспорить завещание сэра Уильяма; нет никаких причин, по которым я или дети Кэтрин должны лишиться положенного ей по наследству.

Томас поднял взгляд:

– Если ты это сделаешь, брат, то рискуешь вызвать гнев леди Филлол, которая может в отместку растрюбить по всему миру, что наш отец покрывал ее дочь.

– Томас! – протестующим хором воскликнули братья и сестры.

– Имей уважение к матери! – бросил Гарри.

У Томаса хватило такта, чтобы принять сокрушенный вид.

– Простите, матушка.

– И меня тоже простите, я сожалею больше, чем могу выразить словами. – Это был сэр Джон. Он стоял в дверном проеме, растерянный и сломленный, искательно заглядывал в глаза жене и детям, будто хотел вызнаться, осталась ли в них хоть капля любви и уважения к нему. – Сможете ли вы когда-нибудь простить меня?

Дети встали, повинувшись воспитанной в них с детства привычке. Послушание, уважение и привязанность, которыми пользовался отец на протяжении всей их жизни, невозможно было отменить за одно мгновение. И все же Джейн теперь смотрела на него другими глазами. Он оставался человеком, которого она любила, и тем не менее стал чужаком, все греховные слабости которого вдруг раскрылись. Ум Джейн не мог вместить в себя все это.

– Марджери? – обратился сэр Джон к жене.

Мать не смотрела на него. Эдвард вышел за дверь.

– Марджери, пройдемте в Широкий зал, – сказал отец и отступил в сторону, пропуская ее вперед, его глаза были мокры от слез. Джейн ужаснулась. Она никогда не видела отца плачущим.

Ни отец, ни мать никому не открыли, о чем они говорили в тот августовский вечер, но было ясно: оба старались, чтобы жизнь шла как прежде, только это было совершенно невозможно. За ужином сэр Джон занял свое обычное место на высоком кресле во главе стола. Леди Сеймур села на противоположном конце, как делала всегда. Они вели разговор друг с другом, и дети последовали примеру родителей. Не их дело – осуждать отца.

Сердце Джейн обливало кровью: ей было жаль мать, которая вела себя так стойко, несмотря на свою боль, и она прекрасно понимала, как стыдно отцу. Девушка силилась делать вид, будто все идет нормально, но никак не могла примириться ни с тем ни с другим.

У Эдварда внутри все пылало, словно в горне, из которого вот-вот вырвется наружу расплавленный металл. Напряжение было осязаемым. Ели все очень мало, хотя блюда на столе стояли отменные.

– Сегодня я получил послание от сэра Фрэнсиса, – сказал сэр Джон в конце трапезы таким тоном, будто случайно вспомнил об этой «мелочи». – Он пишет, что охотно займется поиском места для тебя, Джейн. И намекает, что я могу облегчить его труды, если подам надежду на вознаграждение. Так принято при дворе. Патронаж – дело прибыльное. Завтра я пошлю ему деньги.

– Благодарю вас, отец. – Сердце Джейн учащенно забилося.

Неужели она и вправду отправится ко двору? О, насколько сильнее обрадовала бы ее эта новость, если бы пришла в более благоприятный момент! Разве сможет она оставить мать в такое время?

– Это хорошая возможность для тебя, – решительно заявила леди Сеймур. – Ты наверняка найдешь себе достойного супруга. Молюсь, чтобы это случилось.

Джейн испытала облегчение.

Но вот бесконечный ужин завершился, благодарственные слова произнесены, и можно укрыться в постели. Джейн взяла свечу и пошла вверх по лестнице вместе с Марджери. В спальне с низкими потолочными балками и деревянной кроватью, завешенной вышитыми шторами, которую они делили на двоих, девушки разделись, сложили платья, натянули ночные сорочки и забрались под одеяло. Джейн задула свечу. Сестры лежали молча; комнату заливал лунный свет, проникавший внутрь сквозь окно с тонкой решеткой.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала ко двору, – произнесла Марджери.

– Может быть, я еще и не уеду, – отозвалась Джейн. – Пока нет окончательной уверенности. Но если я там окажусь, то спрошу королеву, нет ли у нее места и для тебя.

– Правда? – В голосе Марджери слышалась томительная надежда.

– Конечно, дорогая сестрица. Я так люблю тебя. И буду ужасно скучать.

– Всегда легче уезжать, чем оставаться, – сказала Марджери, и это мудрое замечание выдавало, что ей всего пятнадцать.

– Да, – согласилась Джейн, – к тому же, боюсь, жизнь тут не наладится еще очень долго.

– Думаешь, отец и мать смогут забыть о том, что случилось?

– А что им остается? Они женаты. Отец – важный человек в наших краях. Мать постарается избежать скандала. Мы все согласились, что лучше сохранить это в тайне. А все начинается с дома.

– Я попытаюсь жить и дальше, как ни в чем не бывало, – заявила Марджери, переворачиваясь на бок, – и молюсь, чтобы все остальные вели себя так же. Спокойной ночи, сестрица.

Джейн не могла уснуть. Она ворочалась в темноте, пытаясь совладать с тревожными мыслями. Через какое-то время она встала, надела ночной халат и на цыпочках прошла в соседнюю пустую комнату, где находилась уборная. Выйдя оттуда, совсем не расположенная ко сну, Джейн тихонько спустилась по лестнице в Старую комнату. Там найдется какая-нибудь книга, которая наверняка развеет ее душевное смутение. Отец Джеймс был снисходительным наставником, а потому в помещении для учебных занятий стояли лошадки-качалки, на стульях сидели куклы, в углах валялись волчки, на столах лежали забытые роговые книги и исписанные листы бумаги. Джейн улыбнулась, краем глаза заметив корявые буквы, выведенные рукой юного Джона, и тут же ощутила болезненный укол в сердце при мысли о том, с какой потерей скоро столкнется ее ничего не подозревающий племянник.

На полке из любимых с детства книг Джейн выбрала «Кентерберийские рассказы» Чосера, села и раскрыла том. Начав читать, она услышала какой-то тихий шум в дальнем конце комнаты, за дверью, которая вела в кабинет отца. Неужели он не спит в такой поздний час?

Джейн подождала, размышляя, не лучше ли ей уйти, но тут дверь открылась, и появился сэр Джон:

– Джейн! Что ты тут делаешь?

Он едва решился встретиться с ней взглядом.

– Я не могла уснуть, отец. И пришла сюда за книгой. – Она встала.

– Увы, бедное дитя, я сомневаюсь, что сегодня кому-нибудь из нас удастся выспаться. – Сэр Джон сглотнул и направился к ней. – Моя дорогая девочка, – сказал он и заключил ее в объятия. – Я так виноват. Что я наделал?! – Голос его тонул в волосах дочери, плечи вздрагивали.

Не зная, что сказать или сделать, Джейн наконец прошептала:

– Все будет хорошо. Дайте нам время.

– Постарайтесь не думать обо мне слишком дурно, – пробормотал отец. – Я был глупцом, вообразил себе эту любовь. Эдвард пренебрегал ею, а я воспользовался ее несчастьем. – Он отпустил Джейн и заглянул ей в лицо. И что же? Оказалось, что ее сильный, величавый отец плакал, он даже как будто стал ниже ростом. – Хотя она не противилась, – продолжил сэр Джон, – вся вина на мне. И никогда мне ее не загладить.

Джейн натужно улыбнулась:

– Я не сомневаюсь, что Небеса уже простили вас, раз вы так искренне раскаиваетесь. Я прощаю вас от всего сердца и постараюсь обо всем забыть.

Сэр Джон шумно втянул в себя воздух:

– Я не заслуживаю такого снисхождения, но благодарю тебя, Джейн, от всей души. Леди Марджери сказала, что по твоему настоянию было решено сохранить тайну внутри семьи, и за это я благодарю тебя отдельно. Для меня истинное благословение – иметь такую дочь.

Сэр Джон уже совладал с чувствами и протянул Джейн руку. Она замаялась. Больше всего ей хотелось, чтобы отец снова стал таким, как прежде. И первым шагом к этому должно стать прощение. Девушка протянула ему ладонь в ответ.

Через неделю пришло письмо от сэра Фрэнсиса Брайана. Сэр Джон вошел на кухню, где Джейн с матерью пекли пироги, и громко объявил:

– Джейн, ты отправляешься ко двору. Королева милостиво согласилась принять тебя в качестве фрейлины, и король тоже выразил одобрение.

Сердце Джейн заскакало от восторга.

– Прекрасная новость! Я и не думала, что это свершится.

Она едва могла сосредоточиться на списке вещей, которые понадобятся ей при дворе. Мать радостно засуетилась, и это отвлекло ее от тяжелого уныния.

– Тут говорится, что ты можешь носить только черное или белое. Ничего цветного. Надо будет послать за торговцем тканями в Мальборо, пусть приезжает, да побыстрее, ведь вам нужно быть в Гринвиче к концу месяца. Почему ты не можете носить свои лучшие платья, этого мне не понять!

Эдвард стоял за спиной отца и слушал разговор или, скорее, монолог леди Сеймур.

– Только королева и ее придворные дамы носят цветные платья, матушка. А все фрейлины одеты в черное и белое.

– Почему? – спросила Джейн.

– Чтобы вы не затмевали ее. Большинство фрейлин – молодые прекрасные девушки, а королева, честно говоря, не красавица. Но она очень величественная и одевается роскошно.

– А какая она, королева Екатерина? – сыпала вопросами Джейн.

– Мне не довелось говорить с ней, но я видел ее не раз. Она всегда мила и улыбочива, хотя ей приходится нести тяжелый крест.

– Да, у нее нет сына, – заметил сэр Джон, садясь в кресло у очага, – и она уже не женщина в этом смысле.

Эдвард ничего не ответил. Он не хотел говорить с отцом. Атмосфера в доме оставалась напряженной, и Джейн чувствовала себя виноватой за чувство облегчения, которое испытывала при мысли о грядущем отъезде и о том, что оставит родных разбираться со всеми проблемами без ее участия.

– А королева красивая? – встряла в разговор восьмилетняя Дороти.

– В молодости была, – ответил отец. – Увы, теперь она уже немолода. Она старше короля.

– Я хочу поехать ко двору, – продолжала болтать Дороти. – Хочу надеть красивое платье, танцевать, петь и увидеть короля.

– Всему свое время, – сказал отец.

– Мало мне одной дочери, которую нужно собрать ко двору, – вздохнула мать. – Джейн, поднимемся наверх и разберем вещи в твоём сундуке. Посмотрим, что из этого можно использовать. Тебе понадобятся новые капоры. Нельзя же при дворе ходить простоволосой. И ты можешь взять мой жемчуг...

– Я отвезу тебя, Джейн, – перебил ее Эдвард, – а потом отправлюсь на север, в замок шерифа Хаттона. Скоро я должен вернуться туда. – Последние слова он произнес с нескрываемым облегчением.

После ужина Джейн и Эдвард прогуливались по саду Вулфхолла.

– Какая радость находиться за пределами этого дома, – сказал он; лицо его выглядело усталым, глаза запали. – Скорей бы уж нам уехать.

– Ты не будешь скучать по детям? – спросила Джейн.

– Им будет хорошо с матерью.

– Но ты нужен им сейчас.

– Джейн, не вмешивайся! – вспылил Эдвард.

– Если я вмешиваюсь, то потому, что забочусь о них, – возразила она, уязвленная. – Они только что остались без матери.

– И это моя вина? Не я девять лет скакал по чужим постелям, совершая инцест.

– Она скакала? – медленно проговорила Джейн. – Или боялась отказать отцу? Кэтрин никогда не была здесь счастлива, верно? Влюбленная женщина, которая согласна на эту любовь, должна выглядеть счастливой. По-моему, вся любовь была со стороны отца.

– Похоть, ты имеешь в виду! – прорычал Эдвард.

– В течение девяти лет? Говорят, похоть удовлетворяется быстро. Нет, Эдвард, я уверена, против Кэтрин тут согрешили больше, чем согрешила она сама.

– А ты не забыла, как она вела себя в самом начале! – с горечью воскликнул Эдвард. – Почище Евы. Она обворожила меня. И вовсе не была невинной овечкой; она знала, к чему готовится. Ты огорчаешь меня тем, что берешь ее сторону.

– Нет, Эдвард! – крикнула Джейн, понимая, что ей не стоит сейчас злить брата или враждовать с ним. Да, временами он превращался в холодного моралиста, но все равно оставался ее братом и со следующей недели будет ее единственной связью с домом. Джейн коснулась его руки. – Мне очень жаль вас обоих, но, какова бы ни была роль во всем этом Кэтрин, она сполна заплатила за грех разлукой с детьми, и для нее это наверняка катастрофа.

Эдвард опустил плечи:

– У тебя слишком мягкое сердце, Джейн. Кэтрин сама виновата, она потеряла право общаться с детьми из-за своего поведения. Я не могу допустить, чтобы они заразились ее порочностью. Она не подходит для того, чтобы растить и направлять их. И тебе стоит подумать обо мне. Я женат, и у меня нет жены. Я не могу снова вступить в брак, если Кэтрин не примет обет или я сам не обращусь за разводом, но это будет непомерно дорого. Потребуется акт парламента. Так что придется мне жить в одиночестве.

«Или не в полном одиночестве», – подумала про себя Джейн, но посчитала за лучшее придержать язык.

– Мне действительно очень жаль тебя, – сказала она и взяла брата под руку.

Они молча пошли дальше.

– А каков из себя король? – спросила Джейн, чтобы сменить тему разговора.

– Очень красив, по крайней мере так говорят дамы, – ответил Эдвард. – Он высок и величествен, как подобает могущественному правителю, и держится с большим достоинством. Не прочь перекинуться шуткой со слугами, я даже видел, как он играл в кости с хранителем винных погребов. Как-то на приеме один посол сильно нервничал, король положил руку ему на плечо и говорил с ним, как со старым знакомым, чтобы тот расслабился.

– Это вдохновляет.

Джейн, пожалуй, боялась встречи с королем.

– Он не кусается. – Эдвард через силу улыбнулся. – Тебе нечего бояться.

Наконец все было готово. Сказав прощальные слова, Джейн крепко обняла мать. Отец поцеловал ее, благословил и дал кошелек с монетами. Мать старалась сохранять бодрый вид, улыбалась и просила дочь писать почаще. Вокруг столпились братья и младшие сестры с детьми, чтобы сказать «до свидания». Обнимая Марджери, Джейн сказала:

– Я не забыла о своем обещании.

Она забралась в носилки и устроилась рядом с сундуком, где были аккуратно сложены ее новые платья, поверх которых лежали завернутые в старый шелк капоры. В сундуке поменьше уместились нательное белье, меха, зимняя накидка и небольшая шкатулка с драгоценностями: материнский жемчуг, который перешел ей по наследству от бабки Уэнтворт, три кольца, маленькая подвеска с бриллиантом и эмалевая брошь в форме ромба с изображением Пяти ран Христовых. Под боком у Джейн пристроилась корзина с едой в дорогу.

Эдвард вскочил на коня, два грума замкнули шествие, и кавалькада, сопровождавшая носилки, медленно покинула Большой двор, пересекла Малый, проехала через гейтхаус и

направилась в сторону Мальборо, Ньюбери и Мейденхеда, где путники переседают на лодку, идущую в Гринвич.

Джейн приказала себе не оглядываться.

Часть вторая. Арена гордыни и зависти

Глава 5

1527 год

Смотритель гостевого дома в монастыре Харли тепло встретил путников и позвонил в висевший у входа церковный колокольчик, какой обычно используют на мессах. После чего, лучась улыбкой, сказал:

– Отец приор любит сразу узнавать о прибытии важных гостей.

Распорядитель дома для гостей был круглым, розовощеким парнем, этакий монах-весельчак, вылитый брат Тук³, как представляла его себе Джейн, – подходящий человек для такой службы. Он провел приезжих в назначенные им покои. Комнаты были маленькие и скромно обставленные, но безупречно чистые. Тем временем грум принес багаж. Они переночуют здесь всего одну ночь. Завтра Эдвард и Джейн сядут на корабль в Мейденхеде, а слуги вернутся домой с носилками и лошадьми.

Приор Томас оказался таким же живым и веселым, как и смотритель монастырского постоянного двора. Однако Джейн подозревала, что под его внешним очарованием таилась суровость. За обедом, которым их как гостей кормили в приемном зале дома настоятеля, хозяин слегка разгорячился, заговорив о кардинале Уолси:

– Негоже служителю Церкви владеть такими богатствами. Он архиепископ Йоркский, но ни разу там не появился.

Эдвард положил себе и Джейн еще ростбифа, они ели с одной пропитанной мясным соком хлебной доски.

– Люди говорят, Англией управляет он, а не король. Не уверен, что это абсолютно верно. Я видел их вместе. Они большие друзья, и создается впечатление, что кардинал почти как отец для его милости. Несомненно, он очень способный человек, но у него слишком много власти, и есть масса недовольных этим. Наш Господь, которому он служит, был бедным плотником. Он не владел ни великолепными дворцами, ни другими богатствами. Я видел дворцы Хэмптон-Корт и Йорк. Духовному лицу не приличествует такая роскошь.

Джейн нравилась искренность этого человека. Девушка сравнивала комфорт, которым наслаждалась приоресса Флоранс в Эймсбери, со старой мебелью в столовой приора Томаса, его залатанным нарамником и простым деревянным крестом – единственным украшением стен, и размышляла: если бы приоресса была такой же святой женщиной, как этот добрый пастырь, осталась бы она в Эймсбери или нет? Джейн подозревала, что, решись она на такой шаг, светский мир продолжал бы настойчиво манить ее к себе. Девушка подумала о бедняжке Кэтрин: каково ей там сейчас? За всю поездку Эдвард ни разу не упомянул о жене.

– Уолси не единственный прелат, который копит богатства и стремится к мирскому успеху, – говорил тем временем брат Джейн.

– Церковь нередко открывает путь к власти, – заметил приор Томас, – так было всегда. Разложение в Церкви велико, и если уж папы в Риме подают дурной пример, кто станет ограничивать в излишествах такого человека, как Уолси?

– Папы подают дурной пример? – изумилась Джейн.

³ Брат Тук – компаньон Робин Гуда.

Всю жизнь ее учили почитать Святого Отца в Риме, который был наместником христиан на земле, источником всей духовной мудрости и власти.

– Боюсь, что да, – ответил приор. – Вы наверняка слышали о неводержанности Борджиа? Наш нынешний папа Климент и предыдущий Юлий – оба имели незаконнорожденных детей и... Ну, об остальном я не стану упоминать в вашем присутствии, госпожа Сеймур. Однако папам властью христиан дано право выносить суждения о делах морали. Если сами они нечисты, на что надеяться нам, грешным?

– Отец настоятель, когда мы имеем перед глазами примеры таких добрых людей, как вы, истинно следующих за Христом и соблюдающих Его закон, у нас есть надежда. – Джейн улыбнулась. – Я невежественная женщина. Ничего не знаю про Борджиа и не думаю, что хочу знать, но я уверена, есть много людей вроде меня, которые стараются блюсти нашу веру скромно и покорно. Скандалы, куда вовлечены немногие, широко обсуждаются, но почему никто не говорит о благочестии большинства?

Приор Томас ответил на ее улыбку:

– Мое дорогое дитя, может статься, что простая девушка вроде вас обладает большей мудростью, чем такой старый, лишенный иллюзий человек, как я. Молюсь, чтобы жизнь при дворе не изменила вас. Там нельзя давать слабину. Берегите свою невинность. По крайней мере, вы будете служить нашей самой добродетельной королеве. Она зеркало благочестия и очень милосердная леди.

– Воистину, – поддержал приора Эдвард. – Ее очень любят. Жаль, что у нее нет сына.

– Это большая трагедия. – Настоятель встал, взял с подоконника миску с фруктами и поставил перед гостями. – Принцесса Мария – единственная наследница короля. До сих пор Англией ни разу не управляла женщина, и любой из потомков старого королевского дома Йорков может оспорить ее право на престол. Мы можем стать свидетелями повторения гражданской войны, которую я видел в юности, когда Ланкастеры и Йорки боролись за корону.

– Не дай Господи! – выдохнула Джейн.

Откушенное яблоко вдруг показалось ей кислым.

– Я служу герцогу Ричмонду, – сказал Эдвард. – При дворе поговаривают, что король хочет вынудить парламент признать мальчика своим законным сыном и объявить его преемником.

Приор нахмурился:

– Но примут ли англичане бастарда в качестве короля? Это большой вопрос.

– Некоторые полагают, народ так любит короля, что предпочтет его побочного сына любому отпрыску Белой розы Йорков. Но есть и изменники, которые называют Тюдоров узурпаторами и жаждут возвращения на трон старого королевского рода. Кто знает, что может случиться?

– Должно быть, это сильно беспокоит короля, – со вздохом произнес приор.

– Есть мнение, что ему надо выдать принцессу замуж за одного из Йорков и надеяться на обретение внука, – поделился соображением Эдвард.

– Мудрая идея! – Глаза приора засверкали. – Вам бы быть советником его милости, а не Уолси.

Разговор сосредоточился на короле.

– Джейн хочет знать о нем все, – сказал Эдвард. – Я старался подготовить ее к новому месту.

– Наш повелитель очень набожный человек, верный друг Церкви, – сообщил гостье хозяин. – Лет шесть назад он написал трактат против ереси Мартина Лютера, и за это папа даровал ему титул «Защитник Веры». Я слышал, он усердно соблюдает церковные обряды, в знак смирения каждую Страстную пятницу ползет к Кресту на коленях.

– Его милость весьма учен в теологии, – добавил Эдвард. – Он читает святых Фому Аквинского и Августина. Джентльмены из его личных покоев говорят: ничто не доставляет ему большего удовольствия, чем добрый спор о вопросах веры.

– Похоже, он образец во всех отношениях, – заметила Джейн.

– Иметь такого короля – истинное благословение, – заявил приор Томас.

– И ты очень скоро познакомишься с ним, – улыбнулся Эдвард.

Было восхитительно оказаться впервые на реке. Джейн еще никогда не плавала на барках, и ей очень понравились мягкое скольжение по упругим волнам и плеск весел за бортом. Лодка шла быстро. Какой восторг!

Лондон предстал перед глазами Джейн не менее прекрасным, чем она воображала: в небе рисовались силуэты сотни шпилей, а вдоль берегов Темзы выстроились в ряд прекрасные здания. Барка спускалась вниз по течению. По мере движения Эдвард показал сестре Хэмптон-Корт – огромный дворец, выстроенный кардиналом Уолси; дворец Ричмонд с остроко-
нечными башенками и куполами, упоминание о которых было бы уместным в какой-нибудь легенде; а потом, когда они проплывали мимо Вестминстера, Джейн увидела огромный главный собор аббатства; затем показался и сам город. Лондонский мост скрипел под грузом лавок и часовен, и надо всем этим возвышался собор Святого Павла.

Чуть дальше на берегу Темзы разлегся, как лев, дворец Гринвич из красного кирпича. Он был огромным, с гигантскими эркерами, глядящими на воду, и мощной башней. Его окружали прекрасные сады с фонтанами, лужайками, цветами и плодовыми деревьями. Количество всего этого заставило Джейн разинуть рот. Она-то считала Вулфхолл большим! Как же ей не заблудиться здесь?

– Сэр Фрэнсис Брайан должен ждать нас, – сказал Эдвард, когда барка стала приближаться к берегу. – Будь осмотрительна. Он сделал тебе большое одолжение и может ожидать чего-нибудь взамен.

– Ничего подобного! – Джейн почувствовала, как ее лицо заливают жаром. – Отец заплатил ему за это одолжение.

– Будь настороже, вот и все. Ему не напрасно дали прозвище Викарий Ада. Он печально известен порочностью и склонен к свободному обхождению с женщинами. Но его никто не может тронуть, ведь он близкий друг короля и джентльмен из личных королевских покоев. Его мать – Маргарет, леди Брайан, тоже пользуется уважением, она была воспитательницей принцессы Марии. О, и вот еще что. Он носит повязку на одном глазу, которого лишился во время прошлогоднего турнира.

– Какой ужас! – воскликнула Джейн.

В животе у нее заурчало, как бурлила вода под днищем лодки. Девушка встала, опираясь на скамью впереди, встряхнула юбки нового черного платья и белого киртла, поправила на голове сшитый матерью капор в форме фронтона и подцепила на руку шлейф. Она поднялась по каменным ступеням на пристань, закинув за плечо край черной вуали. Наверху их встретили вопросами королевские стражники в роскошной красной форме. Эдвард объяснил, что Джейн приехала на службу к королеве и сэр Фрэнсис Брайан ожидает их. К сэру Фрэнсису тут же был отправлен грум с известием о прибытии гостей, а самих визитеров проводили в башню и ввели в покои такой немыслимой красоты, что Джейн подумала: может быть, она умерла и вознеслась на небеса? Все здесь было покрыто позолотой или расписано яркими красками. Герб на центральном стекле эркера сверкал в лучах солнца; на стенах висели огромные гобелены, а на фризах под потолком резвились голые лепные херувимы. Пол был устлан коврами – мать хватил бы удар, если бы она увидела, что их топчут ногами; имевшимися в доме леди Сеймур двумя турецкими накрывали столы, и горе грозило тому, кто их испачкает.

Джейн пришлось подобрать для сохранности шлейф платья: они свернули направо в длинную галерею, увешанную портретами и картами, и стали петлять между столпившимися здесь в ожидании королевы придворными. В дальнем конце галереи стоял высокий темноволосый мужчина. Один его глаз скрывала повязка. Незнакомец был одет в модную короткую накидку из тонкого серого дамаста поверх дублета и баз⁴. Когда они подошли, он вежливо поклонился и, сверкая волчьей улыбкой, произнес:

– Госпожа Джейн.

Девушка испуганно сделала реверанс, держась на расстоянии от галантного придворного и с ужасом сознавая, что квадратный вырез ее нового платья открывает грудь гораздо сильнее, чем ей хотелось бы.

– Добро пожаловать ко двору, – лучился радушием сэр Фрэнсис, обшаривая Джейн взглядом с головы до ног. – Ваш вид совершенно приличествует моменту. Надеюсь, батюшка в добром здравии?

– Да, сэр, спасибо, – ответила Джейн. – Мы все очень благодарны вам за то, что вы нашли мне место.

– Для меня это было удовольствием, – заверил ее он. – Пойдемте. Королева ждет нас.

Тут Джейн по-настоящему занервничала. Как встретят при этом великолепном дворе деревенскую девушку? Удастся ли ей не попасть впросак? Она не могла поверить, что сейчас встретится с королевой Англии, которая отныне будет ее госпожой. Может быть, она даже короля увидит сегодня! От этой мысли Джейн затрепетала. Ей захотелось развернуться и убежать обратно на барку. Она не знала, как справиться с собой.

Сэр Фрэнсис провел их в апартаменты королевы через две великолепные комнаты, по пути с совершенным изяществом и очарованием рассказывая о выставленных здесь драгоценных вещах и картинах. За время краткого знакомства с этим человеком Джейн успела оценить его познания в области искусства и стала бояться, не будет ли она слишком уступать в образованности окружающим, если при дворе все окажутся столь же эрудированными. Прислушиваясь к разговору Эдварда с сэром Фрэнсисом, она поняла, что даже не подозревала, какой ученый у нее брат. И от этого еще сильнее почувствовала себя не в своей тарелке.

Приемный зал королевы был пустым, если не считать стражи у дверей. В одном его конце под балдахин, расшитым королевскими гербами Англии и Испании, стояло крестообразное кресло с алой бархатной обивкой; в другом находилась дверь, у которой посетители ждали, когда распорядитель объявит об их прибытии.

– Ее милость в своих личных покоях, за этим залом, – объяснил сэр Фрэнсис Джейн. – Туда могут входить только самые привилегированные люди, и теперь вы в их числе. – Он снова одарил спутницу волчьей улыбкой, но в ней ощущалась теплота. – Не робейте, госпожа. Королева – добрая леди.

Джейн начала понимать, почему он нравится женщинам.

– Здесь я оставляю тебя, сестрица, – сказал Эдвард, поцеловал ее и отступил назад. – Удачи!

Джейн вдруг объял страх, она чуть не бросилась вслед за братом, но сделала глубокий вдох и напомнила себе, что он будет рядом.

Они последовали за распорядителем в большую комнату, обставленную так же роскошно, как и остальные. Джейн огляделась. В дальнем конце на высоком помосте в просторном кресле сидела королева. Лиловая дамастовая юбка платья была широко разложена вокруг ее ног. На голове у повелительницы англичан красовался капор в виде фронтона, украшенный золотой

⁴ Базы – деталь мужского костюма кон. XV – нач. XVI в., юбка в складку длиной до колена, позднее (в XVII в.) эволюционировала в складчатые бриджи на толстой подкладке; в военном костюме изготавливалась из плотной ткани, крепилась к дублету и надевалась поверх доспехов для дополнительной защиты верхней части ног.

тесью; на пышной груди поблескивала подвеска из трех каплевидных жемчужин. Великолепно одетые придворные дамы и фрейлины в черных и белых платьях устроились рядом с госпожой на стульях или на полу, подогнув под себя ноги. Все они оторвались от шитья и посмотрели на Джейн, опустившуюся в глубоком, трепетном реверансе.

– Добро пожаловать, госпожа Джейн, – приветствовала ее королева.

Говорила она с сильным акцентом, который выдавал ее испанское происхождение. Джейн поднялась и увидела, что госпожа с улыбкой протягивает ей пухлую руку со сверкающими кольцами.

– Поцелуйте ее, – шепнул сэр Фрэнсис.

Джейн вышла вперед, опустила на колени и сделала то, что ей велели, думая про себя: какой же старой и печальной выглядит королева. К тому же она была полной, чего Джейн совсем не ожидала, и подбородок у нее сильно выдавался вперед. Тем не менее в ее улыбке читалась приятная мягкость, глаза излучали доброту, а манеры были неторопливые: она обращалась к новой фрейлине спокойно и ласково, так что у Джейн сразу стало легко на душе.

– Сэр Фрэнсис, я весьма признательна вам за то, что вы порекомендовали мне госпожу Джейн, – сказала королева.

– Ей улыбнулась удача, она будет служить вашей милости, – отозвался он.

– Это большая честь для меня, ваша милость, – тихо проговорила Джейн, замечая на себе любопытные взгляды женщин, которые отныне будут ее компаньонками.

– Госпожа Элизабет, прошу вас, отведите Джейн в спальню девушек и позаботьтесь о ней, – распорядилась королева.

Одна из придворных дам встала. Это была молодая женщина с темными волосами, румяным овальным лицом и голубыми глазами.

– Пойдемте со мной, – сказала она.

Оставив сэра Фрэнсиса беседовать с королевой, Джейн сделала реверанс и пошла вслед за провожатой по винтовой лестнице, которая вела на верхний этаж, в просторную палату с люкарнами⁵ по обеим сторонам. Вдоль стен тянулись длинные ряды соломенных тюфяков, рядом с каждым стоял сундук, а над ним имелись крючки для одежды. В комнате пахло потом, духами, обувью и – слабо – лоскутками с месячными кровями. Джейн это не беспокоило. Она привыкла делить комнату с Марджерии.

– Я Элизабет Чеймберс, главная фрейлина, – представилась молодая женщина. – Все зовут меня Бесс. Я отвечаю за всех фрейлин королевы, их обустройство и благополучие. Если у вас возникнут какие-нибудь проблемы, приходите ко мне. – Она улыбнулась. – Я вижу на вас платье положенных цветов.

Джейн испытала облегчение от ее дружелюбия:

– Мать сделала для меня еще два – одно белое, другое черное. – (Тем временем двое мужчин в зелено-белых ливреях принесли ее багаж.) – Я покажу вам.

– Не нужно, – сказала Бесс Чеймберс. – У вас есть немного времени, чтобы разложить свои вещи. Король обычно слушает вечерню вместе с королевой, так что вам нужно быть внизу в шесть часов, чтобы сопровождать ее. После этого в личных покоях королевы будет подан ужин. Если король не остается, то главные придворные дамы двора королевы присоединяются к ней за столом. Мы, девушки, едим вместе с хранителями покоев и другими служащими двора ее милости в караульном зале⁶. После ужина мы обычно немного отдыхаем, а потом помогаем королеве при отходе ко сну. Вы будете по очереди с другими фрейлинами проводить ночь на соломенном тюфяке в спальне королевы на случай, если ей что-нибудь понадобится. Это ясно?

⁵ *Люкарна* – оконный проем в скате крыши с вертикальной рамой, закрытой по бокам и сверху и поставленной в той же плоскости, что и стена фасада.

⁶ *Караульный зал* – соседнее с главным приемным залом помещение, где находилась стража, охранявшая покой королевской семьи.

– Да, госпожа Бесс, – ответила Джейн.

– Утром вы будете вставать в шесть часов, чтобы быть готовой помогать королеве одеться, когда она проснется. Вы будете с ней и со всем двором слушать мессу, после чего подается завтрак, который мы едим вместе с королевой в ее личных покоях. В течение дня мы прислуживаем ее милости по мере необходимости и в зависимости от того, чем она занята. Часто мы все занимаемся вышиванием или шьем одежду для бедняков.

Все это звучало очень определенно и радовало.

– Я люблю вышивать, – призналась Джейн.

– Ее милости это будет приятно. – Бесс немного помолчала. – Госпожа Джейн, простите меня, но я обязана говорить каждой вновь поступающей на службу к королеве девушке, что добродетельное и пристойное поведение требуется от нее постоянно. Первенство всегда следует отдавать главным придворным дамам, так как они являются женами знатнейших пэров королевства. И когда появляется король, а он может прийти без предупреждения, вы должны сделать глубокий реверанс и оставаться в нем, пока вам не разрешат подняться. Не заговаривайте с ним, если он сам не обратится к вам.

– Да, госпожа, – сказала Джейн, надеясь ничего не забыть.

– Сколько вам лет, Джейн? – спросила Бесс Чеймберс.

– Девятнадцать.

– А мне двадцать два. Я верно служу ее милости с тринадцати лет, вот почему сейчас занимаю это место. Вы узнаете ее как добрую и любящую госпожу. Мы все с радостью выполняем ее просьбы не столько по обязанности, сколько из любви к ней. Король тоже весьма милостив. Он дружелюбен со всеми нами. О, это напомнило мне одну вещь: юных джентльменов всегда привечают в апартаментах королевы. Ей нравится, когда они приходят, и она не пресекает их попыток оказывать знаки внимания нам, молодым дамам, если считает этих молодых людей подходящей для нас компанией. Но если кто-нибудь сделает вам предложение о браке или предложит что-то менее почетное, вы должны немедленно сообщить королеве, потому что она для нас *in loco parentis*⁷ и любой скандал плохо скажется на ней.

– Разумеется, – согласилась Джейн.

– Теперь я вас оставляю, – сказала Бесс. – Увидимся внизу около шести часов.

Стараясь унять сердцебиение, Джейн вместе с двадцатью девятью другими фрейлинами стояла в отделанном дубовыми панелями кабинете королевы, который использовался как часовня. Она оглядывала своих компаньенок – девушек и молодых женщин, которые отныне станут частью ее повседневной жизни. Некоторые из них окидывали оценивающими взглядами новую фрейлину, некоторые улыбались ей, другие, казалось, не замечали ее присутствия. Джейн надеялась подружиться со всеми.

Алтарь был накрыт дорогим покрывалом и украшен завесой из золотой парчи, распятие инкрустировано драгоценными камнями. Место впереди фрейлин заняли придворные дамы. Королева сидела на меньшем из двух обращенных к алтарю кресел, ноги ее покоились на бархатной подушке, лежавшей на полу; голову она склонила над молитвенником.

Послышался звук приближающихся шагов. Кто-то прокричал:

– Дорогу его милости королю!

И появился он – человек, который правил Англией, сколько Джейн себя помнила, король Генрих собственной персоной, восьмой по счету из носивших это имя правителей страны. Таким она и ожидала его увидеть: высокий, статный, уверенный в себе, розовощекий, чисто выбритый, с волосами цвета красного золота, на широких плечах дорогая дамастовая мантия. У него был римский нос с горбинкой и пронзительные голубые глаза. Король влетел в часовню,

⁷ Вместо родителей (*лат.*).

прошел мимо ряда присевших в реверансе дам; за ним следовали джентльмены из его свиты и йомены личной королевской стражи. Монарх поднял королеву из реверанса и поцеловал ей руку. Затем оба они опустились на колени, и капеллан королевы начал литургию.

Джейн вместе со всеми преклонила колени, не в силах поверить, что в нескольких шагах от нее молится сам король Англии.

После службы Генрих проводил королеву в ее покои, дамы парами следовали за ними. Джейн оказалась рядом с милой голубоглазой молодой женщиной, у которой из-под капора выбивались темные кудри. Она улыбнулась напарнице и шепнула:

– Я Марджери Хорсман.

– Джейн Сеймур.

– Может быть, король задержится ненадолго, – пробормотала Марджери. – Тогда вас ему представят.

Тут сердце у Джейн забилося по-настоящему быстро.

– Госпожа Джейн Сеймур, – произнес король Генрих, когда она поднялась из реверанса. Он посмотрел на нее с высоты своего немалого роста, в его стальных голубых глазах читалось одобрение. – Не сомневаюсь, что вы будете хорошо служить ее милости королеве и славно проведете время при дворе.

– Я буду стараться, как только могу, – заверила его Джейн.

Король благосклонно кивнул и принял кубок с вином, поднесенный одной из придворных дам. Вскоре его окружили восхищенные женщины, они болтали и перешучивались, а королева, глядя на это, улыбалась со своего кресла. Джейн робко стояла рядом с Марджери Хорсман и ждала, пока с ней заговорят. Но король не задержался в покоях супруги. Поставив недопитый кубок, он попрощался, поцеловал руку королевы и ушел. Женщины обменялись взглядами, королева выглядела расстроенной.

– Она снова отсутствует, – услышала Джейн шепот одной из дам.

– Какое неуважение! – прошипела вторая.

Джейн была поражена: неужели кто-то осмеливается проявлять неуважение к королеве! И подумала: кого же это нет?

Пока они все слушали вечерню, стол в личных покоях был накрыт на четыре персоны и ослепительно сверкал золотом и серебром. Слуги стояли наготове с салфетками и кувшинами с водой. Когда королева села за стол с тремя придворными дамами, остальные, сделав реверанс, покинули комнату и торопливо направились через приемный зал в караульный, где их ждали служители двора королевы. Они стояли у своих мест за главным столом и с торцов двух дополнительных, приставленных под прямыми углами к первому. Те придворные дамы, которым не посчастливилось быть приглашенными отужинать с ее милостью, сели рядом с ожидавшими их прибытия офицерами двора в порядке старшинства, затем, ближе к дальнему концу, разместились фрейлины и горничные. Марджери Хорсман объяснила Джейн, что грумы, распорядители и пажи всегда едят в большом зале вместе со слугами более низкого ранга.

После тихой жизни в Вулфхолле придворный обиход ошеломлял Джейн, и она мысленно молилась о том, чтобы здесь о ней не сложилось дурного мнения. Вдруг она вспомнила, как Томас однажды довольно грубо заметил, что строгое выражение ее лица отталкивает людей, но в доме Сеймуrow дочерям прививали девичью стыдливость, учили не поднимать глаз и вести себя скромно. Джейн наблюдала за другими девушками, они вроде бы и соблюдали приличия, но при этом оживленно беседовали, много смеялись, и она тоже осмелилась улыбнуться.

Джейн сидела рядом с двумя сестрами-близняшками, которые представились на английском с сильным акцентом как Исабель и Бланш де Варгас. Обе они имели кожу с оливковым оттенком и были намного старше Джейн, но проявляли доброжелательность.

– Мы приехали из Испании вместе с ее высочеством двадцать пять лет назад, – объяснила Бланш, – и с тех пор всегда при ней.

– Она, должно быть, добрая госпожа, если ей так верно служат, – заметила Джейн.

– Лучшей хозяйки и желать нельзя, – сказала Исабель.

– А вы, госпожа Джейн? Где ваш дом? – спросила Бланш, когда на столе появились деревянные блюда с крольчатинной и какой-то жареной рыбой. Все принялись за еду. Кушанья были хорошо приготовлены и обильны, но с домашней едой их было не сравнить. При мысли о том, как родные ужинают без нее в Широким зале, с аппетитом уплетая вкуснейшие блюда, Джейн вдруг задыхнулась: всепоглощающей волной ее захлестнула тоска по Вулфхоллу.

– В Уилтшире, – ответила она, не отваживаясь сказать больше, чтобы не разрыдаться.

Очень симпатичная девушка, сидевшая напротив, наклонилась вперед и спросила:

– А ваш отец? Он кто?

Джейн сглотнула.

– Сэр Джон Сеймур, – ответила она, пытаясь вызвать в себе аппетит к пище, которую положила на свою деревянную доску, но почти не ела.

– Он служит при дворе?

– Служил, – ответила Джейн, – и еще был с королем во время Французской кампании, но сейчас он шериф и мировой судья в Уилтшире. Мой брат Эдвард – главный конюший у герцога Ричмонда.

Симпатичная девушка выглядела заинтересованной.

– Джоан Чепернаун к вашим услугам, госпожа Джейн, – сказала она, протягивая руку через стол. – А это Дороти Бэдби. – Она повернулась к своей соседке, похожей на куклу. Та тоже пожала руку новой компаньонке и улыбнулась.

– У меня есть сестра, которую зовут Дороти, – сказала ей Джейн.

Она старалась не вспоминать о доме, обмениваясь с девушками историями о своем происхождении. Как и Джейн, большинство происходили из рыцарского сословия, за исключением близняшек Варгас, отец которых был каким-то служителем высокого ранга при испанском дворе.

– Бесс Чеймберс, кажется, добрая леди, – осмелилась заметить Джейн.

– Да, она хорошая, – согласилась Джоан. – Все ее любят. Она справедлива, и к ней всегда можно обратиться за помощью.

Джейн обратила внимание на одну довольно громко смеявшуюся даму за противоположным столом.

– Госпожа Нан Стэнхоуп, – мрачно проговорила Джоан, видя, что Джейн смотрит в ту сторону, откуда доносились взрывы хриплого хохота.

Сестры Варгас покачивали головами.

– Ее гордость и высокомерие нестерпимы! – разгорячилась Бланш.

– Она просто невозможна, – буркнула Исабель.

Нан Стэнхоуп была на несколько лет старше Джейн, имела желтовато-коричневые волосы, решительный острый подбородок, красные, как вишня, губы и широко поставленные глаза. Она была по-своему привлекательна, но выдающейся красавицей ее не назовешь. Девушка смеялась, разговаривая с сидевшим рядом молодым человеком, но, заметив на себе взгляд Джейн, сердито сверкнула глазами.

– Она не особенно популярна, – сказала Джоан. – Лучше ее не злить. У нее ужасный характер.

– Кажется, ей нравится быть в центре внимания, – заметила Джейн.

– И не только ей, – пробормотала Бланш.

– Ш-ш-ш! – шикнула Джоан. – Не здесь!

Джейн откусила кусочек от кроличьей лапки. Она была заинтригована.

– Вы говорите о той женщине, которая не появилась на службе? – тихо спросила она. – Я слышала, как дамы шептались об этом, когда мы выходили из личных покоев.

Бланш де Варгас заговорила ей на ухо:

– Они говорили о фрейлине, которая сегодня отсутствует. О госпоже Анне Болейн.

Джоан мрачно поджала губы:

– Вы скоро с ней познакомитесь, Джейн.

Джейн стояла и следила за тем, как дамы и девушки снуют вокруг королевы: распускают шнуровку, расстегивают крючки, слой за слоем снимая с госпожи одежду, затем облачают ее в ночную сорочку из тончайшего шелка, расшитую по вороту и манжетам черной нитью. Когда поверх сорочки было надето дамастовое ночное платье, застегнутое под самое горло, Бесс Чеймберс велела Джейн расчесать королеве волосы. Выпущенные из-под капора, они оказались очень длинными и имели цвет потускневшей меди. Осторожно распутывая волнистые пряди, Джейн заметила в них седину.

Королева улыбнулась ей:

– У вас нежные руки, госпожа Джейн. Завтра вы тоже расчешете меня.

На лице Нан Стэнхоуп промелькнуло недовольное выражение, остальные девушки едва сумели подавить довольные улыбки. Сердце у Джейн упало. Она не хотела с первого дня наживать себе врагов.

Когда около полуночи новая фрейлина королевы поднялась по лестнице в спальню, то была сильно утомлена и думала: неужели они с Эдвардом еще этим утром были в Мейденхеде? К своему неудовольствию, она обнаружила, что от постели Нан Стэнхоуп ее отделяют всего два соломенных тюфяка.

– Между вами спит Фридесвида Найт, – сказала за спиной Джейн Марджери. – Она горничная и прислужница Нан, всегда у нее на побегушках. Помочь вам расшнуровать платье, Джейн?

– Спасибо, вы так добры.

Пока Джейн раздевалась, на нее накинута Нан:

– Кем вы себя возомнили, маленькая мышка, что смотрели на меня свысока за ужином, а потом еще посягнули на мою обязанность при королеве?

– Я не хотела никого обидеть, – защищалась Джейн.

– Это я попросила ее расчесать волосы королеве, – тихо произнесла Бесс Чеймберс.

– Вам должно быть известно, что эта привилегия зарезервирована для тех, кто уже давно на службе! – выпалила Нан Стэнхоуп. – Я служу королеве шестнадцать лет! И не позволю, чтобы меня лишали положенного мне по праву.

– За шестнадцать лет вам следовало бы выучить, что вы исполняете то, что поручает вам главная фрейлина, – возразила Бесс. – Я хотела дать госпоже Джейн шанс показать нам свои способности, и если королева захочет, чтобы она расчесывала ей волосы завтра, и послезавтра, и послепослезавтра, полагаю, вам нужно пожаловаться самой ее милости.

Глаза Нан вспыхнули.

– Вероятно, именно так я и поступлю. И кроме того, скажу ей, что, прослужив при дворе дольше, чем вы, я имею больше прав быть главной фрейлиной.

– Не дай Бог! – фыркнула Дороти. – Посмотрите на себя, сами увидите, почему вместо вас назначили Бесс!

– Заткнитесь! – рявкнула Нан.

– Госпожа Нан, могу поклясться, вы заносчивее самого Люцифера! – воскликнула Бланш де Варгас.

– Тогда вам лучше поостеречься моих вил, – бросила в ответ Нан. – Фридесвида, дайте мне ночную сорочку.

– Ложитесь спать, все! – распорядилась Бесс.

Джейн помолилась, затушила свечу и легла в полном изнеможении. Похоже, сбежав от домашних проблем, она тут же впуталась в сеть мелких придворных склок. Господи, не допусти, чтобы так было всегда! По крайней мере, большинство девушек проявляли дружелюбие. Ей понравились Марджери, Джоан и Дороти. Бесс Чеймберс была добра, сестры Варгас – как родные. Она задумалась об отсутствовавшей Анне Болейн. Возможности расспросить о ней кого-нибудь пока не представилось. Единственная неприятная нота была сыграна Нан Стэнхоуп. Джейн про себя решила избегать эту даму. «Проблемы найдут тебя, – говорила мать, – если ты сама станешь их искать». При мысли о ней Джейн тихо заплакала и уснула в слезах.

Ее вывел из глубокого сна какой-то шум, когда было еще темно. В полумраке она различила темную фигуру, которая возилась с одеждой, а потом легла на пустую постель рядом с ней. Несомненно, это была эфемерная Анна Болейн. «Интересно, где она пропадала?» – подумала Джейн, но ей так хотелось спать, что долго задерживаться на этой мысли она не стала, просто перевернулась на другой бок и закрыла глаза.

Утром девушка проснулась в испуге с мыслью: «Где я?» Увидела Бесс, которая трясла за плечо Анну Болейн, чтобы разбудить. По подушке рассыпалась копна темных волос. Видя, что другие девушки торопливо умываются и одеваются, Джейн с трудом выбралась из постели и прошлепала по голым доскам пола к столу, где стояли тазы с водой.

– Доброе утро, – сказала Бесс.

– Доброе утро, – эхом подхватили Джоан и Исабель, вытирая лица.

К ним присоединилась Анна Болейн – молодая женщина с заспанными глазами и желтоватым худым лицом.

Бесс познакомила их.

– Госпожа Анна Болейн, это госпожа Джейн Сеймур, новая фрейлина. Она прибыла вчера в ваше отсутствие. – Последние слова сопровождались едва заметной эмфазой.

– Доброго дня, Джейн, – сказала Анна и зевнула. – Простите меня, я так устала.

Бесс поджала губы, но ничего не сказала. За спиной Анны девушки обменялись многозначительными взглядами.

Во время обильного завтрака, состоявшего из мяса, хлеба и эля, Джейн спросила Марджери, где была Анна.

– С королем, конечно, – пробормотала та. – Это не секрет.

– С королем? – удивленно повторила Джейн.

– Ну да. При дворе королевы мы не упоминаем об этом, но при большом дворе все знают, что его милость хочет избавиться от нашей дорогой госпожи и жениться на другой. Говорят, кардинал ездил во Францию, чтобы организовать брак с французской принцессой, но ничего не вышло. Все ждут, пока папа аннулирует брак короля. Если вы спросите меня, я скажу, что госпожа Анна нацелилась на корону.

Джейн показалось, что мир перевернулся.

– Но как может король думать о том, чтобы оставить королеву? Они так давно женаты, и у них есть дочь, принцесса Мария...

– Да, но нет сыновей. Женщина не может управлять! Королю нужен сын, который унаследует трон.

– Но вчера вечером они выглядели такими счастливыми вместе.

В это невозможно было поверить.

– Это его тактика. Он вежлив и обходителен с королевой, чтобы, когда их видят вместе, никто не подумал, будто он замышляет развод. Она его обожает, а потому не подает вида. Я сама, по правде сказать, верю, что и он ее по-своему продолжает любить. Но другую любит больше. – Она бросила взгляд на госпожу Анну и понизила голос. – Вот чем она платит коро-

леве за доброту, снует туда-сюда, как ей вздумается, и изо всех сил старается увести от нее короля. Она была здесь вместе со всеми нами в июне, когда его милость вошел к королеве и объявил, что хочет расстаться с ней. Слышала, как ее милость горько плакала. Была тут, когда мы пытались успокоить госпожу, и знала, что эту боль причинила ей она.

Джейн смотрела на Анну и ощущала, как внутри у нее поднимается волна неприязни. Возмутительно, что девушка, принятая на службу, могла нанести такую страшную обиду мягкой и доброй хозяйке.

Вокруг Джейн бурлила придворная жизнь. Устраивались пиры, представления масок, танцы, пантомимы и банкеты. Хотя дамам королевы полагалось вести себя скромно, они не скучали и часто предавались развлечениям. В покоях Екатерины много смеялись. Дни нередко проходили за игрой в карты с королевой или музицированием, в их распоряжении имелись просторные сады для прогулок и уличные забавы: стрельба из лука, игра в шары и наблюдение за теннисными матчами.

Король регулярно навещал жену в ее апартаментах, хотя Джейн подозревала, что не так часто, как той хотелось. Девушка со стороны наблюдала за Екатериной и Генрихом, ощущая напряженность отношений между супругами, хотя внешне они были неизменно вежливы и приветливы друг с другом. Их связывала дочь, в которой оба души не чаяли, общим был также интерес к учению и музыке. Время от времени Джейн даже слышала, как они вместе чему-то смеялись.

В те первые недели, когда Джейн знакомилась с обычаями двора королевы и привыкала к своим новым обязанностям, ей стало понятно, что все здесь болтают о госпоже Анне и короле; слышала она и другие истории из жизни Анны. Несколько лет назад эта девушка пыталась заключить помолвку с сыном герцога Нортумберленда и была удалена от двора за дерзкую самонадеянность. Еще раньше побывала при дворе во Франции, и о том, чем она там занималась, горячие спорщики высказывали очень разные предположения.

Сама Анна проявляла полное безразличие к этим слухам и сохраняла безмятежное спокойствие. Где бы она ни появилась, все внимание было приковано к ней. Джейн удивлялась, как с виду неприметная девушка сумела вызвать к себе такой острый интерес, граничивший с поклонением. Анна не была красавицей: плоскогрудая, с худым лицом и шестым ногтем на одной руке, который она безуспешно пыталась скрыть длинными рукавами. Но в глазах ее сверкали веселые искры, и это облако темных волос, и вкус к моде. Анна приковывала к себе взгляды тщательно продуманными нарядами, и, что бы ни говорили о ней между собой девушки, в ее присутствии они всячески демонстрировали, что наслаждаются ее обществом, и вились вокруг нее, как мотыльки у огня; так же вели себя и юные джентльмены, проводившие вечера в покоях королевы. Анне стоило только сверкнуть глазами в их сторону, и все они, как зачарованные, тянулись к ней, восхищаясь ее умом и талантами. Пела и танцевала она несравненно, а кроме того, искусно играла на лютне и писала стихи. Даже великий кардинал Уолси, шествовавший по двору с многочисленной свитой и прижатым к носу апельсином, одобренным специями и защищавшим его от смрада простонародья, казалось, скрывался в тени славы, восходящей к вершине новой фаворитки.

Однако Екатерина оставалась истинной королевой, примером для подражания. Она была королевой вдвойне, дочь испанских соверенов Фердинанда и Изабеллы, о которых часто говорила с глубоким уважением и любовью. Хорошо образованная и благочестивая, щедрая и милостивая. Она принимала сердечное участие в судьбе Джейн, как и в судьбах всех прочих людей, находившихся у нее на службе, и очень хвалила результаты ее работы иглой. Очень скоро Джейн почувствовала, что королева заботится о ней, как о родной. Екатерина заменила ей мать, которая была так далеко. Прошел всего месяц, а Джейн уже готова была отдать жизнь за королеву.

Она старалась иметь как можно меньше общего с Анной, соблюдая необходимую вежливость и не давая поводов к обидам. Ей уже довелось стать свидетельницей того, к каким несчастьям приводят измены: она видела, в какое отчаяние привела неверность мужа ее мать. Было до слез жаль, что у Екатерины нет сына, и Джейн истово молила Бога, чтобы Он даровал королеве такое благословение, пока Марджери Отвелл, одна из горничных, следивших за бельем королевы, не сказала ей, что у Екатерины четыре года как прекратились месячные крови. Значит, отец был прав. Надежды на сына нет.

К счастью, большинство фрейлин, даже Нан Стэнхоуп, поддерживали королеву. Три придворные дамы были особенно близки к Екатерине: леди Уиллоуби, вспыльчивая женщина с оливковой кожей, вдова, которая восемнадцатилетней девушкой приехала вместе с будущей королевой из Испании; леди Парр, другая вдова, очень услужливая и обходительная дама; и юная маркиза Эксетер, черноволосая и пылкая, наполовину испанка, истово преданная королеве.

Бесс Чеймберс сообщила Джейн, что у Екатерины есть еще одна близкая подруга – Маргарет, герцогиня Солсбери, кузина короля и наставница принцессы Марии.

– Но она живет в Ладлоу, где воспитывается принцесса, – пояснила Бесс. Дело было в сентябре, они вдвоем спешили на кухню распорядиться, чтобы их госпоже приготовили салат на ужин. – Разлука с дочерью причиняет королеве большие страдания, как и отсутствие леди Солсбери, но наследников престола принято отправлять на воспитание в Ладлоу. Принцы Уэльские должны научиться там управлению страной. Как только король понял, что у него больше не будет детей, он сделал свою дочь принцессой Уэльской и отправил ее туда. Королева очень скучает по ней, но не противится, понимая, что так нужно.

Джейн редко участвовала в доверительных беседах между Екатериной и ее подругами, но позже, на той же неделе, когда она прибиралась в одной из комнат, дверь личных покоев королевы отворилась и появилась леди Эксетер. Джейн услышала, как у нее за спиной Екатерина со страстью в голосе сказала кому-то, находившемуся с ней в комнате:

– Я никогда не соглашусь с тем, что мой брак кровосмесительный и незаконный, и не сделаю ничего, что поставит под сомнение права моей дочери!

Джейн молчаливо аплодировала смелости королевы. Противостоять королю, перед которым все благоговели, было непросто. Но ее озадачил вопрос: с чего это брак королевы кто-то считает кровосмесительным?

Она спросила об этом Марджери, улучив момент, когда они остались одни в спальне Екатерины и отбирали одежду, которая требовала починки.

– Ее милость была замужем за старшим братом короля, покойным принцем Артуром, который был бы королем, если бы не умер, – сказала ей Марджери. – Очевидно, замужество с братом покойного супруга не допускается, но, насколько я слышала, это не было настоящее супружество, если вы понимаете, что я имею в виду, поэтому папа позволил ее милости вступить в брак с королем, который тогда был принцем Уэльским. Он дал им особое разрешение на это.

– Значит, нельзя заключать брак с братом или сестрой умершего супруга?

– Нельзя, если первый брак совершился окончательно. Ее милость настаивает, что этого не было. Его милость, очевидно, уверен в обратном. Вот почему он считает их брачный союз инцестом, противоречащим Писанию и законам Церкви. Но, – Марджери понизила голос, – я знаю, кому верю!

Джейн согласилась с ней. Она не могла представить, чтобы их преданная Господу, твердая в принципах госпожа лгала.

Кавалеры не докучали вниманием Джейн, а самой ей не хватало смелости поднять на них глаза, как делали Анна Болейн и Нан Стэнхоуп. Некоторые из ее наперсниц, например Джоан

Чепернаун и Бесс Чеймберс, были такими хорошенькими, что им не приходилось ничего делать: мужчины сами толпились вокруг. Среди тех, кто частенько заходил в покои королевы, был и сэр Фрэнсис Брайан. Джейн провела при дворе около месяца, и ее очень тронуло, когда однажды он на глазах у всех отозвал ее в сторонку и поинтересовался, как у нее идут дела. Она была благодарна ему за проявленный интерес, потому что обычно ей приходилось лишь наблюдать за тем, как другие флиртуют и смеются, а это не слишком приятно.

– Постепенно привыкаю, – ответила Джейн, – я люблю королеву, но никогда не думала, что при дворе плетется столько интриг.

– Вы шокированы, юная леди? – засмеялся сэр Фрэнсис.

«Мало же он меня знает, – подумала она, – или не осведомлен о том, с какими безнравственными людьми я столкнулась еще до приезда сюда», а вслух сказала:

– Думаю, меня шокирует человеческая натура, сэр Фрэнсис: некоторые люди с такой легкостью причиняют боль другим. – Джейн бросила взгляд на Анну Болейн, громко смеявшуюся над шуткой своего брата Джорджа, развязного молодого человека, который имел очень высокое мнение о себе и с которым – как, хихикая, говорили фрейлины – ни одна девушка не могла чувствовать себя в безопасности.

– Не судите так поспешно о госпоже Анне, – сказал Брайан. – Она необыкновенная женщина, великий мыслитель и политик, многие ее поддерживают.

– В том, чтобы увести супруга у своей госпожи? – спросила Джейн. Вокруг них вертелась, сверкая глазами, Бланш де Варгас, пришлось понизить голос. – Вы даже не представляете, какую боль это причиняет...

Сэр Фрэнсис нахмурился:

– Ш-ш-ш! Не стоит обсуждать это здесь. Пойдемте в личный сад королевы.

Джейн с легкой опаской спустилась вслед за своим кавалером по лестнице туррета⁸, потом Брайан предложил ей руку, и они стали неспешно прогуливаться по гравийным дорожкам между аккуратными огороженными клумбами, среди которых возвышались полосатые постаменты с ярко раскрашенными скульптурами королевских геральдических животных. Джейн радовалась, что они здесь не одни: в дальнем конце сада, вне пределов слышимости, прогуливались еще две пары.

– Вы не можете снисходительно относиться к тому, что делает госпожа Анна, – настойчиво повторила Джейн. – Подумайте, как это печалит королеву.

– Никто не восхищается королевой и не почитает ее больше, чем я, – возразил Брайан. – Я ее очень люблю и жалею, да. Трагедия королевы в том, что она не имеет сына, оттого и ее влияние уменьшается. Она ненавидит кардинала, но ей не хватает сил сместить его с поста. Эта сила есть у госпожи Анны, и она намерена добиться устранения Уолси.

Сколько Джейн себя помнила, кардинал Уолси был главным министром короля – самим королем, разве что не по титулу, – так говорили многие. Оказавшись при дворе, она своими глазами увидела, какая пышность окружает этого великого мужа и как с ним церемонятся. Король ходил с кардиналом по дворцу, обняв его рукой за плечо, и смотрел на него с сыновней любовью в глазах. Джейн уже знала, что с любой петицией или прошением нужно было сперва обращаться к кардиналу, который, если посчитает это удобным, посоветует королю, стоит ли удовлетворить просителя. Уолси был сказочно богат, он владел огромным дворцом Йорк рядом с Вестминстером и построил Хэмптон-Корт, превосходивший великолепием все резиденции короля, к тому же его дважды едва не избирали папой.

– Как же это госпожа Анна надеется сместить кардинала? – изумленно спросила Джейн. – И почему она хочет этого? Если кто-то и может добиться развода для короля, так это Уолси.

⁸ Туррет – маленькая угловая башенка, пристроенная к стене замка.

– Сколько вопросов! – Брайан подмигнул ей своим единственным, злобно-насмешливым глазом и усмехнулся. – Так вот, милая Джейн, вы попали в самую точку. Она может сместить кардинала, потому что сейчас весь разум короля сосредоточен на его гульфике, а когда женщина приводит мужчину в такое состояние, она может делать с ним, что хочет.

Джейн засмеялась, чувствуя, что щеки у нее порозовели, и спросила:

– Она делит постель с королем?

– Кто знает? Он от нее без ума. Но в этом есть нечто гораздо большее, чем постельные утехы, по крайней мере для госпожи Анны. Несколько лет назад кардинал ее смертельно обидел. Она хотела выйти замуж за нынешнего герцога Нортумберленда, однако его преосвященство помешал этому, да еще и оскорбил ее по ходу дела. Теперь она мстит: публично унизила его, когда он вернулся из посольства во Францию. Кардинал не мог получить более явного знака ее растущего могущества.

Джейн села на каменную скамью с вырезанными по бокам львами:

– Она, наверное, ненавидит его.

Брайан опустил рядом с ней, наблюдая за парочкой, которая тайком поцеловалась под тенистым деревом в конце аллеи.

– У нее есть на то причина. Она использует Уолси, чтобы получить желаемое, а потом уничтожит кардинала. Он забрал себе слишком много власти, и я, например, только обрадуюсь его падению.

Горячность сэра Фрэнсиса испугала Джейн.

– Вы тоже ненавидите кардинала?

– Как и многие другие. – Лицо его помрачнело. – При дворе есть два центра власти, Джейн. Один – это кардинал, который является лорд-канцлером и занимает Бог весть сколько еще разных должностей. Второй – это король. Джентльмены из его личных покоев пользуются большим влиянием, потому что проводят с ним каждый день и могут наущничать. Их желания не всегда совпадают с намерениями кардинала, и Уолси ревнует к их близости с королем. Я был джентльменом из личных покоев. Меня назначили туда много лет назад вместе с моим зятем сэром Николасом Кэри, король почтил меня своей дружбой. Однако кардинал дважды вычищал личные покои, изгоняя оттуда самых влиятельных людей, ссылаясь на то, что эти юные горячие головы сбивают с пути короля. Я два раза терял свой пост. С прошлого года я нахожусь при дворе исключительно из доброго расположения короля, но личные покои для меня закрыты.

Джейн положила ладонь на руку Брайана, не задумываясь, как если бы рядом с ней сидел брат.

– Но это невероятно! У короля наверняка хватает власти, чтобы распорядиться иначе?

– Он слишком благоговеет перед кардиналом, – сказал сэр Фрэнсис, потом вдруг наклонился и поцеловал ее в губы.

Ни один мужчина до сих пор не делал этого, и Джейн не знала, что сказать или сделать. Она даже не была уверена, понравилось ли ей ощущение. А когда он лизнул языком ее язык, девушка вспомнила, что говорил о Брайане брат: его называли Викарием Ада. Джейн неприязненно отшатнулась от него.

Он улыбнулся ей, щуя беспутный глаз:

– Простите, если я был слишком дерзок, но ваша доброта придала мне смелости.

– Я не уверена, что королева одобрила бы это, – сказала Джейн.

– Может, и одобрила бы, если бы мои авансы были приняты благосклонно, – возразил он.

– Это зависит от ваших намерений, – с улыбкой парировала Джейн, совладав с собой.

– А, так в вас есть смелость, сестричка! Ее милость была бы рада, если бы я нашел даму, которую мог бы любить. Недавно она упрекала меня, как обычно, по-доброму, за то, что, достигнув почтенного возраста тридцати семи лет, я так и не обзавелся женой.

– Тогда, вероятно, мне следует соблюдать еще большую осторожность, сэр Фрэнсис, – сказала Джейн, отодвигаясь от него, – потому что, кажется, ваши отношения с женщинами не всегда были приличными для их чести.

– Легкий флирт еще никому не вредил, – беспечно заявил он, откидываясь на спинку скамьи.

Пора было сменить тему. Сэр Фрэнсис нравился Джейн, но надо было проявлять осторожность.

– Я понимаю, отчего вы не любите Уолси, – сказала она.

Он вздохнул и печально взглянул на нее:

– Именно поэтому я и многие другие поддерживают госпожу Анну во всех ее попытках свергнуть кардинала. – И снова улыбка его стала волчьей. – А теперь, милая сестричка, думаю, пора возвратить вас вашей госпоже.

Они поднялись и вернулись к лестнице, больше не держась под руку.

– Джейн, будьте добры, сходите и отыщите Анну Болейн, – сказала королева Екатерина однажды осенним утром, сев за стол завтракать. – Она уже должна быть здесь, чтобы прислуживать мне.

– Конечно, мадам. – Джейн сделала реверанс и покинула личные покои.

Сперва она заглянула в спальню, но там было пусто. Потом спустилась в личный сад королевы и тоже никого там не застала. Она поискала в часовне и в уборных. Наконец подошла к сержанту – привратнику дворцового гейтхауса.

– Госпожа Анна Болейн? – переспросил он. – Она уехала домой вчера вечером.

– Благодарю вас, – сказала Джейн и начала медленно подниматься по ступеням; внутри у нее кипел гнев.

Как же ей не хотелось сообщать королеве об очередном оскорблении! Анне по меньшей мере следовало бы проявить вежливость и попросить у своей госпожи позволения покинуть двор.

– Вчера вечером она уехала в замок Хивер, мадам, – нервно доложила Джейн Екатерине. Последовала пауза, королева переваривала новость.

– Ясно.

– Удивляюсь, почему ее милость не уволит госпожу Анну, – пробормотала Джейн Марджери, когда они доставали пяльцы из шкафа с принадлежностями для шитья.

– Она не сделает ничего такого, что может огорчить короля, – ответила ей подруга. – Ее милость проявляет благосклонность к этой женщине ради него, потому что она его любит.

– Она святая, – заметила Джейн, вспоминая, как ее мать продемонстрировала такую же терпимость по отношению к отцу. – Вероятно, так и надо поступать, раз жена обязана слушаться мужа и вынуждена жить с ним.

– Да, – согласилась Марджери, собирая пяльцы, – ведь, как доказывает Великое дело короля, аннулировать брак очень трудно. К тому же королева этого не хочет.

Джейн поняла, что ее мать тоже не желала развода. По крайней мере, ее отец старался держать все в тайне, в отличие от короля.

– Это скандал, что мужчина выставляет напоказ свою любовницу, как это делает его милость. Но поменяйте их ролями, представьте, какое возникло бы возмущение, если бы у королевы появился любовник!

Голубые глаза Марджери округлились.

– Не могу вообразить, чтобы она такое сделала, но я понимаю, о чем вы говорите. Увы, мужчины могут безнаказанно совершать измены, а мы, бедные женщины, должны быть безупречными, ни малейшего подозрения, чтобы не подложить бастарда на колени супругу!

– Ну хватит болтать! – раздался у них за спинами хриплый голос леди Уиллоуби, которая направлялась в покои королевы. – Поторопитесь, дамы! Я могу согласиться с вашими рассуждениями, но не вам говорить такое!

Джейн от стыда вжалась в стену. При дворе лучше не высываться и вообще помалкивать.

Глава 6

1528 год

Анна вернулась ко двору. Фрейлина появлялась и исчезала, когда ей вздумается, что немало раздражало других дам и девушек. Однако королева ни разу не упрекнула ее. Она не делала ничего, что могло бы вызвать неудовольствие супруга.

Однажды утром Анна и Джейн были среди тех, кто прислуживал госпоже, когда король в сильном возбуждении без церемоний ворвался в покои жены.

– Под нашей крышей – потливая лихорадка! – заявил он.

Королева побледнела, а дамы в ужасе переглянулись.

– Ночью умерли трое из моих слуг, – продолжил король; страх был написан у него на лице, звенел в голосе. – Она в нашем собственном доме! Мы уезжаем немедленно. Я беру с собой малый двор, и мы едем в аббатство Уолтхэм. Скажите вашим женщинам и леди Солсбери, чтобы собирались быстро. Торопитесь! – Король поклонился, вспомнив наконец о необходимости соблюдать вежливость по отношению к супруге, но в глазах его при этом стоял чистый ужас, и он почти выбежал из комнаты.

Джейн помнила рассказы о последней вспышке потливой лихорадки; она случилась лет десять назад. Девушка знала, что эта болезнь убивает с невероятной скоростью и поражает людей любого ранга, высокого или низкого, без разбора. Отец Джеймс однажды сказал, что это проявление недовольствия Всевышнего. Джейн казалось, что таким образом короля наказывают за его злодеяния и вся Англия страдает вместе с ним.

Когда королева приказала Джейн помочь Марджери Хорсман упаковать ее одежду, ноги едва донесли бедняжку до гардеробной. Девушка тряслась от страха. Общалась ли она с кем-нибудь из умерших? Может, случайно сталкивалась с ними, проходя по галерее, или вдохнула заразный воздух, который они выдыхали?

Марджери сглотнула:

– Моя бабушка умерла от этого поветрия в прошлый раз, упокой Господь ее душу. Я помню все, как будто это случилось вчера. Врачи были беспомощны, они не могли предложить никаких лекарств от этой болезни. Старушка скончалась за четыре часа.

Джейн едва не плакала от страха.

– Мне так жаль. – Больше она ничего не могла сказать и стала снимать с полок кожаные короба с головными уборами королевы. Но все-таки: предупрежден – значит вооружен. – А какие были симптомы?

– Бабушка дрожала от приступов лихорадки, у нее были рези в животе, страшно болела голова, появилась сыпь – и все это происходило очень быстро. Потом она вдруг вся покрылась потом. Говорят, человек может веселиться за обедом и умереть к ужину. И в ее случае это оказалось правдой. Но доктора говорили нам, что по прошествии двадцати четырех часов опасность остается позади.

Джоан Чепернаун, Дороти Бэдби и Нан Стэнхоуп были отправлены по домам. Даже Нан притихла. Несмотря на жаркую погоду, она обмотала шарфом нижнюю часть лица, чтобы не вдохнуть зараженный воздух.

Анна Болейн, как обычно, куда-то исчезла, и когда Джейн вслед за королевой вышла во двор, то увидела ее стоящей рядом с королем среди придворных и прочих слуг. Всем им не терпелось оседлать коней и уехать. Джейн ощутила подавленную панику, которая миазмами пронизывала толпу.

– Страх – злейший враг, – сказала королева. Во время спешных сборов она оставалась спокойной и улыбалась. – Я верю в справедливость слов: один пущенный слух порожд-

дает тысячу случаев лихорадки. Мне кажется, люди больше страдают от страха, чем от самой болезни.

Джейн молилась, чтобы королева оказалась права.

– В Лондоне сорок тысяч заболевших потницей, – сказала Екатерина, собрав вокруг себя своих женщин в Даллансе, королевском охотничьем поместье рядом с аббатством Уолтхэм. Они провели здесь уже четыре дня, только что завершился обеденный час.

Королева перекрестилась:

– Мы должны молиться за эти бедные души и за себя тоже, потому что лихорадка теперь здесь, в этом доме. Служанка госпожи Анны умерла прошлой ночью!

Джейн охватил ужас. Здесь! В этом доме! *Милосердный Боже, спаси нас!* Остальные женщины разинули рты и переглядывались, объятые страхом. Исабель разрыдалась.

– Госпожу Анну отправили домой, – продолжила Екатерина, – и король срочно перебирается в Хансдон. Он распорядился, чтобы большинство из вас разъехались по домам. Исабель, успокойтесь. Вы, Бланш и Бесс, останетесь со мной, и еще леди Эксетер. Остальные должны уехать. Вам выдадут деньги на дорогу, вас будут сопровождать грумы. Возьмите с собой только то, что сможете нести. Остальные ваши вещи перевезут с нами, вы получите их по возвращении. Я сообщу вам, когда опасность минует и вы сможете снова явиться ко двору. А теперь поторопитесь и уезжайте отсюда как можно скорее.

Джейн сделала быстрый реверанс на трясущихся ногах и побежала наверх, в комнату под крышей, которая служила спальней всем служившим королеве девушкам. Едва соизнавая, что делает, она быстро сворачивала одежду и совала ее в дорожные сумки, которые можно было повесить поперек седла. А вдруг она подхватила лихорадку и болезнь уже развивается в ней? Она может умереть к вечеру!

Джейн почувствовала себя страшно одинокой и заброшенной, представив долгую поездку по сельской местности, мили и мили в компании с незнакомым человеком, а вокруг свирепствует лихорадка, и никто не знает, где она есть, а где ее нет. Ощущая легкое головокружение, Джейн кое-как снесла вниз свой багаж и пошла разыскивать главного распорядителя двора. За дверью комнаты, которую он использовал как рабочий кабинет, собралась целая очередь из людей, все явились, как и Джейн, получить деньги на поездку. К своему облегчению, она увидела среди собравшихся сэра Фрэнсиса Брайана.

– Не надо так пугаться, госпожа Джейн, – сказал он, увидев ее. – Нам повезло – мы уезжаем. Вы направитесь в Вулфхолл?

– Да, сэр. – Она едва могла говорить.

– Позвольте мне проводить вас туда. Я поеду в свой фамильный дом в Бакингемшире и рад этому развлечению.

Джейн была готова расплакаться от облегчения. Может, у Брайана и дурная репутация, но не станет же он компрометировать ее честь по дороге в родительский дом. И еще она подозревала, что нравится ему. К тому же сэр Фрэнсис обеспечил ей место при дворе, не приобретя при этом особых личных выгод.

Обмотав рот и нос шарфом, Джейн ехала на запад через Эссекс. Сбоку от нее скакал Брайан, позади держался грум. Им предстояло проделать путь длиной в сто миль, и никто из них не имел ни малейшего представления о том, что их ждет впереди.

Земля изнемогала от жары под июньским солнцем. Дороги были изрыты колеями, превратившимися в подобие горных хребтов из запекшейся грязи; оставленные без присмотра стада коров и отары овец жалобно мычали и блеяли вокруг. В первой деревне, к которой они приблизились, на улице не было почти ни души, на дверях многих домов были намалеваны кресты – предупреждения о заразе внутри.

– Лучше нам держаться околных дорог и избегать населенных мест, – мрачно сказал Брайан, а Джейн поплотнее прижала шарф ко рту.

После этого они поскакали по открытой местности, где воздух, вероятно, был чище. Они слышали вдалеке церковные колокола, которые звонили по покойникам, иногда – плач и крики и спешили в другом направлении. Разговоры велись только о том, как избежать потницы. От беспутного Брайана не осталось и следа, вместо него явился серьезный мужчина, заботившийся исключительно об их защите и безопасности.

К северу от Лондона они вынырнули из лесной полосы и увидели в долине мужчин, которые бросали завернутые в саваны тела в открытую яму. Ветер донес до них тяжелый запах. Джейн погоняла коня, чтобы поскорее удалиться от этого места, и тревожилась, не заразились ли они с Брайаном.

Проехали еще немного, и Джейн впервые ощутила головную боль.

– Святый Боже! – воскликнула она. – Я подхватила заразу!

Брайан пристально взгляделся в нее:

– Вы вспотели?

– Нет, но у меня болит голова.

Девушка сильно дрожала.

Сэр Фрэнсис протянул руку и пощупал ее лоб.

– Жара у вас нет, – произнес он. – Это скорее от жары или от страха.

Джейн попыталась благодарно улыбнуться, хотя была близка к слезам:

– Спасибо вам, сэр Фрэнсис.

Боль уже отступала. Джейн задышала глубже от облегчения.

Поездка казалась бесконечной. На ночевку они останавливались в аббатствах и приорах, где им не всегда были рады из опасения, не принесли ли путники с собой лихорадку. В одном монастыре привратница вообще отказывалась открыть дверь. Когда же их наконец впустили, они обнаружили, что комнаты в монастырском гостевом доме лишены всякой роскоши, но при этом чисты, а простая пища, которую им подали, была весьма приятна после долгих часов, проведенных в седле.

Брайан сохранял серьезность и держался на почтительном расстоянии от Джейн. Девушка чувствовала себя рядом с ним спокойно; она была даже немного разочарована тем, что он не пытается флиртовать с ней. Зато они подружились, их объединила пережитая вместе опасность.

Недалеко от Ньюбери путников обогнал всадник на коне. Сохраняя дистанцию, они спросили, нет ли у него сведений о том, что лихорадка стихает.

– Нет! – крикнул он. – Я слышал, что госпожа Анна Болейн тоже подхватила ее!

Джейн перекрестилась.

– Молю Бога, чтобы она выжила, – пробормотал Брайан, и они двинулись дальше.

«Но если Анна умрет, – подумала Джейн, – проблемы королевы разрешатся за одну ночь». Нехорошо было желать больной смерти, однако если Господь посчитает уместным забрать ее, то сделает всем большое одолжение.

– Вы со мной не согласны, – сказал Брайан, придерживая коня на неровной земле.

– Я люблю королеву, – отозвалась Джейн. – Мне невыносимо видеть, как она страдает из-за увлечения короля госпожой Анной и бесконечного ожидания вердикта папы. Это тянется уже год. Напряжение ужасное, а она тем не менее всегда бодра.

– Я тоже люблю королеву, – заявил Брайан. – Я ее очень уважаю. Но королю нужен наследник. Как друг, я могу засвидетельствовать: его уже очень давно тяготит отсутствие сыновей.

– Но эти сомнения относительно брака... Никто о них ничего не слышал до прошлого года, и потом становится ясно, что он оказывает знаки внимания госпоже Анне. Вы думаете,

он действительно женится на ней, когда – если – будет свободен? Она не королевского рода; куда ей равняться с королевой Екатериной!

– Нет, но, может быть, именно в такой, как она, и нуждается сейчас это королевство. Она передовой мыслитель с радикальными идеями. Король позволяет ей читать запрещенные книги. Как и многие из нас, она видит порочность Церкви и настаивает на реформах.

Джейн строго взглянула на него:

– Вы имеете в виду, что она еретичка? Лютеранка?

– Некоторые так считают, но не я. Сказать по сердцу, я верю, что она такая же истинная христианка, как любой из нас. Все, чего она хочет, – это реформа.

Джейн покачала головой:

– Меня беспокоит одно: в то время, когда догматы и традиции Святой церкви подвергаются нападкам со всех сторон, у таких людей, как госпожа Анна, находятся силы провоцировать изменения, пусть даже они поведут к лучшему. Это должен делать папа, а не простая фрейлина. Сэр Фрэнсис, наша вера под ударом. Еретики, последователи Мартина Лютера, отвергли пять из семи таинств! Есть люди, которые хотят перевести Библию на английский, читать и толковать ее по своему усмотрению. Я никогда не слышала о таких вещах, пока не приехала ко двору, и меня привело в ужас то, что у каждого здесь есть свое мнение по поводу вопросов, лежащих вне пределов понимания обычных людей. Вот почему следует ценить королеву Екатерину. Она истинная, преданная дочь Церкви, и нам всем нужно следовать ее примеру.

– Бог мой, Джейн, – усмехнулся Брайан, – вы тоже превращаетесь в политика, причем реакционного! Королю хорошо бы иметь голоса вроде вашего в своем Совете! Но послушайте меня. – Улыбка исчезла с его губ. – Держите свои взгляды при себе. Критики госпожи Анны быстро выходят из милости.

– Я знаю свое место, – заверила Джейн. – Мы сейчас не при дворе, и нас никто не слышит, кроме птиц, к тому же вы мой родственник, и я вам доверяю. Я бы ничего подобного не сказала при дворе.

– Да, – согласился он, – держитесь в стороне, но все примечайте. По моим наблюдениям, вы так и делали.

– Теперь вы подшучиваете надо мной, – засмеялась Джейн.

Однако в душе она встревожилась из-за того, что сказал Брайан об Анне Болейн. Разговоры о переменах грозили устоям веры, которые она чтит, и за них стоило бороться.

На десятый день к вечеру они прибыли в Вулфхолл. Измотанные, запыленные, уставшие от сидения в седлах всадники скакали по дороге к дому. Джейн почувствовала запах дыма. В Большом саду горел костер. Один из отцовских грумов шевелил головешки и бросал в огонь какое-то старое тряпье. Джейн обрадовалась, видя свой дом таким же милым и притягательным, каким она его помнила, только теперь он показался ей маленьким в сравнении с дворцами, в которых она обреталась в последнее время.

Их прибытие было замечено. Из дверей навстречу им выбежала Лиззи, за ней показалась и мать, следом – отец. Все были одеты в черное.

Джейн соскользнула с коня и бросилась к родным, сердце ее колотилось от страха. Кто умер? Господи, не допусти, чтобы потливая лихорадка добралась до любимого Вулфхолла.

Мать и Лиззи буквально прилипли к ней и никак не хотели отпускать. Тем временем Брайан жал руку отцу и рассказывал, что привело их сюда.

Леди Сеймур плакала на плече у Джейн.

– О, мой ягненок, до чего же я рада тебя видеть! Господь забрал у меня одну дочь, но посылает другую. Как хорошо, что ты вернулась домой! – бессвязно лепетала мать.

Наконец высвободившись из объятий, Джейн увидела, что лицо леди Сеймур осунулось от горя.

– Скажите, что это не Марджери! – воскликнула Джейн, когда из дому вышли Томас и Гарри, оба с мрачными лицами.

– Лихорадка скосила ее три дня назад! – выпалила мать и залилась слезами.

Сэр Джон оставил Брайана и обнял жену. Хотя Джейн и была ошеломлена новостью, но заметила, что родители ведут себя так, будто никакого разлада между ними не было.

– Нет, нет! – протестующе лепетала плачущая Джейн. – Не Марджери, прошу тебя, Господи! Ей было всего шестнадцать. – Она вспомнила последнюю встречу с сестрой – милой, зеленоглазой, добросердечной. Этого не могло быть! Умереть такой юной и так скоропостижно – это было ужасно!

Томас крепко обнял ее. Джейн почувствовала, что брат потрясен утратой.

– Все произошло очень быстро, – хрипло проговорил он.

– Ужасающе быстро, – добавил Гарри, в свою очередь обнимая сестру.

Потом вперед вышел отец – лицо бледное, на глазах слезы.

– Джейн! – сказал он надломленным голосом и прижал дочь к себе, как будто истории с Кэтрин Филлол не было. Сэр Джон снова стал отцом, которого она любила и почитала, и Джейн немного успокоилась, ощутив его силу.

Одежда, брошенная в костер, принадлежала Марджери. Мать приказала сжечь все ее вещи, чтобы уменьшить риск заражения.

– Все, что у меня от нее осталось, – это золотой медальон, который она не надевала с Рождества, – всхлипывая, проговорила леди Сеймур, потом взяла Джейн за руку и повела в дом. Та сжала кисть матери и в страхе подумала, что бежала от болезни, а нашла ее там, где хотела укрыться, – у себя дома.

Они отправили гонца на север, чтобы передать печальное известие Эдварду.

– Тебе мы тоже написали, – сказал Гарри сестре, занося в дом ее сумку, – но не знали, где обосновался двор, ведь смертельная болезнь повсюду.

– Король жутко боится потницы, – сказала Джейн. – Когда я уезжала, он собирался в Хансдон с небольшой свитой.

– Мы предупреждали тебя, чтобы ты сюда не ехала, но я рад, что ты здесь. – Гарри попытался улыбнуться.

Добрый, славный, надежный Гарри – он всегда умел утешить.

– Я не могла выбрать другого места, – заверила его Джейн. – Когда ее похоронили?

– На следующий день после того, как она умерла, так было нужно. Местный столяр по поручению отца за ночь сколотил гроб. Она покоится в церкви в Бедвин-Магне.

– Я съезжу туда и помолюсь за нее, – пообещала Джейн.

Собравшись с духом, она открыла дверь в их общую с Марджери спальню и прикрыла глаза при виде нового белья на постели и штор, заменивших прежние, которые пришлось сжечь. Окна были распахнуты настежь, но в комнате все равно стоял крепкий дух уксуса и мускуса, который использовали для устранения запаха пота. Джейн повернулась к Гарри и обняла его:

– Какое облегчение, что ты здесь!

Брат крепко обвил ее руками:

– Епископ Фокс стареет и слепнет, он все больше полагается на своих слуг, но, услышав о смерти Марджери, сказал, что, конечно, я должен поехать домой и оставаться с родными, сколько нужно и пока не пройдет риск заражения.

– Теперь он уже наверняка прошел, – заверила его Джейн, отстраняясь и открывая свою сумку. – Болезнь поражает мгновенно.

– По правде говоря, мне нужно возвращаться. Епископ был хорош на своем месте, но кардинал вынуждает его оставить служение, потому что хочет прибрать к рукам приход Винчестера. Мы не должны давать ему поводов для жалоб королю на неспособность епископа справляться с делами. Так что я останусь всего на пару дней. А ты надолго тут задержишься?

Джейн села на постель, которую когда-то делила с Марджери, с трудом сдерживая слезы. Комната теперь выглядела такой пустой: в ней не было ни сестры, ни ее вещей.

– Честно говоря, я не знаю. Королева сказала, что напишет, когда можно будет вернуться ко двору. Надеюсь, она даст мне достаточно времени, чтобы мама успела немного оправиться.

– Смерть Марджери стала для нее тяжелым ударом, – подхватил ее мысль Гарри, – как и для всех нас. Мы послали за Энтони в Литлкот. Надеюсь, он скоро приедет.

Джейн встала:

– Расскажи мне, как здесь шли дела? Отец иногда пишет мне, но ничего не сообщает о происходящем.

– В основном все как обычно. Мать и отец оставили обиды в прошлом. Кажется, они после этого стали еще ближе друг к другу. Но Эдвард с тех пор, как все случилось, дома не появлялся.

– Слышно что-нибудь от Кэтрин?

– Я ничего не знаю, – пожал плечами Гарри.

Джейн немного подумала:

– Она, наверное, страдает. Ты поедешь со мной, если я отправлюсь навестить ее? Можно взять с собой мальчиков.

Джон пританцовывал от радости, когда встречал тетку, а Нэд уже превратился в очаровательного малыша, делавшего первые шаги. Джейн легко могла представить, как скучала по ним Кэтрин, и своего обещания не забыла.

Грубоватое лицо Гарри посмурнело.

– Разумно ли это?

– Она их мать.

– Давай спросим мнение нашей матери. Если она согласится, я составлю тебе компанию. Внизу отец уговаривал сэра Фрэнсиса остаться.

Брайан осушил кубок вина, который держал в руке:

– Сэр, благодарю вас, но в этом доме траур, и с моей стороны будет невежливо нарушать покой хозяев.

– Она была вам кузиной, – сказал отец, – и за одно только то, что вы сделали для Джейн, мы будем рады вас приветить. Вы так далеко отклонились от своего пути.

– Ну, должен признать, хороший ночлег и отличная еда, которой славится леди Сеймур, – это весьма соблазнительно после нескольких дней в дороге, – ответил Брайан. – Благодарю вас.

– У северной стены, – указала мать, – рядом с медной доской твоего брата.

Джейн легко нашла место – оно было отмечено охапкой увядающих роз. Она преклонила колени в старинной церкви, все еще не в силах поверить, что ее милая Марджери лежит здесь, упокоенная вместе с юным Джоном и прахом их предков. Джейн попыталась молиться, но слова не шли с языка. Гнев – вот единственное, что она ощущала, из-за того что невинная жизнь пресеклась в самом начале. Сходное чувство наверняка испытывали сейчас многие люди по всей Англии. Как бы ей хотелось сказать Марджери, что она ее любит. Жаль, что она редко делала это раньше. А теперь уже поздно.

Но для Кэтрин еще не поздно было увидеться с сыновьями, а для самой Джейн – сообщить детям, как много они значат для матери. Надо использовать эту возможность. Приняв такое решение, Джейн быстро проскакала пять миль обратно в Вулфхолл.

– Нет! – твердо отрезала мать и стала месить тесто для выпечки с такой силой, будто хотела наказать его за что-то. – Это только расстроит мальчиков. Джон знает, что его мать совершила плохой поступок и должна оставаться в Эймсбери, чтобы искупить свой великий грех. Малыш Нэд ее не помнит. Оставь их в покое.

Джейн попыталась снова:

– Я обещала ей, что постараюсь сделать все возможное, чтобы она увиделась с детьми, если она даст слово молчать о случившемся.

– Я думаю о мальчиках, – вздохнула мать, – а не стараюсь наказать ее. Может быть, есть какой-то способ сделать так, чтобы она их увидела, а они об этом не знали.

– Это зависит от того, может ли Кэтрин покидать аббатство. Она должна вступить в монастырь?

– Нет. Условились, что она будет жить там и платить за свое содержание из оставленных отцом средств, которые ей обязаны выделить, если она удалится в монастырь. Она может выходить из обители по своему желанию.

– Тогда у меня есть превосходное решение! – радостно заявила Джейн.

Разумеется, ехать в Эймсбери, пока бушует лихорадка, было неразумно, а эпидемия продолжалась все лето. В течение этого времени Джейн вместе с родными оставалась в Вулфхолле, они были почти полностью отрезаны от внешнего мира и молились о том, чтобы болезнь больше никого из них не коснулась.

С наступлением осени похолодало, и до Вулфхолла докатились сведения, что потница наконец отступает из Уилтшира. Джейн раздумывала, не пора ли ей возвращаться ко двору, но было неизвестно, как обстоят дела с лихорадкой за пределами графства, и она почувствовала, что лучше остаться с родными еще ненадолго. Мать тяжело переносила смерть Марджери, и Джейн была нужна дома. Королева Екатерина поймет ее, в этом Джейн не сомневалась.

Вскоре настал момент, когда поездка в Эймсбери показалась им с Гарри безопасной. О новых случаях потницы там не было слышно уже несколько недель. Когда они прибыли, был базарный день, хотя из-за поветрия народу на рынке собралось заметно меньше, чем бывало раньше. Гарри повел мальчиков по лавкам, пообещав, что позже, если они будут вести себя хорошо, то увидят выступление акробатов и жонглеров. Джейн поспешила в аббатство и спросила у привратницы, можно ли ей увидеться с леди Сеймур. Лицо женщины осталось безучастным. Монахиня позвонила в колокольчик, и послушница была послана позвать Кэтрин. Джейн попросили подождать в пустой маленькой приемной.

Минут через пять появилась Кэтрин. За прошедший год она исхудала, серое шерстяное платье болталось на ней. Белый чепец покрывал волосы, а на милом лице появились едва заметные морщины – следы печали. Затворница смотрела на Джейн, как на привидение.

Джейн встала и взяла невестку за руки:

– Я приехала проведать вас. Весь год я провела при дворе на службе у королевы, иначе приехала бы раньше.

– Ну и как, по-вашему, идут мои дела? – с горечью в голосе спросила Кэтрин. – Вам приятно видеть, как я страдаю?

– Не по моей воле вы оказались здесь, – напомнила ей Джейн. – Мне вас жаль. Я часто о вас вспоминала.

– Мне все тут ненавистно, – проговорила Кэтрин. – Эдвард тоже ходил на сторону, но его не заточили в монастырь. Разве я еще недостаточно заплатила за свой грех?

– Такие условия поставил ваш отец.

– Это Эдвард выгнал меня из дому! Мне некуда было идти без средств к существованию. Джейн, вы можете поговорить с ним? Попросите его забрать меня отсюда. Я так скучаю по детям! Это пытка!

– Они здесь, – тихо сказала Джейн.

Лицо Кэтрин изменилось.

– Правда? Где? Я могу их увидеть?

– Да. Я для этого и привезла их. Мальчики на рынке с Гарри. Но они не должны вас видеть. Это только расстроит детей, а у них и без того много трудностей. Марджери умерла в июне от потливой лихорадки.

Кэтрин будто не слышала ее:

– Но я их мать! Вы не представляете, как мне хочется их обнять!

– Простите, – сказала Джейн, тронутая отчаянием Кэтрин, – но мы все считаем, что так будет лучше. Или вы посмотрите на них издали, или не увидите вовсе.

– Я должна их увидеть! – закричала Кэтрин. – Где они?

– Пойдемте со мной. – Джейн провела ее мимо каморки привратницы, и они пошли на рынок. Кэтрин едва не бежала, так ей не терпелось увидеть сыновей. Джейн схватила ее за руку и заставила остановиться за одним из прилавков, с которого торговали горячими пирогами. – Вон там, – сказала она, указывая туда, где стоял Гарри с сидевшим у него на плечах Нэдом и топтавшимся рядом Джоном. Все они смеялись над трюками жонглера.

Кэтрин прикрыла рот ладонью.

– О, мои дорогие, – заплакала она. – Ох, как они выросли. Не могу в это поверить. Пожалуйста, позвольте мне поговорить с ними. Прошу вас!

– Ш-ш-ш! – шикнула на нее Джейн, начав сомневаться, так ли хороша была идея, как ей казалось. – Вы привлекаете к себе внимание. Подумайте о них! Зачем снова заставлять мальчиков переживать разлуку с вами, особенно Джона, когда он только привык обходиться без вас.

– Вы сами не понимаете, какую совершаете жестокость. – Кэтрин отскочила назад. – Они мои дети!

Джейн пришлось проявить твердость.

– По закону они принадлежат вашему мужу, – напомнила она невестке, – и Эдвард не хочет, чтобы у них было что-то общее с вами. Я поговорю с ним, если увижу, но он в Йоркшире. – (Домой старший из братьев Сеймур так и не приезжал.) – Мать, Гарри и я действуем у него за спиной, мы решили привезти сюда детей без его ведома, чтобы вы могли их увидеть. Пожалуйста, не компрометируйте нас.

Кэтрин сдалась и больше не возражала. Она долго стояла на одном месте и жадно вглядывалась в сыновей. Жонглер закончил выступление, и Джейн увидела, как Гарри осматривается, чтобы проверить, могут ли они спокойно покинуть площадку. Джон что-то выпрашивал у него, подсказывал и кричал:

– Дядя Гарри! Дядя Гарри!

– Нам нужно идти, – сказала Джейн.

Кэтрин неохотно оторвалась от созерцания детей и по пути назад в аббатство плакала так горько, что Джейн сама едва сдержала слезы.

– Я привезу их еще, – пообещала она.

– Но вы вернетесь ко двору, – подвывала Кэтрин. – Когда я их увижу?

– Я приеду, когда получится, – попыталась успокоить невестку Джейн, – но большего обещать не могу.

Не прошло и часа после их возвращения домой, как на Большой двор въехал грум из Литлкота с письмом для сэра Джона от сэра Эдварда Даррелла.

Энтони умер от потливой лихорадки.

На этот раз Эдвард домой приехал, недели через две. Убитая горем мать обвила его руками и не отпускала, пока не вмешался отец. Он подошел к супруге и мягко отстранил ее от сына.

– Такова воля Господа, – срывающимся голосом сказал сэр Джон. – Его душа со святыми на небесах. Утешьтесь этим, как делаю я.

Джейн смотрела, как Эдвард встал на колени, чтобы получить отцовское благословение. Глаза его были холодны, и отец выглядел сконфуженным, когда положил руку на голову сына и прокаркал положенные слова. Никогда больше им не будет легко друг с другом, не вернуть те доверительные отношения, которые существовали до того, как интрижка с Кэтрин вышла наружу.

Наконец сдержанные приветствия и выражение печали закончились, семья собралась за столом в Широком зале, который был в знак траура задрапирован черной тканью.

Ужинали холодным мясом и вспоминали Энтони: каким блестящим молодым человеком он был, каким добрым, какие подавал надежды, которые никогда уже не сбудутся; потом они снова поплакали о трагической утрате двоих членов семьи.

– Кажется, никогда мне уже не обрести радости, – всхлипнула мать.

Отец попытался поднять настроение, рассказав им историю, как женщина, которую привели к нему и обвиняли в краже, чтобы защититься, представила суду свой живот.

– При этом лет ей было не меньше семидесяти! – добавил он.

– А почему она защищалась животом? – спросил Джон, сверкая глазами.

– Женщину, которая ждет ребенка, не могут повесить, мой мальчик, потому что дитя невинно.

Разговор перешел на Великое дело короля.

– Вся страна ни о чем другом не говорит, – сказал Эдвард.

– Какой позор, – фыркнула мать, – когда мужчина считает, что может просто избавиться от своей старой жены ради юной вертихвостки!

Она глянула на отца. Тот сглотнул.

– Думаю, тут дело гораздо сложнее, моя дорогая. И король не любой мужчина. Ему нужен наследник.

– Ему следует дожждаться слова папы, а уж потом гоняться за госпожой Анной Болейн! Ваша дочь о ней не слишком высокого мнения.

– Я с ней едва знакома, – сказала Джейн. – Держусь от нее подальше. Но мне грустно видеть, как мало она любит и уважает королеву. Кажется, ей дела нет до того, что она обижает свою госпожу.

Сказав это, Джейн почувствовала, как напрягся сидевший рядом с ней Эдвард. Вопрос был слишком щекотливый. Пока остальные высказывали свои мнения, она наклонилась к уху брата и сказала:

– Я виделась с Кэтрин.

Эдвард застыл. Потом буркнул:

– Не хочу иметь с ней ничего общего.

За прошедший год он изменился; в нем появились надменность и скрытность, которых раньше не было.

– Она в отчаянии, хочет видеть сыновей.

– Ей надо было думать об этом до того, как разыгрывать из себя шлюху, – прошептал он. – Я этого не допущу.

– Эдвард, она изменилась. От нее прежней осталась одна оболочка. Я и правда верю, что она раскаялась.

– Мне все равно, и я был бы тебе благодарен, если бы ты не вмешивалась в это дело.

Джейн крепко сжала его руку:

– Разлука с детьми убьет ее. Она живет только мыслью о том, что увидит их. Прошу тебя, будь милосердным, измени свое решение.

– Нет! – Он осушил кубок и вдруг заявил: – Я возвращаюсь домой.

– Ты? – Все повернулись к нему.

– Я потому и задержался с приездом на юг. Узнав о смерти Марджери, я написал королю и спросил, не найдется ли для меня какой-нибудь должности в наших краях, и его секретарь ответил, что для меня есть назначение в Дорсете. – Он поморщился. – Герцог Ричмонд не был этому рад. Ему сейчас девять, и он своенравен, никак не хотел меня отпускать, но мое место здесь.

– Очень рад это слышать, – заявил сэр Джон.

Эдвард сухо кивнул.

– О, сын мой! – воскликнула мать.

– Удовлетворишься ли ты службой в Дорсете?

Томас едва сдерживал ухмылку. Его явно задело, что Эдвард просто попросил короля о чем-то и получил желаемое, тогда как он, упорно стремившийся попасть на королевскую службу, до сих пор не удостоился ни малейшего внимания и сам видел это.

– Я доволен, – сказал Эдвард, не попавшись на крючок. – Я смогу прочесть все книги, на которые мне не хватало времени. Я даже не прочел «Утопию» сэра Томаса Мора.

– Как хорошо, что ты будешь дома, – сказала мать. – Клянусь Богом, нам нужно как-то взбодриться!

Джейн подумала о письме, лежавшем у нее в кармане, – письме с печатью королевы. Оно дождалось ее в момент возвращения из Эймсбери. Скоро придется обрушить на мать и остальное семейство новость о своем отъезде: ее вызывали обратно ко двору.

В Гринвиче только и разговоров было, что о приезде легата из Рима для разбирательства вместе с кардиналом Уолси по Великому делу. Госпожа Анна Болейн, чудом оправившаяся от болезни, еще выше вознеслась в фавор у короля, чем когда-либо прежде. Джейн это было неприятно. Однако она с облегчением вздохнула, узнав, что ей больше не придется ежедневно терпеть общество Анны: король распорядился об устройстве для Болейн личных апартаментов в Дарем-Хаусе на Стрэнде, неподалеку от Лондона. Видеть изо дня в день унижение королевы ее соперницей было невыносимо; у всякой вежливости есть свои пределы. Досаду вызывало то, что госпожа Анна разместилась в новом доме с таким великолепием, словно она уже была королевой. Все говорили, что это рано или поздно произойдет. Тем временем королева, как обычно, проявляла терпение и истинную святость, а на испещренном красными жилками лице кардинала была написана неподдельная тревога.

Джейн обрадовалась, услышав от Марджери Хорсман, что Брайана восстановили на службе в личных покоях короля. Девушки находились в спальне – распаковывали дождавшийся приезда Джейн сундук с ее вещами.

– Он заслужил это, – отреагировала Джейн и поведала Марджери о том, какую доброту проявил к ней сэр Фрэнсис.

– Сейчас доброта нужна королеве, – сказала Марджери. – Ее предупредили, чтобы она не смела настраивать подданных против короля, и обвинили в том, что она имеет чересчур довольный вид. Если бы они только знали, чего ей это стоит!

– Она слишком любит короля, чтобы подстрекать кого-нибудь против него! – возразила шокированная Джейн.

Однако Екатерина восприняла предостережение всерьез. Вскоре Джейн обнаружила, что жизнь при дворе королевы изменилась. Ее госпожа теперь не покидала дворец без крайней необходимости. Выглядела суровой и мрачной, одевалась только в темные платья, будто не хотела привлекать к себе внимания. Она больше не развлекалась с фрейлинами, а вместо этого

проводила почти все время в часовне за молитвами. Джейн и большинство дам из свиты королевы горячо молились, чтобы папа или легат высказались в ее пользу, да поскорее.

Их существование стало тусклым и скучным. Настоящая захватывающая жизнь двора вращалась вокруг короля и его фаворитки в Дарем-Хаусе. Джейн опасалась, что Англии осталось недолго ждать восшествия на престол новой королевы.

Король проводил Рождество в Гринвиче, устраивал для развлечения двора турниры, банкеты, живые картины и маскарады. Но Джейн не могла получать удовольствие от этих празднеств, если королева не выказывала радости, а по ее лицу было видно, как она переживает. Единственным утешением для Екатерины осталась дочь, принцесса Мария, которая приехала ко двору на Юлетида⁹.

Джейн стала одной из тех, кого Екатерина попросила присматривать за дочерью. Оказанное госпожой доверие тронуло Джейн. Принцесса Мария ей очень понравилась – милая, нежная двенадцатилетняя девушка с отцовскими золотистыми волосами и чертами лица матери, которые уже, однако, омрачались тревогой. Хоть Мария и жила вдалеке от двора, она знала о напряженных отношениях родителей и невидимом присутствии Анны Болейн, которая не показывалась из своих апартаментов, но принимала у себя всех. Даже когда они играли в жмурки, лису и псов или кегли, Джейн видела, что принцесса очень несчастна. Мария не отходила от матери-королевы и замыкалась в себе, становилась почти угрюмой в присутствии отца, хотя он и старался, как мог, развеселить ее. Джейн молилась, чтобы Великое дело короля поскорее разрешилось, хотя бы ради этой бедной девочки.

⁹ *Юлетида* – период до и после Рождества; исторически связан с *йолем* – языческим праздником середины зимы, отмечавшимся до принятия германскими народами христианства в дни зимнего солнцестояния.

Глава 7

1529 год

Суд проходил в лондонском монастыре Черных Братьев. Слушания по делу об аннулировании брака короля возглавляли кардинал Уолси и папский легат. Его милость – и об этом знали все – надеялся на успех. Говорили даже, что он планирует свадьбу с Анной Болейн.

Королева Екатерина в батистовой сорочке стояла среди своих дам и фрейлин, которые облачали ее в киртл из желтой парчи. Леди Уиллоуби и Марджери Хорсман вошли в покои с роскошным платьем из красного бархата, отороченным соболями, надели его на госпожу и начали зашнуровывать на спине. Нан Стэнхоуп принесла меховые нарукавники, а Джейн прицепила на пояс королевы золотую ароматницу. Наконец леди Эксетер повесила на шею Екатерины золотое ожерелье, сверкавшее драгоценными камнями, а сестры Варгас надели ей на голову капор, богато украшенный золотым шитьем. Лицо хозяйки оставалось бледным, тревожные складки на нем не разгладились, но выглядела она до кончиков ногтей королевой.

– Ну вот, я собралась на битву, – заметила Екатерина, пытаясь улыбнуться. – Им придется понять, что я не признаю это судилище. В Англии я не могу рассчитывать на справедливое решение по поводу своего брака. Дело короля должно быть заслушано в Риме!

Джейн впечатлила храбрость Екатерины. Нелегко было противостоять королю, который в эти дни ярился по любому поводу.

Королева была готова, как и четыре придворные дамы, которые должны были сопровождать ее. Джейн и остальные фрейлины остались во дворце Брайдуэлл дожидаться их возвращения.

В дверь вбежала Дороти Бэдби:

– Ваша милость, у монастыря Черных Братьев собралась толпа, все кричат: «Добрая королева Екатерина!» – и желают вам победы над врагами.

Глаза госпожи помрачнели.

– Королю это не понравится. Но он ценит любовь народа, пусть прислушается к голосу людей и образумится.

Она говорила это уже много-много раз. Джейн не могла вспомнить, когда впервые услышала от королевы эту присказку.

– Пойдемте, – распорядилась Екатерина.

В просторных, богато убранных залах дворца стало тихо. Джейн и остальные девушки старались найти себе занятия, но все думали только о том, что происходит в главном зале монастыря на другом берегу реки Флит, и настороженно прислушивались к любым звукам, которые могли предупредить их о возвращении госпожи.

– Подумать только, английский король и королева вызваны в суд, – задумчиво проговорила Исабель. – В Испании такого никогда не случилось бы!

– Не могу поверить, но это Великое дело тянется уже два года, – качая головой, сказала Бесс Чеймберс.

– Сколько еще выдержит королева? – спросила Джейн, и сердце у нее сжалось от боли за Екатерину.

– Будем надеяться, скоро все это закончится, – сказала Нан Стэнхоуп. – Я приехала ко двору не для того, чтобы вести такую унылую жизнь. Мы никуда не выходим, ничего не делаем, мы стали затворницами вместе с королевой, как монахини.

– Вы, наверное, предпочли бы служить у госпожи Анны Болейн? – резко спросила Бесс.

– Если бы у меня был выбор, то да. Она настоящая королева, разве что без титула, все вращается вокруг нее. Дни Екатерины сочтены.

Бланш де Варгас недовольно скривилась:

– Может статься, еще этот день не закончится, а вы запоете по-другому.

– Как вы можете с такой легкостью отказываться от любящей госпожи? – спросила Дороти.

Нан пожала плечами:

– Как мы найдем себе мужей или добьемся повышения по службе, если королева не имеет никакого влияния? Предполагалось, что она поможет нам составить хорошие партии, но за все годы, что я провела здесь, она ничего для меня не сделала. У меня было несколько поклонников, но из этого ничего не вышло. Мне скоро тридцать, я устала ждать.

– Некоторые из нас посвятили жизнь королеве, – сказала Исабель де Варгас, – и не желают ничего иного.

– Ну а я желаю! – выпалила Нан. – Если дело обернется против королевы, я напишу отцу, чтобы он попросил для меня место у госпожи Анны. А если он этого не сделает, тогда обращусь к ней сама.

Бланш вспыхнула:

– Никто из нас не опустится до такого! В Англии может быть только одна королева! Я лично никогда не признаю никакой другой, кроме нашей доброй госпожи. И думаю, что говорю за всех нас.

Все, кроме Нан, горячо выразили согласие.

– Я ни за что не стану служить Анне Болейн, – заявила Джейн. – Я ненавижу ее и все, за что она выступает. Женщина, которая намеревается украсть у другой мужа, не говоря уже о супруге своей госпожи, не заслуживает прощения.

– Но король говорит, что он не муж королеве, что папа был не прав, когда разрешил этот брак, – с удовольствием заметила Нан, – и госпожа Анна держится того же мнения, так что никакого мужа она ни у кого не крадет.

– Король был женат на ее милости восемнадцать лет и ни на что не жаловался! – крикнула Бланш. – А потом он влюбился в Анну Болейн – и вдруг его стала мучить совесть!

– Ему нужен наследник, а королева не может дать ему его! – возразила Нан. – Вероятно, он прав, что видит в этом наказание Божие.

– Если у короля есть сомнения, то лучше ему искать их разрешения у папы, – сказала Джейн. – Но пока его святейшество не объявит короля свободным, госпожа Анна не должна поощрять ухаживания.

– Очнитесь, наивное дитя! – насмешливо проговорила Нан. – Король без ума от нее и хочет сделать своей королевой. Она из семьи с амбициями, для этих людей главное – высокое положение. Вы действительно думаете, что она упустит такую возможность? Я бы не упустила!

Джейн разозлилась, что с ней бывало редко, но обуздала вспышку гнева.

– Тут дело не в амбициях, не в возможностях, не в том, чего хочет она сама или ее семья. То, что она делает, аморально. Сам Мартин Лютер не стал бы потворствовать этому.

Нан уже собиралась дать едкий ответ, когда Бесс Чеймберс подняла глаза от шитья:

– Не думаю, что госпожа Анна поощряет короля. Вспомните, сколько раз она уезжала домой в Хивер. Она и сейчас там.

– Она ведет хитрую игру, – фыркнув, сказала Исабель. – Король сходит по ней с ума, а она держит дистанцию, чтобы еще сильнее расpalить его чувства.

– А я думаю, что в прошлом году она ездила в Хивер рожать его бастарда, – заметила Бланш.

– Меня это не удивило бы, – поддержала ее сестра.

– Вовсе нет, говорят, она не подпускает его к себе до свадьбы, – возразила Марджери.

– Что с нами будет, если брак королевы расторгнут и король женится на Анне? – с тревогой спросила Дороти.

– Я лучше поеду домой, чем поступлю на службу к Анне Болейн, – сказала Джейн.

– Я уверена, король позаботится, чтобы королева была обеспечена, как должно, – попыталась успокоить их Бесс. – Нас оставят при ней.

– Ох, хотелось бы мне знать, что там происходит! Трудно предугадать, – вздохнула Марджери.

Они сидели молча, склонив головы над алтарной завесой, которую шили, и прислушиваясь к бою часов, пению птиц на деревьях за открытым окном и звукам своего дыхания. Наконец девушки услышали отдаленные радостные крики и уставились друг на друга.

– Похоже, решение принято в пользу королевы, – прошептала Марджери. – Люди не радовались бы так, если бы объявили о разводе.

Вскоре послышался топот шагов в галерее, потом дверь распахнулась и вошла королева, опираясь на руку мастера Ричардса, сборщика податей. За ней следовали дамы. Екатерина, тяжело дыша, опустилась в кресло, у нее не было ни кровинки в лице.

– Быстро подайте вина и чего-нибудь съестного! – приказала леди Уиллоуби поднявшимся из реверанса фрейлинам. – Джейн, принесите королеве домашние туфли.

Когда Екатерину обслужили и она немного подкрепилась, выпив вина из кубка, все собрались вокруг нее, в нетерпении ожидая новостей.

– Они высказались за вас, мадам? – спросила Бланш, забыв, что королева должна заговорить первой. – Мы слышали радостные крики.

Королева слабо улыбнулась:

– Нет, моя дорогая. Они вообще ничего не решили. Но я сделала то, ради чего пошла туда. Сказала, что считаю этот суд предвзятым и не стану присутствовать на его заседаниях.

Она прислонила голову к спинке кресла. Очевидно, силы ее были на исходе.

– Ее милость была великолепна! – воскликнула леди Эксетер. – Когда ее вызвали, она упала на колени перед королем на глазах у всего собрания и молила избавить ее от крайностей суда. Она взывала к нему от всего сердца. Мы все едва не прослезились.

– И он внял вашим мольбам, мадам? – спросила Бесс.

Последовала долгая пауза. Когда Екатерина заговорила, голос ее звучал глухо и печально:

– Нет. Он вообще ничего не сказал. Даже не взглянул на меня.

На третьей неделе июля, к удивлению и радости Джейн, в покоях королевы на одной из вечерних встреч, которые раньше были весьма многочисленными, но теперь стали заметно скромнее, так как большинство амбициозных молодых людей покинули строгий двор Екатерины ради великолепного дома госпожи Анны, появился Эдвард. Он выглядел высоким и элегантным в изысканном темном костюме, с остроконечной рыжей бородкой и пером на черном берете. Брат вежливо поклонился королеве, но в нем ощущались те же сдержанность и горделивость, которые Джейн заметила в Вулфхолле прошлой осенью. Сестру он приветствовал тепло и передал ей радостную весть о своем назначении эсквайром тела к королю по рекомендации сэра Фрэнсиса Брайана.

– Мы стольким ему обязаны, – сказала Джейн, когда они уселись в нише у окна.

– Он наш родственник, – ответил Эдвард, – и, думаю, мы ему нравимся сами по себе. Должен признаться, я рассчитывал, что он попросит твоей руки. Он не женат, и это была бы хорошая партия.

Джейн вспомнила смелые ухаживания Брайана.

– Был момент, когда он проявлял интерес ко мне, но ты предупредил меня о репутации сэра Фрэнсиса в отношении дам, и я его отвадила. Позже, во время нашей долгой поездки из Уолтхэма, я познакомилась с ним ближе, как с другом, ты понимаешь, и поняла, что в нем есть

гораздо больше разных качеств, чем те, о которых заставляет думать его прозвище Викарий Ада. Но мне кажется, он не принадлежит к числу мужчин, склонных к женитьбе.

– Я могу расспросить его об этом, – предложил Эдвард. – Теперь, служа в личных покоях короля, я буду видеться с ним каждый день.

– Пожалуйста, не делай этого ради меня или не упоминай моего имени, – попросила Джейн.

Эдвард удивленно изогнул брови:

– Почему нет? Брачные соглашения заключаются постоянно. О моем браке тоже условились, – с горечью сказал он.

– Просто не упоминай моего имени, – настаивала Джейн. – Пусть предложение поступит от него, хотя я в этом сомневаюсь. И вообще, Эдвард, я не уверена, что хотела бы иметь его супругом.

– Тебе может достаться кто-нибудь и похуже. Вы, по крайней мере, нравитесь друг другу. Но я сам не уверен, можем ли мы позволить себе такую партию. У отца есть деньги, отложенные на приданое для всех дочерей, но вас трое, и сэр Фрэнсис в прошлом году говорил Томасу в Вулфхолле, что надеется найти богатую невесту.

Джейн была поражена.

– Ты не думаешь, что это был завуалированный способ вызнать, богатая ли я невеста?

– Ну, отец спрашивал его, готов ли он остепениться. Все это говорилось полушутя. Но он и Томас считают, что речь на самом деле шла о тебе, хотя твое имя не упоминалось.

– Я бы хотела, чтобы спросили мое мнение, прежде чем поднимать этот вопрос.

Эдвард пожал плечами:

– Я уверен, тебя бы спросили, если бы они о чем-нибудь договорились.

– Похоже, сэр Фрэнсис отшучивался, слыша отцовские намеки.

– Джейн, ты слишком серьезно все воспринимаешь.

– Возможно, – резко сказала она. – Но не думай, что я разочарована. Мне нравится сэр Фрэнсис, но я не люблю его.

На следующий день Джейн, улучившая возможность немного прогуляться по саду, возвращалась во дворец. Подняв взгляд, она увидела Эдварда, который торопливо пересекал подъемный мост через реку Флит, соединявший дворец Брайдуэлл с монастырем Черных Братьев. Брат заметил сестру и махнул ей рукой. За спиной у него толпились мужчины, направлявшиеся на суд.

Эдвард поравнялся с ней и, задыхаясь от волнения, сообщил:

– Легат отозвал дело короля в Рим. Папа сам будет выносить решение.

– Хвала Господу! – выдохнула Джейн. – Теперь у королевы есть шанс на справедливое решение.

– Король в ярости. Видела бы ты его лицо!

– Я бы предпочла увидеть госпожу Анну! Она была так уверена, что корона достанется ей. Ох, Эдвард, это обнадеживающая новость. Боже, пусть король поймет, какую ошибку он совершает.

– Это укротит амбиции госпожи Анны, – сказал брат, беря Джейн за руку и отводя в сторону от толпы придворных, быстро шедших по дорожке. – Только сегодня утром она сидела в личных покоях короля и рассказывала нам всем, что будет, когда она станет королевой. Для начала она добьется перевода Библии на английский. Бог мой, она жаждет реформы Церкви! О папе и кардинале Уолси она отзывалась уничижительно.

– Эта женщина весьма решительно настроена привести короля к гибели, – пробормотала Джейн. – Если она добьется своего, мы все последуем за ним. Меня это пугает. Разве

мы обязаны терять свои бессмертные души из-за какой-то безрассудной девицы и ее опасных идей?

– Не падай духом, сестрица, – улыбнулся Эдвард. – Реформы могут пойти на пользу Церкви. Там есть злоупотребления, которые нужно исправить. Отчего богачам позволено покупать себе путь на небеса? И почему бы нам не читать Слово Божье на родном языке? Это не повредит нашим душам.

– Но толковать Писание положено священникам.

– Джейн, не все священники так набожны, как отец Джеймс, а некоторые едва обучены грамоте. Как могут они толковать своей пастве латинское Писание? Нет, я бы хотел увидеть реформированную Церковь, без недостатков.

Джейн вдруг заметила, что за ними кто-то наблюдает. Она оглянулась. Это была Нан Стэнхоуп. Она с нескрываемым интересом рассматривала Эдварда.

– Это слишком серьезная тема для беседы с таким прекрасным поклонником, – игриво сказала Нан.

– Он не поклонник! – воскликнула Джейн. – Госпожа Нан Стэнхоуп, позвольте представить вам моего старшего брата, сэра Эдварда Сеймура. Его только что назначили эсквайром тела к королю.

Эдвард поклонился. Когда он поднял голову, Джейн заметила, что брат смотрит на Нан так, будто она была объектом, достойным удивления, и глаза его, такие холодные в последнее время, потеплели.

«Не может этого быть, – сердито думала Джейн, без сна ворочаясь в постели. – Не мог Эдвард влюбиться в Нан Стэнхоуп. Нашел кого выбрать! Почему его не привлекла милая Джоан Чепернаун, или Марджери, или Бесс? Зачем он ищет близости с такой злоязычной, взбалмошной и неприятной женщиной?» Не то чтобы он слишком явно демонстрировал свое увлечение ею, сама Нан вешалась на него уже две недели. Фрейлины принимали участие в ежегодном летнем объезде королевства, правда на этот раз не с самого начала: уже проделав часть пути, король неохотно вызвал королеву в Вудсток, чтобы она присоединилась к нему, двору и госпоже Анне. Джейн становилось дурно, когда она видела ухаживания Эдварда за Нан Стэнхоуп, так же неприятно было открытое выражение королем преданности Анне Болейн.

Наступил сентябрь. Двор теснился в небольшом охотничьем доме в Графтоне. Фрейлины с трудом разместились на чердаке. В тот же день прибыли кардиналы. Легат должен был попросить у короля официальное разрешение на отъезд. Все полагали, что Генрих откажется принимать Уолси, но нет, он встретил его с распростертыми объятиями, словно никакого разлада между ними не произошло. Двор бурлил спекуляциями на тему, будет ли Уолси восстановлен на прежних высоких постах. Госпожа Анна и ее приверженцы ходили с сердитыми лицами, не оставляя никому сомнений в том, что уж они-то сбили бы с кардинала спесь, если бы могли.

На следующий день после обеда Генрих и Анна поехали на охоту. Из открытого окна, выходящего во двор, Джейн наблюдала, как король с улыбкой прощается с кардиналами, которые должны были отправиться в Лондон вечером того же дня, и услышала, как Генрих сказал Уолси, что еще увидится с ним по возвращении. Она заметила хитрое выражение на лице госпожи Анны и не удивилась, когда час отъезда кардиналов настал, а король так и не вернулся. Джейн и другие фрейлины находились при королеве, которая, как могла, пыталась развлечь гостей. На морщинистом, осунувшемся лице Уолси застыло выражение унылого разочарования, в глазах читалось крушение всех надежд. Наконец ему не осталось ничего другого, кроме как попрощаться. Наступали сумерки, им нужно было ехать.

Через несколько часов, когда Джейн была уже в постели, охотничья партия вернулась.

Новый посол императора представлялся королеве. Джейн присутствовала на аудиенции и наблюдала за ним. Его предшественник оказывал Екатерине большую поддержку, и королева была сильно опечалена отъездом испанца, однако по теплому выражению лица госпожи было видно, что прибывший на смену мужчина, посланный ее племянником, императором Священной Римской империи, королем Испании и самым могущественным правителем в христианском мире, ей нравится. Джейн мессир Шапуи тоже приглянулся. Она предположила, что ему около сорока, и обнаружила, что не может оторвать глаз от его худого подвижного лица; девушку очаровали искренность и восхищение, с которыми он говорил с королевой, уверяя ее в любви императора и его готовности заботиться об интересах старшей родственницы. Джейн надеялась, что интуиция ее не обманывает и этот новый посол встанет на сторону Екатерины и будет защищать королеву так же рьяно, как и его предшественник. Заверения Шапуи подтверждали, что он стремится к правде и справедливости. Джейн ощутила в нем силу, мудрость и даже страсть. Когда посол удалился, госпожа выглядела намного более счастливой.

Господь знает, как она нуждалась в ободрении. Король принялся докучать ей мелкими придирками, изводить угрозами. Ей не позволят видаться с дочерью; запретят появляться при дворе; он обрушит на нее всю мощь закона. Так он кричал на супругу за дверями ее кабинета. Фрейлины слышали это. Анна Болейн теперь не соблюдала правил вежливости по отношению к королеве, отпускала ядовитые замечания и делала мрачные намеки на планы мести. Для доброй госпожи Джейн жизнь превратилась в ночной кошмар, и тем не менее королева терпеливо сносила все.

Они вернулись в Гринвич и пробыли там совсем немного, когда Эдвард пришел повидаться с сестрой. Обычно Нан являлась вместе с ним, трясая своими кудрями, но сегодня он был один. Пользуясь хорошей погодой, необычайно мягкой для декабря, брат с сестрой отправились на прогулку в дворцовый сад и сели на каменный борт чаши фонтана.

– Ты знаешь, что кардинала лишили должности лорд-канцлера, – сообщил Эдвард. – Его обвинили в том, что он позволил папе вмешиваться в дела Англии.

Джейн была потрясена. Такого она еще не слышала. Новость, вероятно, была совсем свежей.

– Разве папе не положено по закону заботиться о делах Англии?

– Очевидно, теперь нет. Джейн, это повод радоваться. Падение Уолси – победа для тех из нас, кто хочет добиться реформ в Церкви. Нан со мной согласна. – Он изложил подробнее то, что ему было известно.

«В чем тут победа? – недоумевала Джейн. – Старого сломленного человека лишили всего имущества и прогнали от двора». Трудно было поверить, что так обошлись с прежде всемогущим кардиналом, слово которого не уступало в весе слову короля. Она не особенно любила Уолси, не одобряла его жадность и страсть к мирскому, но этот человек олицетворял собой стабильность Церкви и неизменность традиций, которые мало-помалу расшатывались.

– Король забрал себе дом Уолси в Вестминстере и переделывает его под дворец для мистресс – простите, леди Анны.

Да, теперь все они должны были называть ее так, потому что отца Анны Болейн недавно сделали герцогом Уилтшира и Ормонда. Она была некоронованной королевой, и Джейн кипела яростью из-за несправедливости, творимой по отношению к Екатерине.

Эдвард не мог ее утешить. Всем было известно, на чьей он стороне. Джейн понимала, что пытаться изменить его бесполезно, поэтому при редких встречах с братом старательно избегала обсуждения этой темы.

– На самом деле я пришел к тебе не только рассказать об Уолси, – продолжил Эдвард, и щеки его вспыхнули. – Есть кое-что еще. Я хочу жениться на Нан. – («Только этого не хватало», – подумала Джейн, но разве она не была готова к такому «сюрпризу»? – Я был дома.

Виделся с Кэтрин. Пытался убедить ее стать монахиней и дать мне свободу, но она отказалась. Честное слово, теперь мне понятны чувства короля!

Что могла сказать Джейн, чтобы не навредить? Брат сурово обошелся с Кэтрин и теперь собирает вторую жатву своей жестокости.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал Эдвард. – Но она предала меня, Джейн. Это нельзя простить.

– Прошло уже два года, – заметила Джейн, сожалея, как с ней часто бывало, что за это время не сделала больше для Кэтрин. – Ты не можешь найти в себе душевных сил, чтобы простить ее? Мать простила отца. И мальчикам нужна мать.

– Она у них будет – Нан, как только я обрету свободу.

– Нан?

«Она постарается лишить детей наследства, как только сможет запустить в него свои цепкие пальцы. Эта женщина всегда была эгоистичной и амбициозной; она будет думать только о своих сыновьях».

– Да, Нан. Я знаю, ты недолюбливаешь ее, Джейн, но она оказала мне большую поддержку. Это она заставила меня пойти к королю и попросить его восстановить Кэтрин в правах наследства.

– И ты не открыл ему всей правды?

«Господи, хоть бы он и Нан ничего не сказал!»

– Я говорил с его милостью конфиденциально. Он проявил большое участие и сказал: это несправедливо, что я теряю часть наследства жены из-за ее непристойного поведения.

– Твое недостойное поведение тоже тому виной, Эдвард! – не удержалась Джейн от напоминания. – И ты опозорил отца, рассказав все королю! Не могу поверить, что ты мог так поступить.

– Джейн, на кону большие деньги, и мне нужна помощь его милости. Я сказал ему, что мы решили никогда не упоминать о том, что случилось, и он согласился представить парламенту дело так, что меня лишили наследства из-за любовных похожждений моей супруги. Никакие имена не будут упомянуты.

– Представить парламенту! Тогда весь мир узнает, что Кэтрин изменила тебе.

– Да, но никто не узнает, что она изменила мне с моим отцом. Я уверяю тебя в этом так же, как король заверил меня.

– Ты сказал только королю? Не Нан?

Эдвард отвел взгляд:

– Разумеется, она должна была обо всем узнать, если мы решили пожениться.

Джейн встала:

– Значит, ты ей рассказал?

– Да.

– Это глупо, – вздохнула Джейн. – Нан – последняя, кому следовало рассказать об этом. Она не сохранит тайну.

Эдвард процедил сквозь зубы:

– Она дала мне слово никогда даже не заикаться об этом. И я прошу тебя относиться к ней по-дружески, как к моей будущей невесте.

– Ты слишком многого просишь! – воскликнула Джейн. – У нее яд на языке. Никто ее не любит. А Кэтрин пока молода, может стать, ты долго еще не будешь свободным мужчиной, хвала Господу!

Она ушла, вся дрожа от гнева, что с ней случалось редко.

Эдвард пошел за ней:

– Нан – женщина, которую я люблю, и я намерен жениться на ней, даже если для этого придется ждать до старческого слабоумия!

– Я помолюсь за тебя! – бросила в ответ Джейн. – И вы счастливо отделаетесь, если она умрет первой!

Глава 8

1530 год

В ту зиму парламент издал акт, которым отменил условия завещания сэра Уильяма Филлола, и Эдвард за одну ночь превратился в человека с достатком. Нан Стэнхоуп ходила с само-довольной улыбкой на лице, и Джейн старалась избегать ее, как могла.

Однако Нан не желала с этим мириться. Казалось, она всюду подкарауливала Джейн и, как змея, жалила ее во время трапез, вечерних посиделок в покоях королевы, где вечно висела на руке у Эдварда, пока фрейлины выстраивались в процессию, чтобы сопровождать свою госпожу в приемный зал или в церковь. Нан с виду вела себя дружелюбно, но в ее манерах всегда ощущалась какая-то колкость.

«С каким нетерпением я жду встречи с вашим отцом», – говорила она, или: «Я слышала, у вашего батюшки хороший вкус к женщинам», или даже: «Смею заметить, на мой взгляд, ваш отец такой же красавец, как его сын!» Это злило ужасно. Джейн стала опасаться, что кто-нибудь услышит эти ремарки и угадает правду.

Она ненавидела ссоры, избегала их, если могла, и в конце концов решила не обращать внимания на намеки Нан, надеясь, что та устанет вкладывать их в глухие уши, не получая отклика. Однако госпожа Стэнхоуп, казалось, чувствовала, как неприятны Джейн ее инсинуации, и не оставляла свою жертву в покое.

Джейн пожаловалась Эдварду.

– Ты должен остановить ее! Она изводит меня намеками на то, что ей известно, и я больше не могу выносить ее злобных выпадов.

– Я поговорю с ней, – вздохнул Эдвард. – Но может быть, ты усматриваешь злонамеренность там, где ее вовсе нет. Я знаю, ты не любишь Нан, но, прошу тебя, постарайся с ней поладить.

Несправедливость этого заявления больно уколола Джейн.

– Ты мог бы попросить ее о том же! Я была бы рада, если бы мы могли ограничиться простой вежливостью.

Что бы ни сказал Эдвард Нан, это принесло плоды. Колкости прекратились, и она стала держать дистанцию. К тому же вскоре произошло событие, которое отвлекло обеих женщин: принцесса Мария совершила визит ко двору, а такое случалось нечасто.

Двор пребывал в замке Виндзор, старейшей из королевских резиденций, где покои королевы, располагавшиеся за внутренними стенами, имели потолки, инкрустированные крошечными зеркальцами, а окна выходили на сад и виноградник. Джейн разволновалась, наблюдая за тем, как Екатерина обнимает любимую дочь, которую так редко видела. Джейн не сомневалась, что король разлучил их намеренно, чтобы наказать супругу за то, что она не дает ему желанной свободы и заражает Марию своим предвзятым отношением к ситуации, а ему это виделось именно так. Ведь Мария открыто заявляла, что не примет никакой другой королевы, кроме матери, и не делала тайны из своей ненависти к Анне Болейн.

Джейн жалела принцессу Марию. Девушке теперь уже исполнилось четырнадцать, но она была маленькой, худенькой, имела усталые глаза и проявляла все признаки слабого здоровья, причиной которого, как считала Джейн, стали душевные переживания. Ей самой было известно, каково это – беспомощно страдать от отцовской неверности. При взгляде на мать и дочь, которые наконец-то встретились, сердце Джейн сжималось от боли, тем более что король ездил на охоту с Анной Болейн едва ли не каждый день, предоставляя королеву самой себе.

– Не могу поверить, что мой отец привез сюда с собой эту женщину, – сказала Мария, сидя за шитьем вместе с другими дамами королевы.

Джейн услышала в ее голосе горькую обиду, которой никогда не выказывала Екатерина. – Пусть это тебя не расстраивает, – успокоила ее мать. – Скоро его святейшество скажет свое слово, и тогда его милость вернется ко мне, а леди Анну отправят восвояси.

Джейн заметила сомнение в глазах Марии. Какие же несчастья влечет за собой неверность! Посмотреть хотя бы на ее собственных племянников – или сводных братьев, если верить Эдварду, – которые остались без матери. Кто-нибудь вообще думает о своих детях, когда дело доходит до удовлетворения запретных страстей?

– Я слышала, кардинал проявил себя добрым пастырем в Йорке, – сказала королева. – Кажется, ссылка пробудила в нем желание вернуться к духовным обязанностям. Мессир Шапуи сообщил мне, что леди Анна хотела бы подвергнуть его аресту за измену, однако король отказался возбуждать против него дело. Думаю, его милость сохранил глубокую привязанность к Уолси. Однако леди Анна не оставляет своих козней против кардинала, и я сомневаюсь, что мы когда-нибудь увидим его возвращение в фавор. Он нездоров. Никогда не думала, что буду переживать за Уолси, но теперь мне жаль его.

Джейн тоже посочувствовала кардиналу. Гарри состоял у него на службе с тех пор, как умер епископ Фокс, а кардинал был назначен вместо него епископом Винчестерским, и считал Уолси справедливым господином. Уолси, может, и не проводил много времени в своем диоцезе, но был в курсе всех тамошних дел и интересовался жизнью своих слуг. Какие бы ошибки ни совершил кардинал, он неустанно трудился ради обеспечения развода короля, и не его вина, что дело отозвали в Рим. Прошел год, а Рим так и не вынес решения.

Единственной радостной новостью для Джейн за последние недели стало сообщение о том, что сэр Фрэнсис Брайан предложил Томасу должность у себя на службе. Брайан отправлялся во Францию как посол Англии, и Томасу предстояло выполнять обязанности вестника.

– Я буду передавать сообщения королю и от короля! – восторженно сообщил он, когда явился ко двору и вместе с Эдвардом пришел повидаться с сестрой в покоях королевы. Выглядел он, как всегда, очаровательно. – Я буду отчитываться персонально перед его милостью. Меня заметят!

Как же страстно он мечтал о продвижении!

– Разумеется, так и будет. – Джейн улыбнулась.

– Пока ты будешь вести себя как подобает, братец, – приподняв брови, заметил Эдвард.

– Сэр Фрэнсис опять оказал нам милость, – быстро проговорила Джейн. – Неужели он делает это без надежд на воздаяние? Такое редко бывает с придворными.

Она провела при дворе уже достаточно времени и знала, как устроена его внутренняя жизнь.

– О, он получит свою награду, – сказал Эдвард. – Король высоко ценит сэра Фрэнсиса и не остается в долгу, когда приближенные рекомендуют способных людей к нему на службу. В благодарность мы тоже можем оказать сэру Фрэнсису хорошую услугу, когда придет время.

– Значит, он делает нам одолжения ради собственной выгоды? – разочарованно спросила Джейн. – Я думала, мы ему нравимся.

– В этом я не сомневаюсь, – заверил ее Эдвард. – Не думаю, что тут все дело в одном только личном интересе. Особенно симпатична ему ты. Он часто говорит о тебе.

Это было неожиданно.

– Ах, вот мы и добрались до сути дела! – ухмыльнулся Томас.

– Надеюсь, ты не поощрял его! – воскликнула Джейн.

Ей совсем не хотелось, чтобы Брайан решил, будто она понуждает братьев организовать ее брак. При мысли об этом щеки Джейн залило краской.

Эдвард помолчал.

– Я пробовал, но он не заглотил наживку. Я сказал, что тебе двадцать два и отец надеется подобрать тебе хорошую партию. Фрэнсис ответил, что ты этого заслуживаешь и он сам будет смотреть во все глаза и не пропустит подходящего претендента.

– Значит, сам он не интересуется этим, – сказала Джейн, понимая, что не в праве чувствовать себя отвергнутой.

– Сэру Фрэнсису сорок, и он все еще не женат, – сказал Эдвард. – Ему пора уже остепениться.

– Вечный холостяк, – заметил Томас. – Я не верю, что он ждет появления богатой невесты. В отличие от меня!

– Не слушай его, – пробормотал Эдвард. – Может статься, Джейн, что заложенное в землю семя когда-нибудь пустит корни. Это был бы удачный брак. Хотя не стоит питать слишком большие надежды.

– Я ни на что не надеюсь, – ответила она с призывком горечи в голосе. – Ни одной из фрейлин не поступало брачных предложений, так с чего мне жаловаться?

Эдвард вспыхнул. Ему не хотелось говорить о Нан при Томасе.

– Сестрица, ты замолчала. Думаешь, причиной тому ваша служба при дворе королевы, которая впала в немилость? – спросил Томас, понижая голос, потому что Екатерина находилась рядом. – Немногие теперь решатся вступить в союз с теми, кто близок к ней.

– Молодые джентльмены по-прежнему собираются в ее покоях, – сказала Джейн.

– Верно, только теперь их не так много, как бывало, – ввернул Эдвард.

– Я не оставляю службу у нее, – сердито прошипела Джейн. – Лучшей госпожи и быть не может. А леди Анне я ни за что служить не стану, если ты на это надеешься.

– Ладно-ладно, не выпускай коготки, – осклабился Томас.

– Ты ничего не принимаешь всерьез! – укорила его Джейн.

– Поверь, к интересам семьи я отношусь очень серьезно, – заявил он.

– Скорее к своим собственным, – буркнул Эдвард.

– Довольно, – остановила братьев Джейн. – Поверьте, я готова спокойно ждать появления подходящего супруга. А если этого не случится, что ж, я буду с радостью служить королеве, а если случится худшее, то могу стать монахиней!

Глава 9

1531 год

Джейн сказала себе, что не имеет особого желания выходить замуж, но в глубине души сомневалась, так ли это. Брайан не проявлял к ней интереса, и это расстраивало ее сильнее, чем она готова была признать; ни один из молодых джентльменов, посещавших покои королевы, не перешел в отношениях с ней к чему-то большему, помимо вежливых разговоров, и это уже давно огорчало ее. «Невзрачная Джейн» – так однажды в запальчивости отозвалась о ней Нан, и это была правда. Может, ей на самом деле нужно было уйти в монастырь?

Она всегда думала, что, как старшая дочь в семье, первой выйдет замуж, поэтому была шокирована, когда получила письмо от отца с сообщением о том, что Лиззи выдадут за сэра Энтони Утреда, вдовца, которого отец знал с тех времен, когда сражался за короля; служаку, руководившего королевскими гарнизонами в Бервике и на шотландской границе. Помимо своих военных обязанностей на севере, сэр Энтони проявлял меркантильный интерес к разным графствам и во время посещения Уилтшира провел две ночи в Вулфхолле, увидел Лиззи, был очарован и попросил ее руки. Что-то в этом роде.

Свадьбу откладывать надолго не стали. Мать спешно занялась приготовлениями, а после церемонии сэр Энтони отвезет свою суженую на север, в Йоркшир, где она станет хозяйкой двух больших домов – Кексби-Холла и поместья Леппингтон. Кексби подарил сэру Энтони сам король, весьма к нему благоволивший. Особняк был частью собственности, конфискованной у кардинала Уолси, умершего в прошлом ноябре по пути в Тауэр, где он должен был предстать перед судом по обвинению в измене.

Джейн отложила письмо. Она была рада за Лиззи, которой брак сулил такие выгоды, однако это известие заставило ее с новой силой почувствовать, как она сама хотела выйти замуж, иметь детей и свой дом вроде того, в котором выросла. Быть похожей в этом на мать не такая плохая судьба.

Но больше всего огорчало ее то, что Лиззи выйдет замуж первой. Ей ведь еще не исполнилось тринадцати! Похоже, отец молчаливо признавал тот факт, что его старшая дочь не пригодна к браку, и бросил заниматься ее сватовством. Но потом Джейн утешила себя тем, что сэр Энтони видел Лиззи и попросил ее руки. Какой отец отказался бы от такого выгодного союза?

Она написала домой, посылая поздравления и желая Лиззи всевозможных радостей в будущем.

Королева разрешила ей поехать на свадьбу, и Джейн вместе с братьями отправилась домой на торжества. Вся семья и целое скопище родственников Утреда собрались в огромном десятинном амбаре¹⁰ на свадебный пир. Мать превзошла себя: к столу подавали запеченное мясо разных видов, пышные пироги, вкуснейшие торты, лосося под соусом, каплунов в вине, бланманже и ягоды в желе. Во главе стола восседали добродушный сэр Энтони и его маленькая невеста, одетая в желтое платье, которое она самостоятельно украсила вышивкой. Джейн радовалась за сестру и принимала участие в общем веселье и разговорах, но не могла удержаться от чувства ревности. Это она должна сидеть там в свадебном наряде. Ей уже двадцать два – почти старая дева.

Когда убрали со столов и зажгли свечи, начались танцы. Музыканты завели броль, или бранль, как на придворный манер называла этот танец Джейн. Новобрачные спустились с помоста на пол, и все им зааплодировали. Джейн не садилась большую часть вечера, но танцевала

¹⁰ Десятинный амбар – в средневековой Северной Европе: помещение для хранения зерна, шедшего в уплату церковной десятины.

в основном с братьями, племянником Джоном или четырехлетним Нэдом; никто из других молодых людей, которые составляли с ней пару, не попросил ее станцевать вторично.

Она присела отдохнуть и пила вино с пряностями, чтобы не замерзнуть. Жаровни, стоявшие в амбаре, не давали достаточно тепла, чтобы разогнать январский холод, и Джейн радовалась, что на ней меховые нарукавники и платье с кроличьей подкладкой.

Рядом с ней пристроилась Лиззи.

– Джейн, я так рада, что ты смогла приехать домой на свадьбу, – сказала она; ее милое лицо раскраснелось от танцев. – Так странно, что через несколько дней я уеду жить в Йоркшир... – Голос ее задрожал. – Я буду скучать по тебе и по Вулфхоллу.

– Твой супруг с виду добрый человек, – постаралась успокоить сестру Джейн. – Он, кажется, очень гордится тобой. Я уверена, вы будете счастливы. Когда я отправилась ко двору, то сильно скучала по дому, но потом это прошло. Там происходило много разных событий, и это отвлекло меня. Вот мать будет ужасно скучать без тебя. Эдвард, Томас и я при дворе, Гарри большую часть времени проводит в Тонтоне, и у нее для компании останется только Дороти. Дом будет казаться ей совсем пустым.

– Могу я задать тебе вопрос? – Лиззи покраснела и наклонилась к уху Джейн. – Мать говорит, что в брачную ночь я должна позволить сэру Энтони делать все, что ему захочется, чтобы у нас появились дети. Я спросила ее, что она имеет в виду, и она ответила, что мужчина должен вложить свой член в женщину, чтобы дать ей семя, из которого происходит жизнь. Она сказала: в первый раз будет немного больно, но после придет удовольствие. Но одна из девушек говорила, что это очень больно. Ты думаешь, это правда?

Джейн сглотнула. Откуда ей знать о таких вещах? Ни один мужчина не испытывал желания даже поцеловать ее, не говоря уже о том, чтобы лечь с ней в постель. Она покачала головой:

– Я не знаю ни мужчин, ни любви. Одна из придворных дам королевы говорила, что ее брачная ночь была чудесной, но о подробностях она не распространялась. Почему бы тебе не сказать о своих опасениях сэру Энтони? Он выглядит добродушным. Я уверена, все будет хорошо.

Очевидно, так и случилось. Лиззи уложили в постель с женихом под шуточки многочисленной компании, она лежала с окаменевшим лицом, однако на следующее утро вышла из спальни с широкой улыбкой.

Прежде чем вернуться ко двору, Джейн совершила поездку в Эймсбери, взяв с собой Гарри и племянников. Один раз брат был там без нее: он привез с собой няню, чтобы она побыла с детьми, пока он забирает из монастыря их мать. Однако у Кэтрин была лихорадка, и она не могла выйти к нему: так сказала Гарри монахиня, принимавшая посетителей.

На этот раз, когда они приехали, Кэтрин помогала на кухне. Когда ее привели в комнату привратницы, Джейн поразились переменам в ней. Невестка исхудала, кожа туго обтягивала резко выступающие скулы, глаза были дикие. Хуже всего было то, что она, казалось, не понимала, кто такая Джейн.

– Кэтрин? Это я, Джейн! Я привезла Джона и Нэда. Они на рынке с Гарри.

– Кто такие Джон и Нэд? – спросила Кэтрин, безучастно глядя на гостью.

– Ваши сыновья.

– У меня нет сыновей. Их забрали от меня, после того как нас застали вместе.

– Кто застал вас?

Но Джейн уже знала ответ.

Голос Кэтрин превратился в шепот.

– Они нашли нас в Старой комнате. Мы были голые, вот стыдоба. Я была в его объятиях. Джейн не хотела больше слушать. Щеки у нее горели.

– Ваши сыновья здесь! – повторила она. – Пойдемте, и вы увидите их. – Она потянулась к худой, как птичья лапка, руке невестки.

– Нет! – крикнула Кэтрин, отдергивая руку. – Оставьте меня в покое!

Джейн повернулась к привратнице, которая и не подумала оставить их наедине, молясь про себя, чтобы та не услышала слов Кэтрин.

– Чем она больна?

Монахиня покачала головой:

– Я не знаю. Хотите поговорить с настоятельницей?

– Да, конечно, – ответила Джейн.

Они подождали; наконец у решетки, отделявшей приемный зал от остального монастыря, появилась сильно постаревшая приоресса Флоранс с лицом хищной птицы.

– Джейн Сеймур! – воскликнула она. – Как приятно вас видеть. Мне очень жаль, что вы застали леди Сеймур в таком плачевном состоянии. Увы, врачи не могут определить, что с ней случилось. Она никогда не была счастлива здесь. Бедняжка доверительно сообщила нам причину своего прибытия в монастырь. Даже если бы она не сделала этого, мы бы все узнали из ее бормотания. Мы никого не осуждаем. Бог простил ее, потому что она искренне раскаялась, но я боюсь, ее печаль была так велика, что она потеряла рассудок.

– Потеряла рассудок? – эхом отозвалась Джейн.

Она посмотрела на Кэтрин, сидевшую тут же и бессмысленно листавшую молитвенник. Несчастная не замечала ничего вокруг и не слышала того, что было о ней сказано.

– У нее бывают периоды просветления, но воспоминания о прошлом слишком болезненны для бедняжки, и мы снова ее теряем.

– Я привезла ее сыновей, чтобы она их увидела, – сказала Джейн.

– Вероятно, будет лучше, если этого не случится, – ответила приоресса. – Мы не хотим, чтобы она расстраивалась. Только так мы можем заставить ее принимать пищу. Ей лучше остаться в своем собственном мире.

– Мать настоятельница, мне очень грустно видеть ее такой, – проговорила Джейн, сглатывая слезы. – Это все очень печально. Чем я могу помочь?

– Молитесь за нее, дитя мое. Она в руках Божьих. Мы ее утешим.

– Я буду молиться, – обещала Джейн. – Вы напишете мне, если произойдут какие-нибудь изменения?

– Напишу, – ответила приоресса Флоранс. – Лучше не беспокоить ее, Джейн. Любые напоминания о прошлой жизни лишь причиняют ей страдания.

Джейн поняла: ей рекомендуют больше не приезжать. Она вынула из кошелька несколько монет и положила их на полочку, сказав:

– На ее утешение. Я пришлю еще, когда получу жалованье за следующие четыре месяца.

Привратница увела Кэтрин из приемного зала. Джейн смотрела ей вслед и думала, увидит ли она еще когда-нибудь эту страдальцу.

Через пять дней Джейн отправилась в Лондон в сопровождении горничной и грума. Первую остановку они сделали у церкви в Бедвин-Магне, где она преклонила колени перед памятной доской малыша Джона и помолилась о своих умерших брате и сестре. Она знала: ей всегда будет не хватать милой Марджери и умного Энтони.

Поднявшись на ноги, Джейн заметила, что она в церкви не одна. На скамье, подперев голову руками, сидел священник, плечи его вздрагивали.

– Отец? – Джейн торопливо подошла к нему. – Что случилось?

Он поднял заплаканное лицо:

– О дочь моя, стоило ли мне доживать до этих дней! Мы все пропали. Собор духовенства поддался давлению и объявил короля верховным главой Церкви Англии. Власть папы теперь не имеет значения. Это королевство впало в ересь, и нашим душам грозит проклятие.

Пастырь снова разрыдался, а Джейн встала на колени рядом с ним, не в силах объять разумом всю чудовищность услышанного.

Священник схватил ее за руку:

– Король должен быть верховным главой, насколько это позволяет ему закон Христов. И вот что я вам скажу, добрая госпожа, такого он не позволяет!

Знакомый и привычный мир рушился.

– Его святейшество – наместник Христа на земле, законный преемник святого Петра, – продолжил излияния священник. – Разве наш Господь не обращался к своему ученику со словами: «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»¹¹. Только папа может быть главой Церкви; никакой король не вправе узурпировать его власть.

«Мы стоим у ворот ада, – невольно подумала Джейн. – Никакой человек, будь то король или император, не может отменить власть, дарованную нашим Спасителем. Это гордыня и греховная самонадеянность, закон никогда ее не оправдает».

– Как страшно слышать это, – сказала она. – Я служу королеве и знаю, что она будет сильно расстроена.

– Она храбрая женщина и любима многими. Молюсь, чтобы папа высказался в ее пользу. Это единственное лекарство от безумия.

Джейн пронзила ужасная мысль:

– Нас всех отлучат от Церкви?

– Короля наверняка, и тех священнослужителей, которые поклянутся в преданности ему. И где мы тогда окажемся, лишённые возможности причащаться не по своей вине?

От такой перспективы кровь стыла в жилах.

В монастырских гостевых домах по всему пути в Лондон только и говорили, что про объявление короля главой Церкви. Люди в основном не одобряли этого и тревожились, но некоторые считали такие изменения благими.

– Почему мы должны платить налоги Риму? – спрашивали они. – С какой стати папа вмешивается в дела Англии?

Вернувшись ко двору, Джейн застала Екатерину, как обычно, спокойной.

– Король никогда не порвет с Римом, – уверяла она своих дам. – В сердце своем он добрый сын Церкви, просто злится, что его святейшество медлит с решением. Я хорошо знаю короля. Это просто демонстрация недовольства, бряцание оружием, не более.

Джейн хотелось бы в это верить.

Поговаривали также о заговоре против доброго епископа Фишера, верного сторонника королевы: его будто бы пытались отравить. Несколько человек, принимавших пищу за столом епископа, умерли, а сам он, проявлявший умеренность в еде, избежал печальной кончины. Многие полагали, что в ответе за это леди Анна. Джейн с трудом верилось в подобное обвинение. Да, Анна могла проявлять порочность и определенно была мстительна, но Джейн не представляла, чтобы она опустилась до убийства.

Пришло лето, двор снова перебрался в Виндзор. Известий из Рима не поступало, и даже терпение королевы постепенно истощалось. Король неохотно согласился на то, чтобы принцесса Мария вновь приехала к матери. Девушке исполнилось пятнадцать, но для своего возраста она была слишком маленькой, худенькой и печальной. Она много болела в течение года и

¹¹ Евангелие от Матфея, 16: 18.

выглядела бледной. Екатерина старательно следила за тем, чтобы принцесса хорошо питалась и много гуляла на свежем воздухе. Ради нее все должны были пребывать в веселом расположении духа.

К всеобщему облегчению, король на несколько дней увез Анну Болейн в Хэмптон-Корт. Екатерина явно наслаждалась передышкой. Она отправлялась на долгие прогулки по Главному парку со своей всегда серьезной дочерью и пыталась развлечь ее музыкой и танцами в личных покоях. Джейн делала успехи в игре на лютне, и Мария, с детства обучавшаяся музыке и достигшая больших успехов, обучала ее более сложным приемам.

– Вы это хорошо освоили, госпожа Джейн, – сказала она хрипловатым тихим голосом, и на ее обычно плотно сомкнутых губах заиграло подобие улыбки. – Станцуем павану?

– Это было бы честью для меня, ваше высочество, – вставая, откликнулась Джейн, а королева тем временем дала знак музыкантам начинать.

Джейн успешно выучила все модные танцы, популярные при дворе, но павана, где на два ритмических удара приходился один шаг, оказалась слишком сложной. Ее всегда тянуло двигаться быстрее.

– Нет! – крикнула принцесса, откидывая за плечо длинные рыжие локоны. – Вы должны останавливаться вместе со всеми!

Джейн попыталась снова и все равно ухитрилась закончить движение раньше остальных. Кончилось тем, что все расхохотались и не могли остановиться. Приятно было видеть серьезное личико Марии смеющимся. Королева была довольна этим зрелищем сверх всякой меры.

На протяжении следующих дней принцесса начала расслабляться и с радостью проводила время в обществе фрейлин, играла в жмурки в пустынных галереях и в салочки – в саду. Но когда вернулся король с Анной Болейн, Екатерина запретила дочери покидать свои покои. Тем не менее это не уберегло Марию от тревог по поводу того, что ее отец фланирует за дверями с любовницей, демонстрируя свое отношение к этой женщине всему двору.

Шли приготовления к ежегодному летнему королевскому объезду страны, и Джейн ожидала, что Марию отправят обратно в Хансдон в Эссексе, где она обычно жила, но такого распоряжения не поступало. Они должны были отправиться из Виндзора в Вудсток в середине июля. Сама Джейн, другие фрейлины и горничные занимались укладыванием вещей.

Утром того дня, когда был назначен отъезд, Джейн поднялась рано. Она была при королеве на мессе и помогала прислуживать ей за завтраком.

Королева отложила нож.

– Вам не кажется, что здесь как-то тихо, леди? – спросила она.

И правда. Не слышно было обычной суеты, которая всегда сопровождала отправление двора в путь: ни топота бегущих ног, ни криков с улицы. Екатерина встала и выглянула в окно. Джейн услышала ее резкий вдох.

– На дворе пусто, – сказала королева.

Женщины столпились вокруг нее. И правда, там не было ни выстраивающихся в процессию всадников, ни повозок, ни груженных кладью мулов.

– Может быть, я ошиблась и отъезд назначен не на сегодня? – сказала Екатерина. – Никто ничего не сообщает мне в последнее время.

Она слабо улыбнулась своим дамам и отправила камергера лорда Маунтжоя узнать, когда выезжает двор.

Он вернулся с мрачным лицом и сказал:

– Мадам, король отбыл в Вудсток сегодня рано поутру.

Потребовалось время, чтобы они осознали смысл того, что сделал Генрих.

Королева только кивнула и продолжила завтрак. Джейн решила, что это какая-то очередная уловка Анны Болейн, направленная на то, чтобы в очередной раз унижить Екатерину и

обескуражить ее; примерно такой же трюк бывшая фрейлина проделала с Уолси в Графтоне. Из-за этого король больше не встретился с кардиналом. Джейн задержала дыхание. Вдруг у Анны такие же намерения и на этот раз? Нет, даже она не зашла бы так далеко. Папа еще не вынес решения.

Екатерина ела и разговаривала с дочерью. Джейн обвела взглядом придворных дам и фрейлин, которые стояли в ожидании распоряжений. Она встретила глазами с Марджери Хорсман. У той тоже был озабоченный вид.

Джейн помогала убирать со стола серебряное блюдо, на котором подавали завтрак королеве, когда доложили о прибытии гонца в королевской ливрее. Тот поклонился Екатерине, но говорил, глядя в одну точку где-то у нее за плечом:

– Ваша милость, я прибыл сообщить вам, что королю угодно, чтобы вы освободили замок Виндзор в течение месяца, – сказал он и сглотнул.

Король оставил королеву, даже не попрощавшись; уехал от нее, не сказав ни слова; покинул женщину, которая была его верной женой двадцать два года и рожала ему детей.

Джейн наблюдала за Екатериной; та старалась сохранить самообладание. Принцесса, потрясенная новостью, смотрела на мать. Потом королева заговорила, голос ее был тверд:

– Куда бы я ни уехала, я остаюсь его женой и буду молиться за него.

– Меня отправляют в Истхэмпстед, – сообщила королева собравшемуся вокруг нее двору однажды жарким августовским вечером. – Это приличный дом, где хватит места всем. Я приглашаю вас ехать со мной. Никому не будет отказано. Король милостиво согласился выплачивать жалованье каждому.

Джейн уже решила: если будет можно, то она останется с королевой. Девушка так привязалась к Екатерине, что не могла вынести мысль о расставании с ней. Очевидно, большинство фрейлин чувствовали то же самое. Джоан Чепернаун уехала, но только потому, что ей предстояло вскоре выйти замуж.

Истхэмпстед-Парк был охотничьим угодьем посреди Виндзорского леса, в десяти милях от замка. По пути королева рассказала им, что в прежние годы несколько раз останавливалась там и дом отличный. Улыбка не сходила с ее губ. Джейн была тронута тем, как приветствовали королеву люди, мимо которых проезжала процессия.

Когда копыта лошадей процокали по подвесному мосту мимо ворот с караульными помещениями с двух сторон, у Джейн возникло ощущение, будто они въезжают в тюрьму, однако здание, которое выросло перед ними, больше походило на дворец. Маленькая свита Екатерины разместилась в центральной из трех частей дома, окружавших внутренний двор; окна спален выходили на оборонительный ров.

Король и правда проявил щедрость. Вскоре после прибытия в услужение к королеве были присланы двести пятьдесят новых фрейлин, а сама она получила столь хорошее содержание, что могла сохранить вокруг себя великолепии, к которому привыкла. Джейн надеялась, что его милость мучит совесть.

Новых фрейлин устроили в других крыльях, девушками строго управляли прибывшие с ними наставницы. Они появлялись только тогда, когда королева принимала посетителей. Без сомнения, все это было сделано для того, чтобы никто не сказал, будто теперь, когда король живет отдельно от королевы, он содержит ее с меньшей пышностью.

Существование было комфортное, но Джейн все равно чувствовала, что они находятся в изгнании. Принцессе Марии было запрещено навещать мать, так же как и верным подругам королевы леди Эксетер и герцогине Норфолк. Герцогиня жила отдельно от герцога, который был дядей Анны Болейн. Он поддерживал племянницу, а его супруга – королеву. По крайней мере, леди Уиллоуби и леди Парр позволили остаться, так что у Екатерины не было недостатка в компаньонках, близких ей по рангу. А леди Эксетер прислала свою служанку Элизу Даррелл,

чтобы та исполняла роль фрейлины королевы и связующего звена между ними. Хотя Джейн и Элиза были кузинами – бабушка Джейн происходила из семейства Даррелл, – они никогда не встречались, но понравились друг другу с первого взгляда. Элизе было девятнадцать; красивая девушка со светлыми волосами и зелеными глазами, она завоевала сердца всех, кроме Нан Стэнхоуп. Нан в эти дни была не в духе. Ей не нравилось, что она живет вдали от Эдварда, и отчаянно хотелось вернуться ко двору.

Осенью Джейн была при королеве вместе с леди Уиллоуби, когда в Истхэмпстед для встречи с Екатериной явилась депутация лордов Тайного совета.

Говорил архиепископ Йоркский. Он сообщил опальной королеве, что университеты Европы постановили: у папы не было ни полномочий, ни оснований для того, чтобы давать разрешение на ее брак с королем, и, следовательно, он ничтожен.

Джейн ужаснулась, когда королева упала на колени и просительно воздела вверх руки.

– Я истинная жена короля! – воскликнула она. – Он поддался страсти, и я не могу представить, чтобы суд Рима и вся Церковь Англии согласились с таким незаконным и ложным утверждением. Повторяю вам, я его жена и буду молиться за него.

Лорды были неумолимы.

– Мы обязаны предупредить вашу милость о том, что может сделать король, если вы станете упорствовать в неповиновении, – сказал архиепископ.

– Я взойду на костер, если король прикажет! – крикнула Екатерина.

– Может дойти и до этого, – раздраженно бросил архиепископ, и они ушли, оставив свою жертву дрожащей и не имеющей сил подняться.

Дамы и фрейлины поспешили прийти на помощь своей госпоже. Джейн трясло от возмущения, она принесла влажное полотенце, чтобы положить на лоб королевы. Как можно так ужасно обходиться с ее любимой госпожой! Браками королей распоряжается папа, а не какие-то университеты!

Через несколько дней от короля пришел приказ: королева и ее двор должны переехать в поместье Мор рядом с Эшером, которым когда-то владел кардинал Уолси. Особняк был великолепный, и Екатерина, как и прежде, жила здесь в подобающем ее статусу достатке. Приезжали гости, среди них – венецианский посол со свитой из тридцати элегантных джентльменов. Джейн оказалась среди восьмидесяти фрейлин, которые прислуживали королеве, когда посольство явилось присутствовать при ее обеде. Джейн всегда удивлялась, как короли и королевы могут есть на глазах у большого скопления людей, для которых это почти что развлечение. «Я бы не смогла, – думала она, – и кусочка бы не проглотила от смущения».

После этого подали гиппокрас¹² с вафлями, и все гости перемешались. Перед Джейн возник темноглазый молодой человек с оливковой кожей.

– *Bella signorina!*¹³ – обратился он к ней, целуя руку. – Английские дамы так прелестны.

Джейн не знала, что на это ответить. Ее ошеломило и приятно удивило столь восторженное обращение молодого мужчины.

– Благодарю вас, сэр, – сказала она. – Надеюсь, вам нравится в Англии.

– Мы встречаем здесь много удивительного, – ответил он, – но ничто не сравнится с прекрасными английскими леди! Скажите, вы служите королеве? Она милая женщина?

– Она самая милостивая госпожа, – ответила Джейн. – Где вы живете в Италии?

¹² *Гиппокрас* – напиток типа глинтвейна из подогретого, подслащенного вина с пряностями и фруктами, популярный в Европе до XVII в.

¹³ Прекрасная синьорина! (*ит.*)

– В Венеции, *signorina*, – *La Serenissima*!¹⁴ Вам надо побывать там. Это прекрасный город. Я заберу вас туда, а? – Он многозначительно взглянул на Джейн.

И пока она представляла себя хозяйкой палатки в Италии, рядом с красавцем-мужем и выводком детишек с оливковой кожей, к ее удивлению, молодой человек поклонился и двинулся дальше, мимоходом похлопав свою собеседницу по ягодицам. Джейн возмущенно развернулась, но его уже и след простыл.

– Со мной он поступил так же! – сердилась Дороти. – Вот наглец!

– Первый мужчина за долгие годы проявил интерес ко мне и исчез через две минуты – это обидно! – воскликнула Джейн, потом вдруг они обе расхохотались. – Приятно было услышать, как тебя называют *bella signorina*, даже если он на самом деле так не думал, – сказала Джейн.

В начале декабря умерла леди Парр, и Мор погрузился в траур. Королева любила ее и была сломлена этой внезапной утратой. Теперь она могла полагаться только на леди Уиллоуби, которая отличалась непоколебимой преданностью королеве, но при этом была въедливой и обладала жгучим испанским темпераментом. Она имела склонность скорее пилить и изводить придирками, чем мягко уговаривать, и Джейн чувствовала, что Екатерине сейчас нужен человек более мягкий. Она хотела бы сама давать королеве утешение, но королева не доверялась настолько своим фрейлинам.

Лучом солнца среди мрака стало письмо от Томаса с сообщением о его возвращении в Англию. Брат хорошо провел время во Франции, но, хотя король Генрих был неизменно любезен с ним, он не предложил ему повышения, поэтому Томас планировал остаться на службе у Брайана. «Благословение Брайану, – мысленно возгласила Джейн. – Мы все ему многим обязаны». Она больше не надеялась, что сэр Фрэнсис попросит ее руки; теперь он не мог бы этого сделать, даже если бы хотел. Ни один из приближенных короля не станет искать себе невесту при дворе отвергнутой королевы.

Скорбное Рождество они провели в Море. Король опять отказал Екатерине в просьбе иметь при себе дочь и запретил ей общаться с послом Шапуи.

Джейн получила письмо от Лиззи, которая наслаждалась жизнью в Йоркшире, хотя и скучала по родным. Сэр Энтони оказался снисходительным мужем и все больше нравился ей. По его просьбе она сшила для короля рубашку с высоким воротником и послала в подарок на Новый год.

Отец прислал Джейн поздравления с праздниками, отчего ей захотелось домой, а Эдвард передал оленину. Джейн поднесла ее королеве вместе с шелковым кошельком, который изготовила сама, и была вознаграждена улыбкой Екатерины.

В рождественский сочельник в дом принесли святочное бревно, в Рождество устроили пир, отмечали и Новый год, и Двенадцатую ночь, но на всех торжествах лежала тень печали, и, конечно, они не шли ни в какое сравнение с теми, что устраивались в их отсутствие при дворе короля и в Вулфхолле. Екатерина старалась поддерживать веселье, но отсутствие леди Парр накладывало на все отпечаток грусти. Джейн была рада, когда фрейлины организовали игру в охоту за сокровищем и все носились по дому с криками и визгом.

¹⁴ *La Serenissima* – Светлейшая; название Венецианской республики.

Глава 10

1532 год

Элиза Даррелл помогла тайно доставить королеве письмо от мессира Шапуи. Екатерина просматривала его, сидя в кресле у открытого окна, где могла наслаждаться майским солнышком. Придворные дамы и фрейлины находились рядом, они слушали, как Бесс Чеймберс читает вслух старый роман.

Наблюдая за Екатериной, Джейн догадалась, что новости получены невеселые. Королева подняла глаза от письма, лицо ее было встревоженным.

– Духовенство отказалось от своей власти утверждать законы Новой церкви без согласия короля. Это само по себе плохо, но есть новости и похуже. Когда епископы явились на собор, его милость обратился к ним и сказал, что считал священников в своем королевстве полностью подвластными ему, но теперь понял, что они были его подданными только наполовину, потому что все они клялись в верности папе вопреки клятве, данной королю. Поэтому у них нет иного выбора, кроме как отказаться от своей лояльности к Риму. Отныне и впредь они будут отвечать только перед королем, но не перед папой. – Голос королевы звучал сдавленно.

Джейн стало тошно.

– Это означает, что король порвал с Римом? – резко спросила леди Уиллоуби.

– Боюсь, да. Не могу поверить, что он зашел так далеко. – Екатерина была так сильно огорчена, что, пожалуй, впервые в жизни сорвалась и при своих дамах дала королю оценку, какой он заслуживал. – Это еще не все. Сэра Томаса Мора, моего преданного друга, лишили поста лорд-канцлера. Он не согласился поддержать эти изменения. Если бы только папа наконец сказал свое слово! Я знаю, мой супруг хочет вернуться к единоверцам. Он не желает оказаться в изоляции от христианского мира или быть отлученным от Церкви.

Женщины ужаснулись, услышав эти новости. Только Нан Стэнхоуп молчала.

– Разумеется, – сказала Екатерина, – господину Кромвелю не удастся провести свои реформы беспрепятственно.

В последнее время Джейн часто слышала о мастере Кромвеле. Принудительное изгнание ломало барьеры между королевой и ее верными фрейлинами. Екатерина начала более откровенно выражать при них свои взгляды и держала в курсе происходящего.

Люди глумливо посмеивались над Томасом Кромвелем, сыном кузнеца, ставшим хорошим законником, но только у него за спиной. Кромвель долго состоял на службе у кардинала Уолси, однако после падения своего господина переметнулся к королю и сделался для него незаменимым. Королева говорила: это потому, что он готов на все – и хорошее, и дурное.

Она рассказала фрейлинам о предостережениях Шапуи. По его словам, Кромвель возвысился над всеми, кроме леди Анны, и теперь пользуется бóльшим доверием короля, чем сам Уолси в его лучшие времена. Не было секретом, что Кромвель – горячий сторонник реформ. Он одобрял идею главенства короля над Церковью; как и Анна, хотел, чтобы Библию перевели на английский; находился в оппозиции к королеве и противостоял всему, что она поддерживала, включая Церковь Рима.

Джейн задрожала, ей стало боязно за свою госпожу. Если Кромвель действительно так беспощаден, как говорили о нем люди, то будущее едва ли окажется для нее светлым.

В тот месяц им приказали переехать во дворец Хатфилд. Выстроенный из красного кирпича, он имел просторный двор в центре и был окружен утопавшим в цвету садом. Гуляя по соседнему парку и наслаждаясь видами или танцуя в главном зале с другими фрейлинами для

успокоения королевы, Джейн думала, что это не самое худшее место, куда король Генрих мог сослать неугодную супругу.

Однажды, прогуливаясь в одиночестве по парку под палящим солнцем, она присела отдохнуть в тени старого дуба и внезапно ощутила непонятную внутреннюю дрожь. Что это было? Джейн сама не знала. Но точно не страх. Скорее ощущение значительности, даже торжества. Она встала и пошла в дом; чувство ослабело. Потом Джейн уловила его снова, весьма определенно. А затем, хотя слова не были произнесены вслух, она услышала их у себя в голове: *«Это деяние Господне; любятся им очи наши»*.

Кажется, говорила женщина, Джейн едва ли могла определить точно. Она испытала прилив радости, потому что в глубине души поняла, что это предвещает: королева будет оправдана, папа выскажется в ее пользу. То, что она услышала и почувствовала, было пророчеством, Господь избрал ее, Его покорную рабу, чтобы передать свое послание. Такое откровение кого угодно могло привести в трепет.

Джейн поспешила во дворец, но вдруг замедлила шаг. Может быть, лучше пока ничего не говорить королеве, вдруг она ошиблась? Жестоко будет зародить в Екатерине напрасную надежду. Но когда девушка вошла в покои королевы, то изменила первоначальное решение, потому что увидела, как ее добрую госпожу утешают Марджери и Бесс.

– Король отставил от должности леди Уиллоуби, – сказала ей Исабель. – Он дурной человек, злой человек; он считает, что леди Уиллоуби плетет интриги вместе с королевой! И теперь у ее милости не осталось придворных дам, ей не с кем поговорить, кроме нас, фрейлин.

«Хорошо еще, – подумала Джейн, – что Екатерина позволила им сблизиться с ней». Вслух она сказала:

– Я уверена, папа скоро вынесет решение и все будет хорошо. Скоро три года, как дело отозвали в Рим, и оно не может тянуться дольше. Тогда правда и порядок восторжествуют, вот увидите.

– Я молюсь об этом! – горячо откликнулась Исабель.

Август принес с собой визит Томаса – долгожданное развлечение для фрейлин. Джейн была удивлена и обрадована, увидев его кланяющимся королеве. Какой же он красивый – ясные глаза, улыбочное лицо и пышная каштановая борода. Король, как сказал Томас, сделал его главным лесничим в Энфилд-Чейсе, и, так как Хатфилд расположен неподалеку, он приехал засвидетельствовать свое почтение ее милости и навестить сестру. Должность была незначительная – Джейн это понимала, – но Томас объявил о назначении таким тоном, что можно было подумать, будто его сделали лорд-канцлером. Она подавила улыбку. К неумеренным амбициям брата и его почтению к титулам Джейн привыкла с детства. Больше ее удивило желание Томаса посетить королеву, но, разумеется, главным в его мотивах было желание покрасоваться.

Томас провел в Хатфилде всего около часа, и большую часть этого времени они гуляли по саду и обсуждали семейные новости.

– Мать и отец живут хорошо, – сообщил ей брат. – Мальчики быстро растут. Гарри нравится работать у епископа Гардинера, который сменил Уолси в Винчестере. А супруг Лиззи уехал в Джерси. Он получил пост коменданта, и они с Лиззи будут жить в королевском замке! Но она присоединится к мужу позже, когда он будет готов ее принять. – Томас замолчал. – Тебе это не понравится, Джейн, но Лиззи не хотела оставаться одна в Йоркшире, поэтому они заперли дом, и сэр Энтони договорился о месте для нее при дворе леди Анны.

Джейн это и правда не понравилось. Она пошла дальше, потрясенная.

– Тебе тоже следовало бы поискать себе должность, – сказал Томас. – Не сомневаюсь, что сэр Фрэнсис рад был бы помочь. Я продолжаю работать у него. Могу спросить.

Джейн накинулась на брата:

– Как я могу пойти на службу к женщине, оскандалившейся на весь христианский мир и сделавшей все, чтобы разрушить брак королевы? – горячилась она. – Я никогда не предаю свою добрую госпожу.

Томаса ее чувства не тронули.

– Это был бы мудрый шаг, сестра. Ты, вероятно, слышала о смерти архиепископа Уорхэма. – (Джейн слышала; духовник Екатерины сообщил им печальную новость, и королева очень беспокоилась, кто займет место Уорхэма.) – Как тебе известно, он был против развода, – продолжил Томас, – но человек, который сменил его, Томас Кранмер, – за, и к тому же он страстный поборник реформ. Он был домашним священником у Болейнов. Думаю, скоро, очень скоро наступят великие перемены, и тебе лучше к ним подготовиться.

– Только папа может вынести решение о разводе, – не отступалась Джейн, холодея при мысли о том, какими последствиями грозит королеве назначение Кранмера.

– Опросить университеты – это была идея доктора Кранмера. Заручившись мнением ученых людей в пользу короля, он может и не ждать решения папы. Говорят, Кранмер именно так и поступит.

Джейн в ужасе уставилась на брата. Через некоторое время она обрела голос:

– У него нет прав. Это будет незаконно.

– Милая сестрица, где ты была все эти годы? – Томас начинал терять терпение. – Мы находимся в процессе другого развода – Англии с Римом. Он почти завершен, не хватает только ратификации парламентом. Поверь мне, брак короля состоится, и очень скоро.

– Значит, мне лучше остаться с королевой – истинной королевой!

Джейн не могла скрыть, как она расстроена.

– Это будет неразумно и может плохо отразиться на нашей семье. Времена сейчас опасные. Леди Анна заправляет всем. Сторонники королевы – ее враги. Она угрожала даже принцессе. Подумай о своем положении. Подумай обо всех нас. Король берет с собой леди Анну во Францию, и отец будет в свите, чтобы продемонстрировать преданность. Лиззи тоже едет, и Эдвард. Надеюсь, ты присоединишься к ним, если сэр Фрэнсис одобрит это. Подумай о своем будущем, Джейн. Если останешься с королевой, это не даст тебе никаких преимуществ, совсем наоборот.

– Нет! – отрезала Джейн. – Я ни для кого не отступлюсь от своих принципов.

Томас раздраженно фыркнул:

– Ты просто дурра! И я не позволю тебе упорствовать в своей глупости.

Вскоре после этого Джейн получила письмо от Брайана. Передавая послание, королева вопросительно смотрела на свою фрейлину. С чего бы это Брайану писать к ней?

Читая, Джейн погружалась в уныние. Сэр Фрэнсис предлагал ей брак с Уильямом Дормером, сыном и наследником сэра Роберта Дормера, члена парламента от Западного Уайкомба.

Леди Дормер в девичестве была Джейн Ньюдигейт и через Невиллов происходит от короля Эдуарда III, – писал Брайан. – Дормеры не могут не одобрить вас, а вы – их. Они стойкие католики, и сэр Роберт предпочитает вести тихую жизнь в деревне, потому что ненавидит и боится власти и амбиций тех, кто заправляет при дворе, он опечален разрывом с Римом. Уильяму двадцать лет, он унаследует приличное поместье.

– От кого это письмо, Джейн? – спросила королева.

Она имела такое право и даже была обязана это сделать, потому что считалась *in loco parentis* для своих фрейлин. Джейн показала ей. В письме не содержалось ничего такого, что королева могла не одобрить.

– Это почетное предложение и хорошая партия для вас, – сказала Екатерина. – Мне будет очень грустно потерять вас, дорогая Джейн, но вам не следует упускать такую возможность. Сколько вам лет?

– Почти двадцать пять, мадам.

– Это хороший возраст для замужества. Я была почти как вы, когда вышла за короля.

– Но Уильям Дормер на пять лет моложе меня, мадам.

– Его милость тоже был на пять лет моложе. – Королева улыбнулась.

«Да, – подумала Джейн, – и вот посмотрите, что случилось, когда вы постарели, а он еще полон сил».

– Сэр Роберт явно стоек в вере и, кажется, не поддерживает желания короля развестись, – одобрительно сказала Екатерина. – Но меня удивляет, что сэр Брайан, который всей душой за реформы и гнется под любым ветром, лишь бы сохранить любовь короля, предлагает вам союз с семьей, которая верна старым традициям.

А вот Джейн не удивилась. Тут явно не обошлось без Томаса: это часть хитроумного плана, как разлучить ее с королевой.

– Он мой родственник, мадам, – сказала она, – и всегда помогал продвижению к успеху моей семьи, к тому же ему известно, что я тоже верна старым традициям и бесконечно предана вашей милости. Он сделал правильный выбор, но, мадам, я не хочу оставлять службу у вас.

– Ерунда, Джейн! – ответила королева. – Вы дороги мне и всегда выполняли свои обязанности хорошо. Тем не менее отец отправил вас ко двору в надежде, что я помогу вам подыскать достойного супруга. Зачем, как вы думаете, я приглашала в свои покои всех этих юных джентльменов? Это все ради вас, фрейлин. Значит, вы должны принять предложение, особенно если учесть, что, по словам сэра Фрэнсиса, ваш отец благословляет этот брак.

Джейн ощутила себя пойманной в ловушку:

– Да, мадам.

Брайан поставил ее перед *fait accompli*¹⁵. Неплохо было бы посоветоваться с ней самой. Джейн снова взглянула на письмо:

– Если я соглашусь на этот брак, меня приглашают, с позволения вашей милости, посетить сэра Роберта и леди Дормер, чтобы познакомиться с их сыном. Они живут в Уинге, рядом с Эйлсбери.

– Это очень хорошая идея, – сказала королева, – и конечно вам нужно поехать. Думаю, это недалеко.

– Эйлсбери в тридцати милях отсюда, мадам, – сказала Нан Стэнхоуп, глядя на Джейн завистливыми глазами.

– Вы можете взять с собой грума, и Марджери составит вам компанию.

Марджери обрадовалась. У них было так мало развлечений.

– Я сама напишу сэру Роберту Дормеру и выражу свое одобрение, – добавила королева, – надо назначить дату. А вы, Джейн, тем временем ответьте сэру Фрэнсису и сообщите, что довольны предложением и ожидаете скорой встречи с Дормерами.

– Да, мадам, – ответила Джейн, уверенная, что она ничего не говорила о своем положительном отношении к предполагаемому браку.

Все происходило слишком быстро. Утром она выполняла свои обычные обязанности и не думала о будущем и вдруг должна собираться замуж. Мало было убить Томаса, но он был далеко.

Господский дом поместья Уинг располагался среди красивых сельских угодий; это было старинное каменное здание с белой штукатуркой, высоким эркером (там, наверное, находился

¹⁵ Свершившийся факт (*фр.*).

Главный зал, догадалась Джейн) и мощной дубовой дверью, заключенной в арочный проем. Все говорило о достатке и хорошем управлении.

Приближение гостей заметили. Дверь внезапно открылась, из нее вышли мужчина и женщина. Они остановились у входа в ожидании, когда гости сойдут с лошадей. Мужчина, одетый в добротную черную накидку (сэр Роберт Дормер, как предположила Джейн), был с виду лет сорока пяти; его жена тоже была в черном, на голове капор в форме фронтона, а вырез ее платья закрывал воротник с рюшем. Муж улыбался, жена – нет. На самом деле она всем видом выражала неодобрение. Уильяма Дормера нигде не было видно.

Джейн подозревала, что эта встреча станет тяжким испытанием.

– Добро пожаловать, госпожа Джейн, – с легким поклоном сказал сэр Роберт. – А вы, должно быть, госпожа Марджери?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.